This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

H 779.05.45
Obshchii vzgliad na istori
Widener Library 005543264
3 2044 087 974 556

H 779.05.45

HARVARD COLLEGE LIBRARY

Bought with the income of
THE KELLER FUND

Bequeathed in Memory of
JASPER NEWTON KELLER
BETTY SCOTT HENSHAW KELLER
MARIAN MANDELL KELLER
RALPH HENSHAW KELLER
CARL TILDEN KELLER

VE RI TAS

Н. Карѣевъ

№ 16150
по реестру.

ОБЩІЙ ВЗГЛЯДЪ
НА
ИСТОРІЮ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ
ВЪ ПЕРВЫЯ ДВѢ ТРЕТИ
XIX ВѢКА.

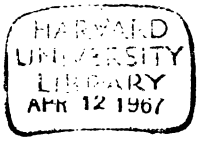
Продолженіе „Философіи культурной и соціальной исторіи новаго времени".

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА
Перваго Русскаго
~~Великаго Князя~~
КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА
Кадетскаго Корпуса.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.
1905.

H 779.65.45

3438



По опредѣленію Экономическаго Отдѣленія С.-Петербургскаго Политехническаго Института печатать разрѣшается. 24-го февраля 1905 г.

Деканъ *А. Посниковъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе V

I. Вліяніе французской революціи на политическую жизнь Западной Европы въ XIX в. 1

II. Значеніе экономическаго переворота конца XVIII и начала XIX в. въ исторіи Западной Европы 19

III. Общій взглядъ на наполеоновскую эпоху 35

IV. Общій характеръ реакціонныхъ стремленій эпохи реставраціи 52

V. Общій взглядъ на либерализмъ двадцатыхъ годовъ XIX в. 67

VI. Южно-романскія революціи и конгрессы двадцатыхъ годовъ XIX в. 78

VII. Іюльская революція и ея вліяніе на Европу 86

VIII. Господство буржуазіи въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ XIX в. 96

IX. Демократическія движенія тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ XIX в. 103

X. Соціальныя ученія первой половины XIX в. 116

XI. Національные вопросы первой половины XIX в. . . . 130

XII. Общеевропейскій кризисъ 1848 года и его исходъ . . . 139

XIII. Общій взглядъ на реакцію пятидесятыхъ годовъ XIX в. 153

XIV. Оживленіе политическихъ и соціальныхъ стремленій въ шестидесятыхъ годахъ XIX в. 161

XV. Примѣненіе принципа національностей къ политикѣ въ 1859—1871 гг. 171

XVI. Взглядъ на умственное развитіе въ Западной Европѣ въ первыя двѣ трети XIX в. 183

Приложеніе 192

15896

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА
Перваго Русскаго
Великаго Князя
КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА
Кадетскаго Корпуса.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Окончивъ около двѣнадцати лѣтъ тому назадъ первые три тома своей „Исторіи Западной Европы", прежде нежели начать работу надъ исторіей XIX в., первая треть котораго должна была быть изложена въ четвертомъ томѣ, я резюмировалъ содержаніе только что оконченныхъ трехъ томовъ въ небольшой книжкѣ съ нѣсколько, быть можетъ, громкимъ заглавіемъ [1]), вполнѣ, однако, со-

[1]) Философія культурной и соціальной исторіи новаго времени (1300—1800). Введеніе въ исторію XIX вѣка. (Основныя понятія, главнѣйшія обобщенія и наиболѣе существенные итоги исторіи XIV—XVIII вѣковъ). Изд. 2. Спб. 1902. Въ текстѣ книжки 200 страницъ такого же формата и такого же шрифта, какъ и въ настоящей. О содержаніи ея можно судить по слѣдующему оглавленію: Вступленіе.—I. Очеркъ соціальныхъ отношеній новаго времени.—II. Политическій строй новыхъ вѣковъ.—III. Средневѣковое міросозерцаніе.—IV. Сущность гуманистическаго движенія.—V. Культурное значеніе религіозной реформаціи.—VI. Соціальная и политическая сторона реформаціи.—VII. Культурная и политическая реакція.—VIII. Старые государственные и общественные порядки.—IX. Характеристика „просвѣщенія" XVIII в.—X. Просвѣщенный абсолютизмъ и французская

отвѣтствовавшимъ тому, что я въ ней хотѣлъ дать читателю. Когда была черезъ пять лѣтъ окончена работа и надъ слѣдующими двумя томами „Исторіи Западной Европы“, доводящими изложеніе до 1870 г., я задумалъ и ихъ содержаніе изложить въ краткомъ очеркѣ, въ которомъ à vol d'oiseau и въ самыхъ общихъ чертахъ, конечно, было бы представлено политическое, экономическое, соціальное и культурное развитіе Западной Европы въ первыя двѣ трети XIX в. Работа была даже начата [1]), но разныя обстоятельства заставили меня ее сначала бросить неоконченною, да и потомъ мѣшали мнѣ къ ней возвратиться. Только необходимость, представившаяся мнѣ съ осени 1904 г. прочесть въ Спб. Политехническомъ Институтѣ, при одной лекціи въ недѣлю, курсъ исторіи главныхъ явленій XIX в. навела меня на мысль окончить прерванную около шести лѣтъ тому назадъ работу, сдѣлавъ изъ нея на этотъ разъ нѣчто въ родѣ конспекта курса съ указаніями на §§ учебника и на главы моей большой книги, гдѣ мои слушатели могли бы находить подробности, сообщавшіяся на лекціяхъ, но оставшіяся невключенными въ текстъ книжки. Быть можетъ, опытный читатель отличитъ, гдѣ преры-

---

революція. — Нѣкоторыя главы нашего общаго обзора XIX в. болѣе или менѣе тѣсно примыкаютъ къ отдѣльнымъ главамъ „Философіи культурной и соціальной исторіи новаго времени“, что въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ и отмѣчается.

[1]) Изъ нея первыя двѣ главы были уже мною напечатаны (съ сокращеніями) въ составѣ моей книги „Общій ходъ всемірной исторіи“ (Спб. 1903), стр. 229—245.

вается написанное въ 1898 г. и начинается написанное только теперь: я, по крайней мѣрѣ, самъ чувствую разницу, но такъ какъ она не касается самаго существа дѣла, я и не старался ее сгладить.

Такимъ образомъ, этотъ „Общій взглядъ на исторію Западной Европы въ первыя двѣ трети XIX в.“, съ одной стороны, является продолженіемъ подобной же книжки, посвященной вообще новой исторіи до конца XVIII в., а съ другой—своего рода résumé IV и V томовъ „Исторіи Западной Европы въ новое время“. Надѣюсь, что ея изданіе будетъ нелишнимъ, какъ нелишнею оказалась и „Философія культурной и соціальной исторіи новаго времени“, къ которой „Общій взглядъ“ примыкаетъ, какъ естественное ея продолженіе.

I. Вліяніе французской революціи на политическую жизнь Западной Европы въ XIX вѣкѣ [1]).

1. Два переворота въ началѣ новѣйшаго времени. — 2. Политическія революціи XIX в.—3. „Старый порядокъ“ и новыя идеи въ XVIII в.— 4. Идеи свободы и равенства въ законодательныхъ памятникахъ со временъ французской революціи.—5. Безсословное гражданство и паденіе крѣпостничества.—6. Атомизація общества.—7. Общественныя классы, проигравшіе и выигравшіе отъ переворота.

---

1. Исторія новѣйшаго времени на западѣ Европы начинается двумя переворотами, которые являются исходными пунктами всей общественной эволюціи XIX вѣка.

---

[1]) Исторія Западной Европы въ новое время, томъ III, гл. 26 (Принципы индивидуальной свободы и народовластія въ законодательствѣ конституанты) и гл. 27 (Преобразованіе общественнаго строя во Франціи во время революціи) и томъ IV, гл. 2 (Вліяніе французской революціи на Европу).

— Для элементарныхъ фактическихъ справокъ „Учебная книга новой исторіи“: § 232. Работы учредительнаго собранія. § 233. Декларація правъ. § 234. Реформы учредительнаго собранія. § 247. Значеніе революціонныхъ войнъ. § 248. Революціонныя войны.

— Въ книжкѣ „Философія культурной и соціальной исторіи новаго времени“ настоящая глава примыкаетъ непосредственно къ послѣдней главѣ („Просвѣщенный абсолютизмъ и французская революція“).

Первымъ изъ этихъ переворотовъ была политическая революція, начавшаяся въ концѣ XVIII в. во Франціи и распространившаяся оттуда очень скоро на другія страны. Другому перевороту, который ранѣе всего испытала на себѣ Англія,—именно въ концѣ XVIII в.,—присваивается также названіе революціи, но это была революція чисто экономическая. Несомнѣнно, что на европейскомъ материкѣ политическая революція предшествовала экономической, и потому мы должны начать разсмотрѣніе главнѣйшихъ явленій общественнаго развитія въ XIX в. съ того политическаго переворота, который произошелъ во Франціи въ концѣ XVIII в. Съ другой стороны, политическія перемѣны совершаются вообще быстрѣе перемѣнъ экономическихъ и сопровождаются обыкновенно историческими событіями, которыя сильно дѣйствуютъ на воображеніе какъ современниковъ, такъ и потомства: таковы были именно событія конца XVIII и начала XIX вв. Между тѣмъ экономическая революція, совершавшаяся въ то же самое время въ Англіи, совсѣмъ не приковывала къ себѣ общественнаго вниманія, и о ней заговорили лишь тогда, когда успѣли вполнѣ обнаружиться главныя слѣдствія отдѣльныхъ экономическихъ перемѣнъ, изъ которыхъ, такъ сказать складывалась эта экономическая революція.

2. Съ 1789 года, когда во Франціи началась великая революція, въ жизни Западной Европы начался новый историческій періодъ. Французская революція, имѣвшая, повидимому, сначала чисто мѣстный характеръ, весьма быстро получила значеніе общеевропейскаго переворота. Въ 1792 г. между Франціей, только-что совершившей у себя революцію, и другими государствами, ополчившимися на защиту старыхъ порядковъ, началась война, которая почти безъ перерывовъ продолжалась чуть не

цѣлую четверть вѣка и которая для остальной Европы была своего рода распространеніемъ, въ отдѣльныхъ ея частяхъ, принциповъ французской революціи. Въ 1815 г. Западная Европа перешла въ періодъ прочнаго и долговременнаго международнаго мира, но внутри отдѣльныхъ государствъ все еще продолжалось движеніе, вызванное французской революціей. Въ 1820—21 гг. произошло нѣсколько возстаній на Пиренейскомъ и Апеннинскомъ полуостровахъ. Десять лѣтъ спустя іюльская революція въ Парижѣ повлекла за собою цѣлый рядъ новыхъ потрясеній—въ Бельгіи и въ Польшѣ, въ Германіи и въ Италіи. Въ 1848 г. опять какъ бы по сигналу, данному изъ Парижа, почти всѣ страны Западной Европы были охвачены революціонной бурей, которая улеглась не очень скоро. Всѣ эти политическія движенія на пространствѣ нѣсколькихъ десятилѣтій имѣли въ общемъ одинъ и тотъ же характеръ, совершались подъ однимъ и тѣмъ же знаменемъ. Насколько позволительно сводить крупныя историческія событія къ немногимъ основнымъ принципамъ, мы можемъ сказать, что всѣ перевороты, непосредственно вызванные революціей 1789 г., равно какъ всѣ указанныя движенія первой половины XIX в. совершались во имя двухъ идей — идеи свободы и идеи равенства. Въ самомъ дѣлѣ, французская революція 1789 года, а за нею и всѣ остальныя революціи были прежде всего направлены противъ старыхъ государственныхъ и общественныхъ порядковъ, которые были цѣликомъ основаны на отрицаніи гражданской свободы и гражданскаго равенства. Въ настоящее время въ исторической наукѣ употребляется съ весьма опредѣленнымъ смысломъ выраженіе ancien régime, и обозначаетъ оно не что иное, какъ соединеніе политическаго абсолютизма съ соціальными привилегіями, характеризующее внутрен-

ній быть до-революціонной Франціи и другихъ европейскихъ государствъ, еще не подвергавшихся внутреннимъ перемѣнамъ въ духѣ принциповъ французской революціи. Политическая революція, о которой вообще мы теперь говоримъ, была именно войной, объявленной абсолютизму и привилегіямъ во имя идей свободы и равенства.

3. Бросимъ въ самомъ дѣлѣ бѣглый взглядъ на государство и общество „стараго порядка“ [1]). Государство въ ту эпоху было полнымъ отрицаніемъ свободы и въ смыслѣ участія общества въ управленіи, и въ смыслѣ огражденія правъ отдѣльной личности. Это была эпоха полнаго развитія абсолютизма на развалинахъ старыхъ сословно-представительныхъ учрежденій, которыя въ XIV—XVI вв. были болѣе или менѣе общими всѣмъ европейскимъ націямъ и являлись своеобразною формою участія общества въ государственныхъ дѣлахъ. Другою особенностью государственнаго быта при старомъ порядкѣ было то, что впослѣдствіи обобщилось и выразилось въ понятіи „полицейскаго государства“, Polizeistaats, тоже получившемъ право гражданства въ исторической наукѣ: полицейское государство было принципіальнымъ врагомъ индивидуальной свободы. Въ то же время это несвободное общество цѣликомъ, такъ сказать, было основано на идеѣ неравенства. Оно расчленялось на отдѣльныя сословія съ весьма неравными правами, и сами эти сословія представляли изъ себя своего рода общественную лѣстницу, верхнимъ ступенямъ которой соотвѣтствовали всевозможныя привилегіи, низшимъ — разные виды безправія вплоть до крѣпостничества, юридически мало чѣмъ отличавшагося отъ рабства. Въ XVIII в. такому государ-

---

[1]) Ср. „Философія культурной и соціальной исторіи новаго времени“, гл. VIII (Старые государственные и общественные порядки).

ственному и общественному строю сознаніе передовой части общества, главнымъ органомъ которой сдѣлалась литература, противопоставило идеи свободы и равенства, подъ знаменемъ каковыхъ и совершались политическія движенія революціонной эпохи.

Идеи равенства и свободы были главными и основными понятіями политической философіи XVIII в., которая обосновывала ихъ на понятіи такъ называемаго „естественнаго права“ [1]). Въ реформаціонную эпоху европейской исторіи, когда тоже происходили общественныя движенія во имя свободы и равенства, теоретическое оправданіе этихъ двухъ идей искали въ волѣ Божіей, познаваемой въ св. писаніи или во внутреннемъ откровеніи. Философія XVIII в. объявила источникомъ знанія истины человѣческій разумъ и замѣнила ссылку на волю Божію естественнымъ правомъ, открываемымъ дѣятельностью человѣческаго разума. Съ точки зрѣнія этой философіи исторически сложившіяся политическія и соціальныя формы должны были подвергнуться отрицанію, какъ несоотвѣтствующія требованіямъ разума, т.-е. естественному праву. За теоретическимъ отрицаніемъ господствовавшихъ государственныхъ и общественныхъ порядковъ послѣдовало практическое осуществленіе требованій естественнаго права, реализація идей свободы и равенства. Абсолютная монархія должна была уступить мѣсто народному самоуправленію, привилегированныя сословія должны были раствориться въ безсословномъ гражданствѣ. Таковы были основныя стремленія революціи 1789 года, но то же самое можно сказать и о другихъ революціонныхъ движеніяхъ политическаго характера съ конца XVIII в.

---

[1]) Тамъ же, гл. IX (Характеристика просвѣщенія XVIII в.).

4. Эти принципы были запечатлѣны именно въ цѣломъ рядѣ разнаго рода декларацій и конституцій, изданіемъ которыхъ сопровождались всѣ указанныя политическія движенія. Въ данномъ отношеніи особенно интересно сравнить между собою французскую „Декларацію правъ человѣка и гражданина", выработанную въ 1789—91 гг., съ соотвѣтственною частью германской конституціи 1849 г. Это сравненіе покажетъ намъ, что и въ началѣ, и въ концѣ періода чисто политическихъ революцій мы имѣемъ дѣло съ одними и тѣми же принципами политической свободы и гражданскаго равенства. На протяженіи 60 лѣтъ между 1789 и 1849 гг. совершился на западѣ Европы цѣлый рядъ политическихъ переворотовъ, но всѣ они имѣютъ одинъ и тотъ же характеръ. Французская „Декларація правъ человѣка и гражданина" исходитъ изъ того общаго положенія, что „единственными причинами общественныхъ бѣдствій и порчи правительствъ" являются „незнаніе, забвеніе или презрѣніе правъ человѣка", правъ, которыя декларація называетъ „естественными, неотчуждаемыми и священными". Выводы, какіе могутъ быть сдѣланы изъ этихъ правъ, декларація провозглашаетъ простыми и безспорными. „Люди рождаются и остаются свободными и равными въ правахъ". Таковъ первый и основной принципъ всей деклараціи. Права эти заключаются въ „свободѣ, собственности, безопасности и сопротивленіи угнетенію", причемъ свобода опредѣляется, какъ „возможность дѣлать все, что не вредитъ другому. Такимъ образомъ, поясняетъ декларація, пользованіе каждаго человѣка его естественными правами не имѣетъ границъ кромѣ тѣхъ, которыя обезпечиваютъ за другими членами общества пользованіе тѣми же правами". Нѣсколькими спеціальными статьями устанавливаются разные виды

индивидуальной свободы, т.-е. личная неприкосновенность, свобода совѣсти, свобода мысли, свобода слова и свобода печати. Собственность также объявляется ненарушимымъ и священнымъ правомъ, въ силу чего никто не можетъ быть лишаемъ ея, кромѣ случаевъ, когда того требуетъ общественная надобность, да и то лишь подъ условіемъ законнаго вознагражденія. Свободныя личности должны пользоваться полнымъ равенствомъ передъ закономъ: декларація допускаетъ существованіе лишь такихъ общественныхъ различій, которыя основаны на общей пользѣ. „Законъ долженъ быть равный для всѣхъ, имѣетъ ли онъ цѣлью защиту или наказаніе. Такъ какъ всѣ граждане передъ нимъ равны, то они должны быть одинаково допускаемы ко всѣмъ званіямъ, мѣстамъ и общественнымъ должностямъ по своимъ способностямъ и безъ иныхъ различій, кромѣ существующихъ въ ихъ добродѣтели и талантахъ". Вмѣстѣ съ этимъ декларація говорила и о равномѣрномъ распредѣленіи налоговъ между гражданами сообразно съ ихъ средствами. Совокупности свободныхъ и между собою равныхъ гражданъ принадлежитъ верховная власть въ государствѣ. „Принципъ всей верховной власти находится существеннымъ образомъ въ націи. Законъ есть выраженіе общей воли. Всѣ граждане имѣютъ право лично или чрезъ представителей участвовать въ изданіи законовъ", а также „право лично или чрезъ своихъ представителей опредѣлять необходимость общественныхъ налоговъ, свободно на нихъ соглашаться, слѣдить за ихъ употребленіемъ, устанавливать ихъ размѣръ, основаніе раскладки, способъ взиманія и срокъ". Поэтому декларація объявляла, что „никакое учрежденіе, никакое лицо не можетъ осуществлять власти, не происходящей прямо отъ націи", и что „общество

имѣетъ право требовать отчета у каждаго публичнаго агента своей администраціи".

Приблизительно тѣ же самые принципы мы находимъ формулированными въ томъ отдѣлѣ германской конституціи 1849 г., который носитъ заголовокъ „Основныя права нѣмецкаго народа". Подобно тому, какъ „Декларація правъ человѣка и гражданина" объявляла свои принципы стоящими выше конституціи, такъ и здѣсь провозглашалось, что упомянутыя основныя права должны „служить нормою для конституціи отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствъ". Въ нѣсколькихъ статьяхъ конституція 1849 г. говоритъ, какъ и декларація 1791 г., о личной неприкосновенности и о разныхъ видахъ индивидуальной свободы; въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ германская конституція—только обстоятельнѣе своего прототипа, прибавляя даже особый параграфъ о правѣ народныхъ собраній. Очень подробно говорится въ конституціи и о гражданскомъ равенствѣ. „Передъ закономъ нѣтъ различія сословій. Дворянство, какъ сословіе отмѣняется. Сословныя привилегіи уничтожаются. Нѣмцы равны передъ закономъ. Всѣ титулы, поскольку они не соединены съ какою-либо должностью, отмѣняются и не должны быть возстановляемы. Общественныя должности одинаково доступны для всѣхъ, способныхъ ихъ занимать" и т. п. И въ Германіи конституція основывала государство на народномъ представительствѣ. „Каждое нѣмецкое государство, гласитъ одна статья этого законодательнаго памятника, должно имѣть конституцію съ народнымъ представительствомъ. Министры отвѣтственны передъ народнымъ представительствомъ. Народное представительство имѣетъ рѣшающій голосъ въ вопросахъ законодательства, налоговъ и государственнаго бюджета".

Мы видимъ такимъ образомъ почти полное совпа-

деніе между политическими принципами двухъ революцій, отдѣленныхъ одна отъ другой болѣе, чѣмъ полувѣкомъ. Въ обоихъ случаяхъ исходный пунктъ одинъ и тотъ же— идея свободной личности, равноправной съ другими личностями и подчиняющейся лишь закону, какъ выраженію общей воли. Разъ каждая отдѣльная личность свободна, и народъ, какъ совокупность подобныхъ личностей, долженъ управляться самъ собою. Такимъ образомъ вся разсматриваемая нами политическая программа можетъ быть выражена въ трехъ принципахъ: личная свобода, безсословное гражданство, народное самоуправленіе. Это самоуправленіе осуществляется посредствомъ представительныхъ учрежденій, которыя дѣлаются главною цѣлью политической борьбы со стороны защитниковъ индивидуальной свободы и гражданскаго равенства.

5. Представительныя учрежденія не были новостью въ исторіи западно-европейскаго государства, потому что возникли еще въ средніе вѣка, но между старыми и новыми учрежденіями этого характера есть большая разница: средневѣковое представительство было сословнымъ въ соотвѣтствіи съ сословнымъ строемъ общества, тогда какъ представительство новое является, по крайней мѣрѣ, въ теоріи представительствомъ національнымъ, общенароднымъ. Въ исторіи французской революціи можно отмѣтить весьма опредѣленно моментъ, когда произошла замѣна одного политическаго принципа другимъ. Именно, 17 іюня 1789 года сословные генеральные штаты превратились въ безсословное національное собраніе, и это превращеніе въ исторіи представительныхъ учрежденій было концомъ одного періода и началомъ другого, хотя уже раньше англійскій парламентъ утратилъ слѣды своего сословнаго происхожденія, позднѣе же начало сословности продолжало еще жить въ нѣмецкихъ представительныхъ учре-

жденіяхъ XIX в. Сословное представительство возможно только въ обществѣ, расчлененномъ на сословія, но дѣло именно въ томъ и заключается, что французская революція положила конецъ сословнымъ привилегіямъ во имя идеи гражданскаго равенства. И въ этомъ послѣднемъ отношеніи мы можемъ указать на дату, когда сразу рухнулъ весь соціальный феодализмъ, и на его развалинахъ основано было безсословное гражданство. Какъ извѣстно, это произошло въ знаменитомъ ночномъ засѣданіи четвертаго августа 1789 г. Рѣшенія, принятыя въ этомъ засѣданіи представителями французскаго народа, для соціальныхъ отношеній имѣли тотъ же смыслъ, какой въ политической области получило постановленіе 17 іюня. Впослѣдствіи эти рѣшенія вошли въ составъ конституціи 1791 г., которая на первыхъ же строкахъ своихъ объявляла „безповоротно уничтоженными всѣ учрежденія, оскорблявшія свободу и равенство правъ“: „нѣтъ больше, читаемъ мы въ этой конституціи, ни дворянства, ни пэрства, ни наслѣдственныхъ отличій, ни сословнаго раздѣленія, ни феодальнаго режима, ни патримоніальной юстиціи, ни какихъ-либо титуловъ, званій и прерогативъ, изъ всего этого возникающихъ, ни какихъ-либо рыцарскихъ орденовъ, корпорацій и украшеній, для которыхъ требовались бы доказательства дворянства или которые предполагали бы неравенство рожденія“. Поэтому конституція прямо заявляла, что впредь во Франціи будетъ существовать только одно состояніе гражданъ (l'état des citoyens). Мы видѣли, что аналогичное постановленіе было включено и въ германскую конституцію 1849 г. Естественными правами всѣхъ гражданъ конституція 1791 г. признавала одинаковое для всѣхъ право занимать разныя государственныя и общественныя должности, равномѣрность распредѣленія

между гражданами налоговъ и общую подсудность однимъ и тѣмъ же уголовнымъ законамъ.

Въ это состояніе гражданъ, благодаря революціи, вступили во Франціи и тѣ общественные классы, которые ранѣе вообще не считались полноправными гражданами государства и даже были лишены самыхъ элементарныхъ правъ свободныхъ людей. Въ такомъ положеніи находилась въ до-революціонной Франціи почти вся масса сельскаго населенія. Правда, число крѣпостныхъ здѣсь было сравнительно съ нѣкоторыми другими континентальными странами очень небольшое, но и свободная часть крестьянства все еще продолжала находиться подъ властью привилегированныхъ землевладѣльцевъ духовнаго и свѣтскаго званія. Поземельная собственность, находившаяся въ рукахъ непривилегированныхъ сословій, тоже не была свободна, такъ какъ и на нее распространялись извѣстныя права привилегированныхъ землевладѣльцевъ. Мало того: неравенство, существовавшее между лицами, переносилось и на самыя земли, тоже дѣлившіяся на благородныя и подлыя. Освобождая личность крестьянина, революція вмѣстѣ съ этимъ освобождала и его собственность; установляя равенство между людьми, она установляла равенство и между землями. Вообще нужно сказать, что и другія политическія движенія съ конца прошлаго вѣка въ большинствѣ случаевъ были связаны съ исторіей крестьянскаго вопроса тамъ, гдѣ продолжали существовать феодальные порядки и крѣпостничество. Окончательная ликвидація этихъ соціальныхъ отношеній чисто средневѣкового происхожденія была предпринята на западѣ Европы лишь подъ вліяніемъ революціи 1848 г. Это было естественное примѣненіе къ общественной жизни принциповъ юридической свободы и равенства передъ закономъ.

6. Философія естественнаго права должна была отнестись отрицательно ко всѣмъ порядкамъ и учрежденіямъ, которыя не оправдывались передъ идеями разума, и съ этой точки зрѣнія все исторически сложившееся подлежало отмѣнѣ, поскольку противорѣчило новымъ понятіямъ о правахъ личности и о происхожденіи и задачахъ государства. Когда французскому національному собранію пришлось создавать новую административную систему, то въ основу дѣленія государства на департаменты были положены не исторически сложившіяся границы провинцій, округовъ, бальяжей и т. п., а чисто отвлеченные принципы геометріи и ариѳметики: каждый департаментъ долженъ былъ быть по возможности равной съ другими величины и имѣть приблизительно одинаковое количество жителей. Это было полнымъ разрывомъ съ исторіей во имя чисто отвлеченнаго представленія государства, въ которомъ все должно быть основано на отвлеченныхъ принципахъ. Философія естественнаго права знала только индивидуальную свободу и общегосударственный интересъ. Все промежуточное между отдѣльною личностью и политическимъ цѣлымъ съ этой точки зрѣнія не могло и не должно было имѣть самостоятельнаго значенія. Французскіе департаменты вышли поэтому совершенно искусственными административными единицами, которыя съ удобствомъ могли уложиться лишь въ систему правительственной централизаціи. Отдѣльная личность, которой не разрѣшалось создавать общественные союзы корпоративнаго характера, равнымъ образомъ оказалась слишкомъ слабою въ сравненіи прежде всего съ государствомъ, какъ представителемъ правильно или неправильно понимаемаго общаго интереса. Принципъ личной свободы французская революція примѣнила и къ труду, къ промышленной дѣятельности человѣка. Въ этой области

индивидуумъ долженъ былъ быть свободнымъ, и притомъ не по отношенію къ одному только государству. Уничтожая крѣпостничество, барщину, разнаго рода стѣсненія, которымъ крестьянинъ подвергался въ своей хозяйственной дѣятельности, революція тѣмъ самымъ освобождала личный трудъ, но тогдашняя экономическая школа физіократовъ, опиравшаяся на идею естественнаго порядка, давно требовала отмѣны стѣсненій для свободы труда и предпріимчивости и въ области индустріи. Свободѣ въ этомъ смыслѣ препятствовала старая цеховая организація ремеслъ, въ которой притомъ начала эксплуатаціи въ значительной мѣрѣ расшатали старыя основы солидарности работниковъ одной и той же спеціальности. Во имя свободы личности революція не только отмѣнила всѣ цеховыя учрежденія, но даже и на будущее время запретила устраивать какія бы то ни было ассоціаціи на почвѣ общихъ экономическихъ интересовъ, дабы ни подъ какимъ видомъ старые цехи не могли возродиться къ жизни. Въ такомъ именно смыслѣ французское національное собраніе издало 14 іюня 1791 года спеціальный декретъ. Тогдашніе французскіе законодатели усматривали въ возможныхъ попыткахъ основанія новыхъ союзовъ нѣчто „неконституціонное и заключающее въ себѣ покушеніе на свободу и декларацію правъ человѣка“. Представляя этотъ декретъ національному собранію, докладчикъ, на которомъ лежала обязанность подробно мотивировать принимаемое рѣшеніе, указывалъ на то, что въ государствѣ не должно быть иныхъ интересовъ, кромѣ частнаго интереса каждаго отдѣльнаго лица и интереса общаго: „никому, говорилъ онъ, не дозволяется внушать гражданамъ какой-то промежуточный интересъ и отдѣлять ихъ отъ общественнаго дѣла корпоративнымъ духомъ“, тѣмъ болѣе, что корпораціи противо-

рѣчать принципу „свободныхъ соглашеній лица съ лицомъ“.

Итакъ революція знала только отдѣльную личность и государство и ничего промежуточнаго между ними. Если можно такъ выразиться, революція атомизировала общество, уничтоживъ старые общественные союзы, сословія и корпораціи и поставивъ каждаго отдѣльнаго человѣка лицомъ къ лицу съ другими единичными личностями и съ государственною властью, построенною на новомъ началѣ. Самостоятельные общественные союзы стѣсняли личную свободу и мѣшали проявленію государственнаго всемогущества; но въ нихъ была и другая сторона, а именно, солидарная защита общихъ интересовъ и соединенныхъ съ ними правъ: снимая съ личности прежніе путы, революція отнимала у нея и возможность обороняться въ союзѣ съ другими. Вотъ почему въ той критикѣ революціоннаго законодательства, которая шла изъ консервативнаго лагеря, не все было результатомъ предразсудковъ и непониманія.

Кромѣ отдѣльныхъ провинцій, сословій и корпорацій, основывавшихся на историческомъ правѣ,—хотя бы такого термина тогда и не существовало, — революціи пришлось еще имѣть дѣло съ организаціей, которая ссылалась на право еще высшаго порядка—на божественное право. Съ точки зрѣнія естественнаго права личности революція отняла у католической церкви ея прежнюю власть надъ обществомъ, провозгласивъ свободу совѣсти и равноправность всѣхъ исповѣданій. Но и въ этой области національное собраніе не хотѣло допустить свободной общественной организаціи, взглянувъ на церковь, какъ на чисто государственное учрежденіе, а на служителей религіи, какъ на своего рода общественныхъ чиновниковъ. Таковъ былъ именно смыслъ такъ назы-

ваемаго гражданскаго устройства духовенства, декретированнаго 12 іюля 1790 г. И здѣсь отдѣльная личность, за которою признавалась свобода совѣсти, но не признавалась свобода религіознаго общенія, ставилась лицомъ къ лицу съ государствомъ, преобразовывавшимъ по своему усмотрѣнію и въ своихъ интересахъ внутренніе распорядки католической церкви. Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ государство не разрушало старой организаціи, а приспособляло ее къ своимъ цѣлямъ, хотя вслѣдствіе этого ему и пришлось прійти въ столкновеніе съ принципомъ религіозной свободы. Вообще революціонныя правительства конца XVIII в. охотно расширяли индивидуальную свободу лишь въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ она сталкивалась съ государственнымъ интересомъ (raison d'état), который тоже обосновывался на идеѣ естественнаго права. Революція уничтожала старые порядки и учрежденія, опиравшіеся на историческомъ или божественномъ правѣ во имя права естественнаго, которое понималось не только въ смыслѣ индивидуальной свободы, но и въ смыслѣ государственнаго интереса. Права и привилегіи отдѣльныхъ мѣстностей, сословій и корпорацій приносились въ жертву не только личностей, но и государства. Нивеллируя общество, государство въ то же время его атомизировало, и это не могло не отразиться на взаимныхъ отношеніяхъ отдѣльныхъ классовъ общества: мы еще увидимъ [1]), какое значеніе получила отмѣна цеховъ въ той промышленной революціи, которая тоже положила свою печать на взаимное отношеніе соціальныхъ классовъ въ XIX столѣтіи.

7. Намъ остается еще рѣшить вопросъ о томъ, какіе общественные элементы получили наибольшую выгоду

---

[1]) См, въ слѣдующей главѣ.

отъ крушенія старыхъ порядковъ, отъ введенія безсословнаго гражданства и народнаго самоуправленія. Проиграли, конечно, оба привилегированныя сословія—духовенство и дворянство, которыя лишились своего господствующаго положенія въ обществѣ, своихъ исключительныхъ правъ, своей власти надъ сельскимъ населеніемъ и значительной части ранѣе принадлежавшихъ имъ земель и доходовъ. Эти два сословія уже въ эпоху просвѣщеннаго абсолютизма представляли изъ себя консервативную оппозицію противъ задумывавшихся или проводившихся тогда реформъ. Между привилегированными и революціей могла быть только борьба, и паденіе революціоннаго движенія необходимо должно было сопровождаться клерикальной и феодальной реакціей. Выиграли отъ введенія новыхъ порядковъ вообще всѣ непривилегированные, хотя въ весьма различныхъ степеняхъ и далеко не въ одинаковыхъ отношеніяхъ. Непривилегированные сами распадались на нѣсколько классовъ, различавшихся между собою и въ экономическомъ, и въ культурномъ смыслахъ. Въ общемъ, однако, мы имѣемъ право говорить о двухъ большихъ частяхъ націи, изъ которыхъ одну стали называть буржуазіей, другую—народомъ. Эти два класса были заинтересованы въ паденіи старыхъ порядковъ, но новые порядки получили для нихъ неодинаковое значеніе. Наиболѣе выиграла отъ революціи буржуазія.

Въ экономическомъ и культурномъ отношеніяхъ буржуазія при старомъ порядкѣ уже возвысилась до того уровня, на которомъ находилось дворянство, но въ отношеніяхъ юридическомъ и политическомъ между обоими классами существовала громадная разница. Зажиточный и образованный буржуа постоянно чувствовалъ приниженность своего положенія и вслѣдствіе этого дѣлался горячимъ противникомъ аристократическихъ привилегій.

Паденіе стараго сословнаго строя ставило буржуазію на верхнюю ступень общественной лѣстницы, потому что теперь положеніе человѣка въ обществѣ опредѣлялось не его происхожденіемъ, а его имуществомъ, и прежняя соціальная роль землевладѣнія распространилась и на движимое имущество. Все, что при старомъ порядкѣ могло быть достояніемъ только одного дворянства, дѣлалось доступнымъ и для буржуазіи. Разнаго рода препятствія, которыя существовали въ сословномъ строѣ для дальнѣйшаго развитія соціальнаго значенія буржуазіи, исчезли, и средніе классы могли занять первенствующее положеніе въ обществѣ. Съ другой стороны, революція и матеріально обогатила буржуазію. такъ какъ сопровождалась перемѣщеніемъ значительной части поземельной собственности изъ однѣхъ рукъ въ другія. Хотя до сихъ поръ вопросъ о распродажѣ такъ называемыхъ національныхъ имуществъ возбуждаетъ еще въ исторической наукѣ споры, въ общемъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что покупщиками этихъ имуществъ, образовавшихся изъ бывшихъ королевскихъ доменовъ, изъ секуляризованной церковной собственности и изъ имѣній, конфискованныхъ у эмигрантовъ, являлись главнымъ образомъ люди, у которыхъ были денежныя средства. Пусть въ покупкѣ національныхъ имуществъ принимали участіе и крестьяне, но это не была вся крестьянская масса, а только болѣе зажиточное меньшинство. Мы не знаемъ, какая часть земель была куплена крестьянами и какая буржуазіей, но никто не станетъ отрицать, что буржуазія очень поживилась на счетъ національныхъ имуществъ. Выигрывало отъ революціи, конечно, и крестьянство, потому что и съ него снимались феодальныя путы; однако, этотъ общественный классъ, благодаря революціи, получалъ только возможность вести болѣе человѣческую жизнь: буржуазіи

революція позволяла сдѣлаться общественнымъ классомъ, крестьянство она только выводила изъ приниженнаго положенія. Притомъ, и въ сельскомъ населеніи существовали крестьяне-собственники и крестьяне безземельные. Первые выигрывали отъ уничтоженія феодальныхъ правъ и церковной десятины тѣмъ болѣе, что это уничтоженіе было совершено во Франціи безвозмездно (не такъ, какъ это дѣлалось потомъ въ другихъ странахъ). Зато положеніе безземельнаго крестьянства революція мало чѣмъ измѣняла. Столь же мало измѣнила революція положеніе городскихъ рабочихъ, хотя, повидимому, низшіе классы городского населенія принимали наиболѣе дѣятельное участіе во всемъ этомъ движеніи и на нихъ преимущественно опирались вожди французской демократіи. Пролетаріатъ, сначала возлагавшій большія надежды на революцію, мало-по-малу въ ней разочаровался и охладѣлъ къ ней. Это даже было одной изъ причинъ начавшейся во Франціи реакціи, приведшей къ владычеству Наполеона. Съ другой стороны, въ самой буржуазіи движенія, происходившія въ пролетаріатѣ, вызвали реакціонное настроеніе, которое тоже содѣйствовало установленію Наполеоновскаго режима. Средніе классы общества охотно ниспровергали старый соціальный строй, поскольку онъ былъ для нихъ невыгоденъ, но вовсе не хотѣли поступиться тѣми выгодами, которыя вытекали для нея изъ ея экономическаго положенія въ новомъ строѣ. Въ разрушеніи привилегій буржуазія и народъ шли рука объ руку и дѣйствовали солидарно, но когда побѣда надъ старымъ порядкомъ была одержана, обнаружилось, что въ пониманіи свободы и равенства между буржуазіей и народомъ не было полнаго согласія. Задача буржуазіи заключалась въ томъ, чтобы консолидировать сдѣланныя ею пріобрѣтенія, въ народныхъ же массахъ существо-

вало представленіе, что совершившаяся революція есть только начало цѣлаго ряда новыхъ измѣненій.

II. Значеніе экономическаго переворота конца XVIII и начала XIX вѣка въ исторіи Западной Европы [1]).

1. Три процесса, создавшіе экономическую революцію.—2. Обезземеніе крестьянства и образованіе пролетаріара. — 3. Паденіе цеховой организаціи обрабатывающей промышленности и возникновеніе крупной индустріи. — 4. Введеніе машиннаго производства и общее его значеніе.—5. Перепроизводство и кризисы.—6. Пауперизмъ и начало рабочаго вопроса.

1. Экономическая революція была результатомъ трехъ тѣсно связанныхъ между собою процессовъ, изъ которыхъ каждый можетъ быть разсмотрѣнъ независимо отъ другихъ. Однимъ изъ этихъ процессовъ было образованіе пролетаріата, которое само было результатомъ обезземеленія народной массы. Другой процессъ заключался въ разложеніи и паденіи стараго цехового устройства промышленности, препятствовавшаго развитію крупнаго производства. Наконецъ, третій процессъ, это—изобрѣ-

[1]) Исторія Западной Европы въ новое время, томъ IV, гл. 22 (Существенное содержаніе соціальной исторіи XIX в.), гл. 23 (Крестьянскій вопросъ въ первой трети XIX в.), гл. 24 (Перемѣны въ промышленномъ быту Западной Европы въ концѣ XVIII и началѣ XIX в.) и гл. 25 (Капитализмъ, пролетаріатъ, пауперизмъ и начало рабочаго вопроса). — Для этой главы въ книжкѣ „Философія культурной и соціальной исторіи новаго времени“ отсылаемъ къ главѣ первой („Очеркъ соціальныхъ отношеній новаго времени“), гдѣ изображена предшествовавшая экономическому перевороту соціальная эволюція.

теніе машинъ и введеніе ихъ на фабрики. Связь между этими тремя процессами заключается въ томъ, что крупная промышленность могла достигнуть наибольшаго развитія лишь при существованіи большого количества свободныхъ рукъ, при отмѣнѣ старыхъ установленій, поддерживавшихъ мелкое производство и при тѣхъ новыхъ техническихъ изобрѣтеніяхъ, которыя выразились главнымъ образомъ въ усовершенствованныхъ механическихъ способахъ, замѣнившихъ прежній исключительно ручной трудъ.

2. Обезземеленіе народной массы на западѣ Европы имѣетъ свою длинную исторію, въ которой необходимо различать юридическую и экономическую стороны. Въ средніе вѣка, въ эпоху полнаго господства феодализма и крѣпостническихъ отношеній, между крестьянскою массою и землею существовала самая тѣсная связь. Если крестьянинъ былъ прикрѣпленъ къ землѣ, то можно сказать, что и земля была прикрѣплена къ крестьянину. Освобожденіе крестьянъ на западѣ Европы, начавшееся еще во второй половинѣ среднихъ вѣковъ, сопровождалось ослабленіемъ и даже прекращеніемъ той юридической связи, которая существовала раньше между сельскимъ населеніемъ и землей. Если, однако, свободный поселянинъ во многихъ случаяхъ переставалъ быть собственникомъ или владѣльцемъ земли, изъ этого еще не слѣдовало, чтобы онъ сразу переставалъ быть самостоятельнымъ сельскимъ хозяиномъ, хотя бы и на чужой землѣ въ качествѣ половника или фермера. Мелкое крестьянское землевладѣніе могло сокращаться, и на его счетъ могла расширяться крупная помѣщичья собственность, но этотъ процессъ не влекъ за собой уничтоженія мелкаго крестьянскаго хозяйства и замѣны его крупнымъ хозяйствомъ помѣщичьяго типа, такъ какъ круп-

ная поземельная собственность вполнѣ уживалась съ мелкимъ крестьянскимъ хозяйствомъ. Но лишь на почвѣ развитія крупной собственности въ ущербъ мелкому землевладѣнію сдѣлалось возможнымъ и развитіе крупнаго хозяйства на счетъ хозяйства мелкаго, и въ этомъ заключается другая сторона разсматриваемаго процесса. Нужно замѣтить, что юридическое состояніе лица и экономическое отношеніе къ землѣ могли находиться въ довольно различныхъ комбинаціяхъ. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ процессъ обезземеленія народной массы шелъ рука объ руку съ ея раскрѣпощеніемъ, но возможнымъ было и обезземеленіе крестьянъ при сохраненіи надъ ними старой помѣщичьей власти. Такой случай мы наблюдаемъ именно въ Мекленбургѣ, гдѣ въ XVII и XVIII вв. въ широкихъ размѣрахъ происходило обезземеленіе крестьянъ, остававшихся тѣмъ не менѣе до начала прошедшаго столѣтія въ крѣпостной зависимости. Юридическое отношеніе мелкихъ хозяевъ къ обрабатываемой ими землѣ могло быть также весьма различнымъ, но былъ ли крестьянинъ мелкимъ собственникомъ или чиншевикомъ, половникомъ или денежнымъ арендаторомъ, онъ былъ все-таки самостоятельнымъ хозяиномъ, хотя бы даже и не пользовался полными правами гражданства. При замѣнѣ мелкаго хозяйства какого бы то ни было вида хозяйствомъ крупнымъ крестьяне, такъ или иначе лишавшіеся участковъ, на которыхъ они сидѣли, превращались изъ самостоятельныхъ хозяевъ въ наемныхъ рабочихъ, въ батраковъ, которые уже работали въ чужихъ хозяйствахъ, велись ли послѣднія самими землевладѣльцами или посторонними предпринимателями, снимавшими у нихъ земли большими участками. Именно обезземеленіе крестьянства во второмъ смыслѣ, т.-е. въ смыслѣ разрыва его хозяйственной связи съ землею главнымъ образомъ

и содѣйствовало образованію пролетаріата, безъ котораго не могла бы развиться крупная обрабатывающая промышленность.

Въ бо́льшихъ или меньшихъ размѣрахъ, съ большею или меньшею скоростью процессъ обезземеленія совершался во всѣхъ западно-европейскихъ государствахъ, но нигдѣ онъ не происходилъ въ такихъ размѣрахъ и съ такою быстротою, какъ въ Англіи, гдѣ уже во времена Адама Смита общество представлялось рѣзко раздѣленнымъ на три отдѣльныхъ класса: однимъ изъ нихъ были болѣе или менѣе крупные землевладѣльцы, такъ какъ въ то время мелкая крестьянская собственность почти совсѣмъ исчезла; другой классъ составляли капиталисты, которые, между прочимъ, въ качествѣ болѣе или менѣе крупныхъ фермеровъ вкладывали свои капиталы въ сельско-хозяйственныя предпріятія; наконецъ, вся остальная масса населенія состояла почти исключительно изъ рабочихъ, жившихъ продажею своего труда въ хозяйственныхъ и въ фермерскихъ предпріятіяхъ. Къ концу XVIII и началу XIX в. этотъ процессъ въ Англіи окончательно завершился. Еще за сто лѣтъ передъ тѣмъ, т.-е. въ эпоху второй революціи Англія была страною главнымъ образомъ земледѣльческою, но уже въ семидесятыхъ годахъ XVIII в. половина всего населенія страны жила въ городахъ, тогда какъ, напримѣръ, во Франціи въ эпоху великой революціи городскіе жители составляли лишь одну четвертую часть всего населенія государства. Нѣкоторыя стороны этого процесса съ особенною рѣзкостью бросаются въ глаза. Именно, въ концѣ XVIII и началѣ XIX в. въ Англіи издано было множество парламентскихъ актовъ о такъ называемомъ огораживаніи, посредствомъ которыхъ поступали въ пользу лэндлордовъ общинныя земли, находившіяся раньше въ

ручные инструменты. Эти новыя орудія, въ сущности, исполняли тѣ же работы, какія и ранѣе производились при помощи старыхъ инструментовъ, но если прежде рабочій могъ дѣйствовать только однимъ инструментомъ, то машина стала дѣлать то же самое сразу цѣлою массою однородныхъ, а иногда и разнородныхъ инструментовъ. Подобно тому, какъ изобрѣтеніе паровой машины увеличивало во много разъ количество той силы, которою прежде пользовался человѣкъ въ разныхъ производствахъ, и это изобрѣтеніе новыхъ рабочихъ машинъ страшно ускоряло процессъ изготовленія тѣхъ или другихъ продуктовъ. Еще въ тридцатыхъ годахъ XVIII в. была изготовлена первая самопрялка, которая съ конца шестидесятыхъ годовъ стала приводиться въ движеніе водяною силою, замѣненною впослѣдствіи паромъ. Около 1770 года другое аналогичное изобрѣтеніе сдѣлало возможнымъ прясть одновременно нѣсколько нитей. Въ 1775 году въ то самое время, когда въ первый разъ сила пара была примѣнена къ бумагопрядильной промышленности, былъ изобрѣтенъ и механическій станокъ для тканья, получившій свой окончательный видъ въ 1813 году. Новыя прядильныя и ткацкія машины были наиболѣе важными изобрѣтеніями этого рода, потому что одновременно были придуманы и стали вводиться въ употребленіе и разныя другія машины подобнаго рода, какова, напримѣръ, машина для чесанія шерсти (1790). Этотъ техническій процессъ коснулся точно такъ же и добывающей промышленности. Собственно говоря, сила пара ранѣе всего была примѣнена въ горнозаводскомъ дѣлѣ, а потомъ уже на прядильныхъ и ткацкихъ фабрикахъ. Къ числу наиболѣе раннихъ рабочихъ машинъ нужно отнести и столь важную въ сельскомъ хозяйствѣ молотилку, начало которой относится къ

1798 году. Сопоставляя между собою приведенныя даты, мы видимъ, что введеніе машиннаго производства относится какъ-разъ къ той эпохѣ, когда совершилась политическая революція конца XVIII в. Нужно только прибавить, что перечисленныя изобрѣтенія были сдѣланы и испытаны на дѣлѣ какъ разъ въ Англіи, которая не испытала на себѣ переворота, подобнаго совершившемуся на континентѣ, и что, наоборотъ, революціонная буря и послѣдовавшія за нею Наполеоновскія войны только помѣшали распространенію англійскихъ механическихъ изобрѣтеній внѣ ихъ родины. Промышленную революцію, ранѣе всего совершившуюся въ Англіи, отдѣльныя континентальныя страны переживали уже въ XIX вѣкѣ.

Разсуждая теоретически, можно было бы ожидать, что машины, увеличивая силы человѣка и ускоряя производство необходимыхъ ему предметовъ, должны были бы оказать только благопріятное дѣйствіе на жизнь рабочихъ, которые, повидимому, могли бы только съ радостью привѣтствовать всѣ эти новыя техническія изобрѣтенія. Въ дѣйствительности вышло совсѣмъ не то. Введеніе машиннаго производства имѣло своимъ слѣдствіемъ сокращеніе потребности въ ручномъ трудѣ, какъ будто на сцену явилась масса новыхъ рукъ, лишившихъ старыхъ рабочихъ ихъ обычнаго заработка. Другими словами, машины сдѣлались весьма опасными конкуррентами для людей, продававшихъ свой трудъ, и уменьшили спросъ на ихъ работу. Съ другой стороны, новыя техническія изобрѣтенія создали для рабочихъ новыхъ конкуррентовъ въ лицѣ ихъ женъ и дѣтей, которыхъ новые способы производства тоже привлекли къ фабричному труду. Раньше рабочая семья содержалась главнымъ образомъ работой своего главы, а этимъ до извѣстной степени опредѣлялась и его заработная плата,

но машины, требовавшія отъ работниковъ не столько физической силы, сколько ловкости и добросовѣстности, сдѣлали возможнымъ привлеченіе на фабрики женщинъ и дѣтей. Во многихъ случаяхъ предприниматели стали даже оказывать предпочтеніе этимъ новымъ категоріямъ рабочихъ, которымъ можно было давать гораздо меньшую плату, чѣмъ взрослымъ мужчинамъ. Уменьшивъ такимъ образомъ спросъ на физическій трудъ, машины въ то же время поставили его въ болѣе неблагопріятныя условія и въ другихъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, введеніе новыхъ механическихъ способовъ производства повлекло за собою удлиненіе рабочаго времени. Владѣльцы машинъ, пріобрѣтавшіе ихъ за большія деньги, прежде всего хлопотали о томъ, чтобы эти дорого стоющія орудія производства окупали себя какъ можно скорѣе, тѣмъ болѣе, что каждая машина становилась негодною къ употребленію не только отъ работы, но и отъ времени и что новыя усовершенствованія въ машинахъ дѣлали желательнымъ наискорѣйшее извлеченіе всѣхъ выгодъ изъ старыхъ машинъ для замѣны ихъ новыми. Поэтому фабриканты заставляли машины дѣйствовать непрерывно и день, и ночь, сберегая при этомъ, вдобавокъ, значительную часть топлива, разъ паровые котлы при непрерывности работъ могли не остывать на продолжительное время. Отсюда у предпринимателей явилось стремленіе къ удлиненію рабочаго времени. Въ 1770 г. англійскій рабочій домъ, въ которомъ заставляли работать двѣнадцать часовъ въ сутки, называли домомъ ужаса, а въ 1833 г. парламентъ устанавливалъ, какъ милость, двѣнадцатичасовой рабочій день для подростковъ. Съ другой стороны, новые пріемы производства стали требовать отъ рабочихъ гораздо большей напряженности и вниманія и, слѣдовательно, сдѣлали его

трудъ гораздо болѣе утомительнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе однообразнымъ, превративъ рабочаго какъ бы въ слугу машины, обязаннаго совершать только одно какое-либо движеніе руками. Наконецъ, вслѣдствіе введенія машиннаго производства рабочіе стали скучиваться въ тѣсныхъ и душныхъ помѣщеніяхъ, въ которыхъ обречены были теперь проводить бо́льшую часть своего времени, что стало отражаться крайне неблагопріятно на ихъ здоровьѣ и настроеніи духа. Всѣ эти обстоятельства, вмѣстѣ взятыя, и породили среди рабочихъ въ эпоху введенія механическихъ способовъ производства крайнее озлобленіе противъ машинъ. Нерѣдко случалось, что машины и фабричныя зданія дѣлались жертвою раздраженныхъ рабочихъ, и въ иныхъ случаяхъ фабриканты ограждали свою собственность отъ подобнаго рода нападеній, ставя для защиты фабричныхъ зданій и машинъ настоящія пушки. Это нерасположеніе къ техническимъ изобрѣтеніямъ конца XVIII и начала XIX в. отразилось даже и на взглядахъ нѣкоторыхъ теоретиковъ, которые готовы были осудить введеніе машиннаго производства, какъ явленіе вредное и потому нежелательное. Только съ теченіемъ времени стало совершаться приспособленіе рабочихъ къ новому своему положенію.

5. Новые способы производства, ранѣе всего утвердившіеся въ Англіи, оказали громадное вліяніе на ростъ ея національнаго богатства. Машины, въ много разъ увеличивъ производительность человѣческаго труда и количество вырабатываемыхъ продуковъ, стали расти съ поразительною быстротою. Но у этого явленія была и оборотная сторона. Если раньше общество нерѣдко терпѣло отъ недостатка нужныхъ ему товаровъ, то теперь, наоборотъ, иногда можно было жаловаться на ихъ перепроизводство, которое тоже дѣлалось своего рода зломъ.

Предприниматели изготовляли слишкомъ много какого-либо товара, а потому предложеніе превышало спросъ, и масса товара оставалась нераспроданною. Это заставляло фабрикантовъ сокращать свое производство, вслѣдствіе чего многіе рабочіе или оставались совсѣмъ безъ заработка, или должны были довольствоваться уменьшенной платой. Съ періодами процвѣтанія той или другой отрасли промышленности стали чередоваться періоды угнетеннаго состоянія, и каждый разъ наступленіе кризиса вызывало цѣлый рядъ общественныхъ бѣдствій: каждый разъ промышленный кризисъ влекъ за собою банкротство торговыхъ фирмъ и банковъ, ссужавшихъ деньги предпринимателямъ, закрытіе фабрикъ или сокращеніе производства въ тѣхъ фабрикахъ, которыя могли продолжать существованіе, и уменьшеніе или полное отсутствіе заработка. Особенно частыми сдѣлались подобные кризисы къ серединѣ XIX в., и если раньше представлялась возможность объяснять возникновеніе подобныхъ явленій обстоятельствами военнаго времени, то теперь, когда въ Европѣ господствовалъ миръ, внѣшнія причины уже не могли отвѣчать за результаты того, что въ сущности вытекало изъ самыхъ внутреннихъ условій капиталистическаго производства. Можно даже сказать, что такіе кризисы сдѣлались хроническою болѣзнью англійской промышленности послѣ испытаннаго ею экономическаго переворота. При господствѣ мелкой промышленности и ручного труда производство было болѣе равномѣрнымъ, заработокъ—болѣе постояннымъ, а теперь прежней устойчивости производства и заработка наступилъ конецъ, и постоянныя колебанія того и другого, конечно, не могли не отражаться самымъ гибельнымъ образомъ на матеріальномъ благосостояніи рабочихъ. Статистика самымъ неопровержимымъ образомъ

стала доказывать, что въ промышленныхъ округахъ Англіи въ эпохи кризисовъ всегда падали цифры браковъ и вкладовъ въ сберегательныя кассы, и, наоборотъ, поднимались цифры смертности и преступности. Это и весьма понятно, потому что каждый кризисъ для великаго множества рабочихъ семей сопровождался болѣе или менѣе полнымъ обнищаніемъ. Нужно прибавить, что промышленные кризисы переживались гораздо легче крупными, нежели мелкими производителями, и вслѣдствіе этого въ свою очередь промышленные кризисы немало содѣйствовали общей побѣдѣ фабричнаго производства надъ ремесленнымъ. Отстаивая свое существованіе въ такія трудныя минуты, предприниматели весьма естественно хлопотали объ удешевленіи производства, чего и стремились достигнуть, съ одной стороны, уменьшеніемъ заработной платы, съ другой—введеніемъ новыхъ техническихъ усовершенствованій въ производствѣ. Послѣдними обстоятельствами, собственно говоря, только усиливалось то дѣйствіе, какое вообще оказывало введеніе машинъ. Съ другой стороны, случалось нерѣдко, что заработная плата, понизившись во время кризиса, затѣмъ уже не поднималась до своей прежней нормы. Наконецъ, каждый кризисъ оставлялъ послѣ себя цѣлую массу нищихъ и бродягъ, попадавшихъ въ рабочіе дома или тюрьмы, которые и удерживали ихъ у себя до новаго оживленія промышленности. Такимъ образомъ кризисы не только временно понижали заработокъ и благосостояніе рабочихъ, но оказывали и болѣе глубокое вліяніе на экономическую жизнь, оставляя послѣ себя и болѣе прочные слѣды. Успѣхи промышленной техники и увеличеніе производства сопровождались общимъ удешевленіемъ продуктовъ, а между тѣмъ матеріальное положеніе рабочихъ ухудшалось. До 1815 года народныя

страданія въ Англіи еще кое-какъ объяснялись войною, но война окончилась, а положеніе дѣлъ не улучшилось. Наоборотъ, во многихъ случаяхъ замѣчалось только ухудшеніе.

6. Въ исторіи Англіи это былъ періодъ страшнаго развитія пауперизма и вообще ухудшенія быта рабочихъ. Ихъ стали помѣщать теперь въ общихъ казармахъ или маленькихъ чуланахъ, тѣсныхъ и грязныхъ, но особенно дурно содержались работавшіе на фабрикахъ дѣти, которыя отъ непосильнаго труда и невозможной обстановки только физически калѣчились и нравственно развращались. Фабриканты старались платить какъ можно менѣе своимъ рабочимъ, и въ этомъ имъ немало помогало старинное англійское законодательство о бѣдныхъ: именно, пользуясь закономъ, который обязывалъ приходы обучать дѣтей бѣдняковъ какому-либо полезному дѣлу, они стали брать къ себѣ на фабрики цѣлыя партіи дѣтей и подростковъ въ качествѣ ремесленныхъ учениковъ, которымъ даже ничего не платили за ихъ трудъ. Съ другой стороны, по тому же законодательству, если семья бѣднякa не зарабатывала суммы, необходимой для ея пропитанія, то недостающее приплачивалъ приходъ, и этимъ тоже пользовались фабриканты, знавшіе, что ихъ рабочихъ будетъ отчасти содержать общественная благотворительность. Замѣчательно, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ такая благотворительная приплата къ заработку паупера почти съ каждымъ годомъ возрастала, ложась, конечно, тяжелымъ бременемъ на собственниковъ недвижимыхъ имуществъ въ приходахъ. Цифры краснорѣчивѣе всего говорятъ намъ о ростѣ пауперизма въ Англіи въ разсматриваемую эпоху. Въ 1760 г. спеціальный налогъ въ пользу бѣдныхъ равнялся 1.250.000 фунт., а въ 1818 г. онъ немного не доходилъ до 8.000.000,

хотя населеніе Англіи за этотъ періодъ увеличивалось съ 7.000.000 до 12.000.000; въ 1760 г. этотъ налогъ падалъ на каждаго жителя королевства въ размѣрѣ 3 шиллинговъ 7 пенсовъ, а въ 1818 г.—уже въ размѣрѣ 13 шилл. 3 пенсовъ. Интересно также измѣненіе отношенія между заработкомъ и цѣною хлѣба: въ 1770 г. средняя рабочая плата равнялась 90 пинтамъ пшеницы, въ 1797 г.—уже 65, а въ 1808 г.—только 60. Не забудемъ также, что цѣна на хлѣбъ въ эту эпоху въ Англіи удерживалась на высокихъ цифрахъ чисто искусственнымъ способомъ такъ называемыми хлѣбными законами (1815), запрещавшими, въ интересахъ землевладѣльцевъ, ввозъ иностраннаго хлѣба въ Англію, пока цѣна собственнаго хлѣба не достигала извѣстнаго максимума.

Такова была сущность индустріальной революціи, и таковы были ея непосредственныя слѣдствія. Этотъ переворотъ содѣйствовалъ небывалому дотолѣ развитію обрабатывающей промышленности, но въ то же время раздѣлялъ промышленный классъ общества на двѣ рѣзко отличающіяся одна отъ другой части—на капиталистическую буржуазію и на рабочій пролетаріатъ. Выигрывала отъ этого переворота буржуазія, а рабочіе классы оказывались въ проигрышѣ. Въ этомъ результатѣ разсмотрѣннаго экономическаго переворота уже таился зародышъ такъ называемаго рабочаго вопроса, сдѣлавшагося главнымъ соціальнымъ вопросомъ XIX в. и осложнившаго собою демократическія движенія эпохи, вызванныя политической революціей конца XVIII столѣтія.

III. Общій взглядъ на Наполеоновскую эпоху [1]).

1. Вопросъ объ отношеніи эпохи Наполеона I къ эпохѣ революціи.— 2. Двойственность роли консульства и имперіи по отношенію къ политической и соціальной сторонамъ революціи, и по отношенію къ Франціи и къ другимъ странамъ. — 3. Причины французскихъ успѣховъ въ эпоху революціи и при Наполеонѣ.—4. Организаторская роль Наполена во Франціи.—5. Перемѣны, совершавшіяся въ другихъ странахъ въ эту эпоху. — 6. Испанская конституція 1812 г. и прусскія реформы 1807 и слѣд. гг.

---

1. Первый вопросъ, который долженъ быть поставленъ при разсмотрѣніи Наполеоновской эпохи въ общей исторіи XIX вѣка, заключается въ опредѣленіи того отношенія, въ какомъ эта эпоха находится къ политической революціи конца XVIII в. И у современниковъ, и въ ближайшемъ потомствѣ это отношеніе понималось различнымъ образомъ. И о центральной личности этой эпохи, Наполеонѣ I, высказывались діаметрально про-

---

1) Исторія Западной Европы въ новое время, томъ IV, гл. 4 (Наполеоновская эпоха и ея исторіографія), гл. 7 (Внутренняя политика консульства и имперіи), гл. 8 (Господство Франціи въ Европѣ при Наполеонѣ I), гл. 9 (Внутреннія перемѣны въ западно-европейскихъ государствахъ въ Наполеоновскую эпоху), гл. 10 (Разложеніе стараго порядка и попытка реформъ въ Пруссіи), гл. 11 (Внѣшняя и внутренняя оппозиція противъ имперіи Наполеона I) и гл. 12 (Паденіе имперіи Наполеона I).

— Для элементарныхъ фактическихъ справокъ § 250 (18 брюмера) и вся XII глава „Учебной книги новой исторіи“ (§§ 251—267).

— Для лучшаго пониманія отношенія Наполеоновской эпохи къ предыдущей отсылаемъ здѣсь къ послѣдней главѣ книжки „Философія культурной и соціальной исторіи новаго времени“ („Просвѣщенный абсолютизмъ и французская революція“).

тивоположныя сужденія—то какъ о человѣкѣ, обуздавшемъ революцію, то, наоборотъ, какъ о человѣкѣ, который содѣйствовалъ ея торжеству. Любопытно, что и на ту и на другую точку зрѣнія становились люди противоположныхъ лагерей. Особенно интересно также, что на Наполеона I, какъ на продолжателя революціи, смотрѣли и представители стараго порядка, для которыхъ онъ былъ исчадіемъ революціи, и либералы, видѣвшіе въ немъ спасителя принциповъ 1789 года. Съ другой стороны, для многихъ защитниковъ этихъ самыхъ принциповъ онъ являлся первымъ изъ контръ-революціонеровъ, какъ выразилась о немъ г-жа Сталь вскорѣ послѣ того, какъ онъ сошелъ съ политической сцены. Если бы мы для рѣшенія вопроса о томъ, каково же было истинное отношеніе Наполеона къ революціи, обратились къ его собственнымъ заявленіямъ, то нашли бы и въ нихъ матеріалъ для отвѣта въ двоякомъ смыслѣ. Положимъ, что въ данномъ случаѣ мы имѣли бы дѣло съ заявленіями человѣка, не отличавшагося искренностью и говорившаго такъ или иначе, смотря по тому, что выгоднѣе было сказать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, но и тутъ приходится принимать въ расчетъ, что самая возможность противоположныхъ заявленій указываетъ на то, что вопросъ и не допускалъ вполнѣ простого рѣшенія. Прибавимъ, наконецъ, что и у историковъ Наполеоновской эпохи мы встрѣчаемся съ тѣмъ же противорѣчіемъ и, напримѣръ, если для Тьера Наполеонъ I былъ продолжателемъ революціи, то для Ланфре онъ являлся, наоборотъ, контръ-революціонеромъ.

2. Только-что отмѣченная двойственность взглядовъ на одну и ту же историческую личность объясняется въ общемъ и двойственнымъ характеромъ эпохи консульства и имперіи, во-первыхъ, въ ея разныхъ отношеніяхъ къ поли-

тической и соціальной сторонамъ революціи, а во-вторыхъ, несходствомъ ея значенія для самой Франціи и для остальной Европы. Мы видѣли, что все значеніе революціи для самой Франціи сводится къ установленію свободнаго государства и безсословнаго гражданства, и въ этомъ заключаются политическая и соціальная стороны революціи. Никто, конечно, не станетъ утверждать, чтобы Наполеонъ I былъ продолжателемъ революціи въ ея стремленіи къ политической свободѣ: дѣйствительность слишкомъ рѣзко и очевидно противорѣчила бы такому взгляду. Наоборотъ, владычество Наполеона I само было подготовлено реакціей противъ политической свободы, которая возникла въ среднихъ классахъ французскаго общества, напуганныхъ демократическимъ движеніемъ конца XVIII в. Эти общественные классы готовы были поступиться политической свободой, лишь бы обезопасить себя отъ новой революціи, которая, въ концѣ концовъ, направилась бы противъ нихъ самихъ. Но тѣ же самые общественные классы, конечно, не желали и возвращенія стараго порядка, т.-е. стремились къ тому, чтобы обезпечить за собою пріобрѣтеніе уже совершившейся революціи, укрѣпить то гражданское равенство, во имя котораго пали старыя сословныя привилегіи и феодальныя права. Наполеонъ I былъ для французской буржуазіи одинаково и гарантіей противъ повторенія якобинской диктатуры, опиравшейся на революціонную демократію, и противъ возвращенія стараго соціальнаго строя съ его аристократическими привилегіями и приниженнымъ положеніемъ самой буржуазіи. Такимъ образомъ эпоха консульства и имперіи уничтожала во Франціи плоды революціи 1789 года, разсматриваемой съ политической точки зрѣнія и, наоборотъ, закрѣпляла соціальныя пріобрѣтенія этой революціи. Вспомнимъ, что вторичное

господство Наполеона въ 1815 г. (такъ называемые „Сто дней“) сдѣлалось возможнымъ лишь вслѣдствіе того, что возвратившіеся въ 1814 г. Бурбоны и эмигранты, „ничего не позабывшіе и ничему не научившіеся“, слишкомъ очевидно стремились къ возстановленію до-революціонныхъ порядковъ, и Наполеонъ явился съ острова Эльбы во Францію, какъ защитникъ правъ французскаго народа противъ представителей стараго порядка. На этой почвѣ и могла возникнуть идеализація Наполеона I, какъ „человѣка революціи“. Двойственная роль перваго консула и императора французовъ по отношенію къ революціи въ самой Франціи сдѣлается еще болѣе понятною, когда мы подведемъ консульство и имперію подъ одну общую историческую категорію. Великой революціи на западѣ Европы предшествовала эпоха просвѣщеннаго абсолютизма, когда монархи и ихъ министры въ духѣ идей философскаго просвѣщенія вѣка совершали разнаго рода реформы, наносившія ударъ средневѣковому католико-феодальному строю общества. Если мы отвлечемся отъ политическаго различія, существующаго между абсолютизмомъ и революціей, мы увидимъ, что во многихъ случаяхъ и просвѣщенные деспоты, и дѣятели революціи дѣлали одно и то же дѣло, разрушая старое католико-феодальное общество. Въ сущности, Наполеоновская система была своеобразнымъ повтореніемъ просвѣщеннаго абсолютизма, а поскольку между этимъ послѣднимъ и французской революціей существовало внутреннее родство, и наполеоновскій режимъ не былъ совершенно чуждъ стремленіямъ революціи. Недаромъ, когда послѣ паденія владычества Наполеона I въ Европѣ наступила реакція, въ которой преобладали клерикальныя и аристократическія тенденціи, то наиболѣе вѣрные выразители общаго духа этой реакціи не дѣлали большого различія

между Наполеономъ I, французской революціей и просвѣщеннымъ абсолютизмомъ. Притомъ съ точки зрѣнія защитниковъ законной династіи Наполеонъ I былъ прежде всего революціоннымъ узурпаторомъ, похитителемъ власти, которая ему не принадлежала. Такъ и создалось представленіе о Наполеонѣ I, какъ о продолжателѣ революціи съ двухъ совершенно различныхъ точекъ зрѣнія, которыя, однако, обѣ имѣли въ виду только одну сторону дѣла и потому не могли дать полнаго выраженія исторической истины.

Еще болѣе бросается въ глаза революціонная роль Наполеона I при разсмотрѣніи общеевропейскаго значенія консульства и имперіи. Въ 1792 г. между обновленною Франціей и старою Европою началась война, которая съ небольшими перерывами продолжалась до 1815 г., т.-е. въ теченіе почти цѣлой четверти вѣка. Въ этой войнѣ принималъ участіе отъ начала до конца Наполеонъ I въ качествѣ простого офицера, генерала, главнокомандующаго отдѣльными арміями, перваго консула и императора. Забудемъ, однако, на время личную роль Наполеона I въ войнахъ конца XVIII и начала XIX вв.; забудемъ также и то, что въ первую половину этого періода Франція была республикой, а во вторую— имперіей; остановимся только на томъ, что̀ сближаетъ между собою въ отношеніяхъ Франціи къ другимъ государствамъ революціонныя и Наполеоновскія войны. Прежде всего и въ началѣ, и въ концѣ этого періода Франція путемъ завоеваній расширяла свои предѣлы, присоединяя къ своей государственной территоріи цѣлыя обширныя страны. Уже въ 1792 г., т.-е. въ самомъ началѣ она захватила Бельгію, лѣвый берегъ Рейна, Савойю и Ниццу. Эта завоевательная политика продолжается и въ началѣ XIX в., когда въ составъ французскаго государ-

ства вошли еще Голландія, значительная часть Сѣверной Германіи, нѣкоторая часть Швейцаріи, Пьемонтъ, Тоскана, Папская область и Иллирія. Во всѣхъ вновь присоединяемыхъ странахъ французы вводили новые порядки, созданные революціей 1789 года, и въ этомъ отношеніи не было разницы между концомъ XVIII и началомъ XIX в. Одновременно съ расширеніемъ собственной территоріи въ этомъ періодѣ французы создавали еще новыя государства, которыя должны были находиться подъ протекторатомъ Франціи. Между 1795 и 1799 гг. они основали цѣлый рядъ республикъ — Батавскую, Гельветическую, Лигурійскую, Цизальпинскую, Римскую и Партенопейскую, которыя были какъ бы дочерьми республики французской. Это образованіе новыхъ государствъ—только въ монархической формѣ—продолжалось и въ началѣ XIX в. Самъ Наполеонъ I былъ не только французскимъ императоромъ, но и королемъ Италіи (бывшей Цизальпинской республики). Въ другихъ государствахъ царствовали братья и родственники Наполеона: въ Голландіи (до ея присоединенія къ Франціи) — Людовикъ, въ Неаполѣ — сначала Іосифъ, а потомъ, когда онъ былъ переведенъ на королевскій тронъ Испаніи, зять Наполеона I Мюратъ; наконецъ, во вновь образованномъ въ Германіи Вестфальскомъ королевствѣ — еще одинъ братъ императора Іеронимъ, — не считая другихъ болѣе мелкихъ членовъ наполеоновской родни. Понятно, что королевства братьевъ Наполеона I находились подъ опекой Франціи. Наконецъ, подъ французскимъ протекторатомъ состояли въ это время Швейцарія, такъ называемый Рейнскій союзъ и Великое герцогство Варшавское. Въ составъ Рейнскаго союза входили всѣ нѣмецкія земли, кромѣ Австріи, Пруссіи и тѣхъ частей Германіи, которыя были непосредственно присое-

динены къ Франціи. Старая Священная Римская имперія германской націи со своими 350 государствами болѣе не существовала, а замѣнившій ее Рейнскій союзъ, признававшій Наполеона I своимъ протекторомъ, состоялъ лишь изъ 22 государствъ. Одному изъ членовъ этого союза, королю саксонскому, было отдано и великое герцогство Варшавское, образованное изъ западныхъ частей бывшей Рѣчи Посполитой. Новые внутренніе порядки французскаго происхожденія вводились и во всѣхъ этихъ государствахъ братьевъ и подручниковъ Наполеона I. Между прочимъ, важно отмѣтить, что въ нѣкоторыхъ изъ этихъ государствъ введены были конституціи, бывшія сколкомъ съ тогдашней конституціи французской, а она, по крайней мѣрѣ, въ теоріи, основывалась на идеѣ народовластія и представительства. Такимъ образомъ, по отношенію къ остальной Европѣ завоевательная политика Франціи въ концѣ XVIII и началѣ XIX в. имѣла значеніе распространенія идей и учрежденій революціи 1789 г., т.-е. въ данномъ случаѣ Наполеонъ I также революціонировалъ Европу, какъ и та республика, которой онъ нанесъ ударъ государственнымъ переворотомъ 18 брюмера.

3. Успѣхи французовъ въ началѣ революціонныхъ войнъ объясняются между прочимъ сочувствіемъ, которое они встрѣчали въ населеніи сосѣднихъ странъ, видѣвшихъ въ нихъ освободителей отъ деспотизма правителей и аристократическаго угнетенія. Французская революція вообще произвела сильное впечатлѣніе на всѣхъ угнетенныхъ, и весьма естественно, что среди жителей тѣхъ странъ, гдѣ появлялись французскія войска, большею частью образовывались партіи, симпатизировавшія и помогавшія французамъ. Особенныя надежды возлагались на французскія побѣды въ Ирландіи и въ Польшѣ. Послѣ

двухъ послѣднихъ раздѣловъ Рѣчи Посполитой польскіе воины, сражавшіеся за политическую независимость своей родины, массами устремились подъ французскія знамена и сражались за Францію одинаково и при республикѣ, и при Наполеонѣ I. Сочувствіе либераловъ въ нѣкоторыхъ странахъ Западной Европы не покидало Францію и послѣ того, какъ въ ней водворился наполеоновскій режимъ, такъ какъ французскіе порядки даже въ наполеоновскую эпоху казались выше и совершеннѣе порядковъ, господствовавшихъ внѣ Франціи. Съ другой стороны, и при республикѣ, и при Наполеонѣ I Франція весьма искусно пользовалась соперничествомъ европейскихъ государей, болѣе всего заботившихся о земельныхъ пріобрѣтеніяхъ. Съ тѣхъ поръ, какъ въ 1795 г. Пруссія первая отстала отъ монархической коалиціи и примирилась съ революціонной Франціей,—и другія государства стали искать французской дружбы для достиженія своихъ эгоистическихъ цѣлей. Наполеонъ I очень ловко пользовался этою слабою стороною европейской политики для того, чтобы господствовать надъ другими государствами. Но это господство не могло быть долговременнымъ и прочнымъ. Въ концѣ концовъ, освободители народовъ сдѣлались ихъ поработителями, и французское владычество, бывшее въ сущности для другихъ народовъ иноземнымъ деспотизмомъ, стало вызывать противъ себя національную оппозицію порабощенныхъ странъ. Любопытно, однако, что, ведя борьбу съ французами или только готовясь къ этой борьбѣ, главные представители національной оппозиціи сами считали нужнымъ совершать внутреннія преобразованія, которыя, въ сущности, такъ или иначе отражали на себѣ духъ французской революціи. Другими словами, реформы въ новомъ направленіи происходили не только по требованію и подъ прямымъ вліяніемъ фран-

цузовъ, но и съ цѣлью борьбы съ французами. Таковы именно были прусскія реформы 1807 и слѣд. годовъ, такова была и испанская конституція 1812 г. Вообще война за освобожденіе отъ наполеоновскаго деспотизма вызывала въ обществѣ самыя свѣтлыя надежды относительно преобразованій въ либеральномъ духѣ, и съ этой стороны владычество Наполеона I точно такъ же содѣйствовало распространенію новыхъ политическихъ и общественныхъ принциповъ.

4. Послѣ паденія первой имперіи во Франціи произошла реставрація, и вообще во всей Европѣ началась самая рѣшительная реакція. Но этому послѣднему направленію не удалось возстановить старыя отношенія во всей ихъ неприкосновенности. Эпоха консульства и имперіи консолидировала во Франціи новый общественный строй, т.-е. безсословное гражданство, созданное революціей, и въ 1814 г. думать о возвращеніи сословности было слишкомъ поздно. Въ исторіи политической свободы наполеоновскій режимъ былъ, конечно, временемъ задержки, и лишь въ 1814 г. Франція получила ту правительственную форму, которую пыталась организовать у себя въ началѣ революціи. Но нѣкоторыя чисто-наполеоновскія учрежденія оказались необыкновенно прочными, хотя онѣ и не могутъ считаться благодѣтельнымъ наслѣдствомъ, оставленнымъ странѣ Наполеономъ I. Въ 1789 г. французы сдѣлали попытку дать своей странѣ новую административную организацію и установить на новыхъ началахъ взаимныя отношенія церкви и государства. Къ сожалѣнію, въ обѣихъ сферахъ революціонное законодательство оказалось крайне неудачнымъ, и передъ 18 брюмера нація жила среди полной дезорганизаціи. Наполеонъ I вывелъ страну изъ этого печальнаго положенія, хотя основанный имъ порядокъ скорѣе соотвѣтствовалъ стремленіямъ

просвѣщеннаго абсолютизма, чѣмъ освободительнымъ принципамъ революціи. Тѣмъ не менѣе его административная централизація, создавшая префектовъ, какъ послушныя орудія правительственной власти, и его конкордатъ, стремившійся превратить духовенство въ „священную жандармерію“, пережили эпоху консульства и имперіи и удерживались потомъ, несмотря на всѣ перемѣны, которыя совершались въ государственномъ устройствѣ Франціи.

5. Если во Франціи Наполеонъ I являлся организаторомъ и созидателемъ, то все-таки почва, на которой ему приходилось строить, была уже ранѣе его расчищена, была для него подготовлена разрушительной работой революціи. Въ Германіи, въ Италіи, въ Испаніи ему суждено было совершать и чисто разрушительную работу, которая была непосредственнымъ продолженіемъ революціи. Многое изъ того, что въ этихъ странахъ было разрушено въ Наполеоновскую эпоху, потомъ и не могло уже быть возстановлено. Особенно много остатковъ средневѣковой старины сохранялось въ Священной Римской имперіи германской націи. Нигдѣ уже въ Европѣ въ эти времена не существовало ни духовныхъ княжествъ, ни мелкихъ феодальныхъ графствъ и сеньерій, какія еще въ большомъ количествѣ насчитывались въ Германіи. Наполеонъ I совершенно измѣнилъ политическій строй нѣмецкой націи, и когда въ 1815 г. стали разрушать результаты его работы, то уже никто серьезно не думалъ возстановлять духовныя княжества и то сословіе мелкихъ феодаловъ, которое носило названіе имперскаго рыцарства. Правда, теперь были возвращены прежнія владѣнія нѣкоторымъ нѣмецкимъ государямъ, которыхъ лишилъ власти Наполеонъ I, но и это не измѣняетъ существа дѣла. Достаточно вспомнить, что на рубежѣ XVIII

и XIX вв. въ Германіи существовало 360 отдѣльныхъ владѣній, не считая 1.500 имперскихъ рыцарей, а послѣ 1815 г. всѣхъ нѣмецкихъ государствъ было только 36, т.-е. въ десять разъ меньше. Политическій феодализмъ, духовныя княжества и имперское рыцарство въ Германіи новаго времени были настоящимъ анахронизмомъ, и только Наполеоновская эпоха положила конецъ такому устарѣлому порядку вещей, создавъ для нѣмецкой націи нѣсколько уже иныя политическія условія дальнѣйшаго существованія и развитія.

6. Вообще вездѣ, гдѣ происходило разрушеніе старины,—и въ Германіи, и въ Италіи, и въ Испаніи—при установленіи новыхъ порядковъ образцомъ служила наполеоновская Франція. Въ сущности, и здѣсь это было возобновленіе системы просвѣщеннаго абсолютизма. Главнѣйшія мѣры новаго законодательства были направлены противъ духовенства и дворянства, причемъ правительства опирались преимущественно на централизацію и бюрократію. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи въ эту эпоху еще живы были собранія земскихъ чиновъ, но это сословное представительство было настроено консервативно и партикуляристически въ то самое время, какъ новыя отношенія жизни требовали внутреннихъ реформъ, а изъ прежнихъ болѣе мелкихъ княжествъ складывались болѣе крупные политическіе организмы. Номинально правители государствъ, преобразованныхъ Наполеономъ I, основывали свою власть на конституціяхъ новаго образца, и это содѣйствовало распространенію конституціонныхъ воззрѣній въ тогдашней Европѣ, хотя, конечно, конституціи, составленныя по тогдашнему французкому образцу, не могли гарантировать политической свободы. Притомъ онѣ не были результатомъ какого-либо общественнаго движенія, такъ какъ всецѣло зависѣли отъ доброй воли

побѣдоноснаго вождя, смотрѣвшаго на всѣ эти конституціи, какъ на политическія декораціи. Было бы, однако, ошибочнымъ думать, что новыя политическія учрежденія съ характеромъ національнаго представительства возникали лишь подъ прямымъ вліяніемъ Наполеона I. Къ этой эпохѣ относится, кромѣ того, введеніе конституціоннаго устройства въ Швеціи и Финляндіи (1809), въ Испаніи и Сициліи (1812), во Франціи и Норвегіи (1814), въ Царствѣ Польскомъ (1815) и т. д.

Наполеоновская эпоха была, далѣе, временемъ уничтоженія въ нѣкоторыхъ странахъ стараго феодальнаго строя съ сословными привилегіями личнаго или имущественнаго характера. Великимъ орудіемъ, закрѣпившимъ въ самой Франціи новыя общественныя отношенія, былъ Наполеоновъ кодексъ, содержащій въ себѣ новые гражданскіе законы. Онъ вводился и внѣ Франціи и притомъ не только въ новыхъ ея пріобрѣтеніяхъ (напримѣръ, въ Иллиріи), но и въ отдѣльныхъ частяхъ Италіи и Германіи, а также и въ великомъ герцогствѣ Варшавскомъ. Въ Царствѣ Польскомъ, которое Александръ I образовалъ изъ великаго герцогства Варшавскаго, Наполеоновъ кодексъ дѣйствуетъ и въ настоящее время. Конечно, вмѣстѣ съ феодальными привилегіями должно было рухнуть и крѣпостничество. Въ сѣверо-западныхъ частяхъ Германіи, присоединенныхъ къ Франціи при республикѣ или при Наполеонѣ I, крѣпостное состояніе крестьянъ уничтожилось уже въ силу этого самого присоединенія. Поддерживать его теперь въ государствахъ Рейнскаго Союза было тѣмъ болѣе трудно, что Наполеонъ I требовалъ отъ своихъ союзниковъ такого напряженія матеріальныхъ силъ, которое было совершенно немыслимо при существованіи рабскаго труда. Въ конституцію Вестфальскаго королевства, образованнаго На-

полеономъ I для своего брата Іеронима, прямо была включена статья, уничтожавшая крѣпостничество въ этомъ новомъ государствѣ, и въ томъ же самомъ 1807 году Наполеонъ I отмѣнилъ личное рабство крестьянъ въ великомъ герцогствѣ Варшавскомъ. Въ 1808 г., кромѣ того, онъ собственною своею властью уничтожилъ крѣпостничество въ нѣкоторыхъ мелкихъ нѣмецкихъ владѣніяхъ, и около того же времени (1808 — 1809) его примѣру послѣдовало нѣсколько членовъ Рейнскаго Союза. Правда, рѣшеніе крестьянскаго вопроса въ эти годы оставляло желать весьма многаго,—напримѣръ, въ Вестфаліи само правительство стало ограничивать значеніе своей мѣры, а въ Польшѣ, получая личную свободу, крестьянинъ лишался правъ на землю, которая объявлялась полною собственностью помѣщика,—тѣмъ не менѣе старыя соціальныя отношенія были потрясены въ самыхъ своихъ основахъ и реакціи, наступившей послѣ паденія Наполеона I, уже было трудно вполнѣ возстановить старину.

Мы уже отмѣтили выше, что государственныя и общественныя реформы въ эту эпоху происходили не только по иниціативѣ Франціи, но и прямо въ направленіи, враждебномъ французскому владычеству. Въ послѣднемъ отношеніи особенно замѣчательны испанская конституція 1812 г. и реформы въ Пруссіи наканунѣ нѣмецкой войны за освобожденіе.

Когда Наполеонъ I предпринялъ завоеваніе Испаніи для своего брата Іосифа, онъ въ первый разъ встрѣтился съ настоящею народною войною. Испанцы не хотѣли подчиниться чужеземному владычеству и вступили въ борьбу съ завоевателями. Въ это время среди испанскихъ патріотовъ образовалось двѣ партіи — консервативная и либеральная. Сначала въ національномъ движеніи про-

тивъ французовъ господствовало направленіе реакціонное, но весьма скоро взяли верхъ прогрессисты, настоявшіе въ 1810 г. на созваніи въ Кадиксѣ кортесовъ. Послѣдніе въ 1812 г. и выработали свою знаменитую конституцію, которая въ эпоху реставраціи была весьма популярна среди либераловъ и внѣ Испаніи. Образцомъ для этого памятника послужила французская конституція 1791 г., основанная на идеѣ народовластія и признававшая за однимъ народомъ учредительную власть. Впрочемъ, кадикскіе кортесы воспользовались и нѣкоторыми принципами стараго арагонскаго устройства. Въ общемъ королевская власть была ограничена до послѣдней степени, такъ что конституція имѣла почти республиканскій характеръ. Какъ мы увидимъ, она была весьма недолговѣчна, но именно съ этого момента и начала дѣйствовать въ Испаніи либеральная партія, которая стремилась осуществить въ своемъ отечествѣ и другія реформы въ духѣ новыхъ требованій.

Пруссія вступила въ XIX столѣтіе со всѣми характерными признаками стараго порядка, который и здѣсь, видимо, разлагался во многихъ своихъ частяхъ. Еще за три года до французской революціи это разложеніе было отмѣчено будущимъ трибуномъ революціи Мирабо, который прямо даже предсказалъ, что монархія Фридриха Великаго не выдержитъ перваго серьезнаго испытанія. Пророчество это исполнилось. Въ 1806 г. Наполеонъ I разгромилъ Пруссію, и она не исчезла съ политической карты Европы только вслѣдствіе заступничества русскаго императора. Это и было толчкомъ для начала преобразованій въ той половинѣ прежнихъ владѣній, которая была оставлена за прусскимъ королемъ. Въ Берлинѣ уже ранѣе образовалась либеральная партія, желавшая внутреннихъ преобразованій, и одинъ изъ видныхъ пред-

ставителей этой партіи, Гарденбергъ, предложилъ королю ввести народное представительство, но въ соединеніи съ системой административной централизаціи, отмѣнить дворянскія привилегіи и крѣпостное состояніе крестьянъ и объявить свободу промышленности и торговли. Когда Наполеонъ I потребовалъ у прусскаго короля удаленія Гарденберга, во главѣ правленія сталъ знаменитый баронъ Штейнъ. Если Гарденбергъ былъ сторонникомъ новыхъ французскихъ идей, то, наоборотъ, Штейнъ, въ сущности, былъ ихъ противникомъ. Будущій прусскій реформаторъ выступилъ на общественное поприще еще до французской революціи съ идеями консервативнаго характера. Онъ одинаково былъ противникомъ и просвѣщеннаго абсолютизма, и французской революціи, и наполеоновскаго режима, но въ то же время онъ былъ защитникомъ общественной свободы въ ея старыхъ формахъ сословной группировки и мѣстнаго самоуправленія. Поэтому онъ не сочувствовалъ ни той нивеллировкѣ общества, ни той централизаціи управленія, которыя убивали дѣтельность отдѣльныхъ группъ общества, связанныхъ общими интересами, и наносили ударъ мѣстной самобытности, слишкомъ усиливая дѣйствіе государства и, наоборотъ, дѣлая отдѣльныя личности безпомощными и вредя интересамъ отдѣльныхъ областей. Но этотъ консерваторъ былъ доступенъ новымъ идеямъ. Считая нужнымъ сохранить старыя формы, онъ хотѣлъ приспособить ихъ къ новымъ потребностямъ жизни. Будучи сторонникомъ мелкаго крестьянскаго хозяйства и цехового устройства промышленности, онъ въ то же самое время думалъ о необходимости внести больше свободы въ эти традиціонныя формы. Самое униженіе Германіи онъ объяснялъ подавленіемъ въ ней свободнаго проявленія личной дѣятельности и общественныхъ силъ.

Въ общемъ программа Штейна отличалась отъ программы Гарденберга, потому что всенивеллирующая имперія Наполеона I не могла быть его идеаломъ, да и вообще оба они смотрѣли слишкомъ различно на значеніе новыхъ учрежденій. Тѣмъ не менѣе обстоятельства и духъ времени оказывали свое дѣйствіе на Штейна. Удаленный въ отставку по требованію Наполеона I, разгадавшаго его истинныя стремленія, Штейнъ уже прямо стоялъ за то, чтобы революціонировать нѣмцевъ противъ французовъ, и даже ссылался на примѣръ Комитета общественнаго спасенія. Послѣ Штейна въ главѣ правленія сталъ снова Гарденбергъ, продолжавшій реформы въ своемъ духѣ. Впрочемъ, преобразованія обоихъ государственныхъ людей, не вполнѣ согласованныя между собою, не были доведены до конца, когда въ Пруссіи наступила реакція. Въ политическомъ вопросѣ Штейнъ, давно уже покланявшійся англійской конституціи, лишь постепенно сталъ склонять къ мысли о необходимости общегосударственнаго представительства Пруссіи. Врагъ чиновничьяго завѣдованія мѣстными дѣлами, въ англійскомъ устройствѣ онъ цѣнилъ прежде всего систему мѣстнаго самоуправленія. Онъ думалъ, что съ этого и нужно начать перестройку управленія въ Пруссіи, но едва лишь онъ успѣлъ приступить къ реформамъ въ данномъ направленіи, какъ Гарденбергъ, поклонникъ французской системы централизаціи, отмѣнилъ начинанія своего предшественника и, наоборотъ, все свое вниманіе обратилъ на вопросъ о введеніи народнаго представительства. Въ 1811 и 1812 гг. въ Берлинѣ даже были созваны нотабли. Въ соціальномъ отношеніи къ этой эпохѣ относится уничтоженіе крѣпостничества и стараго цехового законодательства. Освобожденіе крестьянъ въ Пруссіи произошло въ 1807 г. при Штейнѣ, который,

кромѣ того, разрѣшилъ соободный переходъ рыцарскихъ помѣстій въ руки простыхъ бюргеровъ. Этимъ былъ нанесенъ ударъ прусскому соціальному феодализму, но реформа не была полной, потому что за владѣльцами рыцарскихъ помѣстій оставлены были еще вотчинныя полиція и юстиція. Ударъ цеховой организаціи промышленности былъ нанесенъ нѣкоторыми косвенными мѣрами Гарденберга, большого поклонника экономической свободы [1]). Вводя промысловый налогъ, какъ главное основаніе права заниматься какимъ-нибудь ремесломъ, и передавая функціи цеховыхъ властей въ руки полиціи (1810—11), прусское правительство расшатало старое устройство обрабатывающей промышленности, хотя формально и не отмѣнило цеховъ. Въ 1813 г. Пруссія, которая своими реформами пріобрѣла себѣ громадное нравственное вліяніе во всей Германіи, вступила въ войну съ чужеземными поработителями. Военное время не благопріятствовало мирной преобразовательной дѣятельности, а затѣмъ наступили времена, когда даже спасеніе сдѣланныхъ пріобрѣтеній было задачею довольно трудною, и потому мечтать о дальнѣйшемъ развитіи реформъ было почти немыслимо.

Подводя итоги подъ всѣмъ сказаннымъ, можно сказать, что въ одной своей сторонѣ Наполеоновская эпоха была нѣкоторымъ продолженіемъ революціи. Многое въ это время безвозвратно исчезло изъ общественной жизни Западной Европы, но столь же многое было тогда только начато и даже едва намѣчено. Наконецъ, съ паденіемъ имперіи многое изъ того, что было отмѣнено въ эту эпоху, было возстановлено въ слѣдующемъ періодѣ. Характерная черта эпохи, наступившей за низложеніемъ

[1]) См. выше, стр. 25.

Наполеона I, именно и заключается въ стремленіи къ возстановленію старины. Сама Наполеоновская эпоха другою своею стороною, т.-е. стороною контръ-революціонной и подготовляла эту будущую реакцію.

IV. Общій характеръ реакціонныхъ стремленій эпохи реставраціи [1]).

1. Общее значеніе реставраціи и происхожденіе реакціи.—2. Принципъ легитимиза. 3.—Рѣшенія вѣнскаго конгресса.—4. Конгрессы и Священный Союзъ.—5. Три главныя направленія реакціи.—6. Главныя черты культурной реакціи въ эту эпоху.

---

1. Пятнадцать лѣтъ, отдѣляющія паденіе Наполеоновской имперіи отъ іюльской революціи, носятъ въ исторіи названіе эпохи реставраціи. Это названіе, собственно говоря, относится къ исторіи Франціи, но оно имѣетъ и

---

[1]) Исторія Западной Европы въ новое время, томъ IV, гл. 12 (въ концѣ о вѣнскомъ конгрессѣ) и гл. 13 (Происхожденіе и характеръ реакціонныхъ стремленій эпохи реставраціи). Кромѣ того, см. о реакціи въ Германіи (гл. 16), во Франціи (гл. 17 и 18) и въ Англіи (гл. 22 и 21).

— Для элементарныхъ фактическихъ справокъ „Учебная книга новой исторіи“: § 268. Принципы вѣнскаго конгресса.—§ 269. Созданія вѣнскаго конгресса. — § 270. Значеніе вѣнскаго конгресса. — § 271. Священный союзъ.

— Для установленія связи реакціи XIX в. съ реакціей предыдущихъ періодовъ въ книжкѣ „Философія культурной и соціальной исторіи новаго времени“ см. главы седьмую („Культурная и политическая реакція) и восьмую („Старые государственные и общественные порядки“). Ср. тамъ же гл. третью, посвященную характеристикѣ „Средневѣкового міросозерцанія“.

болѣе общее значеніе. Реставрація законной династіи совершилась не въ одной только Франціи, но и въ другихъ странахъ точно такъ же возстановлялись въ своихъ правахъ царствовавшія въ нихъ фамиліи. Съ другой стороны, это была эпоха реставраціи старыхъ политическихъ и соціальныхъ порядковъ, реставрація правъ духовенства и дворянства, противъ которыхъ было направлено предыдущее политическое движеніе. Въ послѣднемъ смыслѣ можно, напримѣръ, говорить о прусской реставраціи, хотя династія Гогенцоллерновъ и не удалялась въ изгнаніе, какъ то случилось съ французскими, испанскими и итальянскими Бурбонами или съ нѣкоторыми княжескими династіями Германіи. Другое названіе этого историческаго періода—эпоха реакціи. Оно также характеризуетъ особенность этого времени. Историческая жизнь вообще складывается изъ движеній впередъ и возвращеній назадъ, изъ акцій и реакцій. Движеніе впередъ всегда вызывается неудовлетворительностью даннаго положенія вещей, которая сама является лишь однимъ изъ симптомовъ разложенія стараго порядка. Застигнутые врасплохъ консервативные элементы общества оказываются не въ состояніи задержать побѣдоносное шествіе прогрессивныхъ силъ. Самое большее, что можетъ въ это время дѣлать консервативная оппозиція, это—мѣшать движенію, болѣе обороняясь, чѣмъ нападая. Мало-по-малу, однако, противники новаго движенія переходятъ въ наступленіе, когда само движеніе теряетъ прежнюю силу. Обыкновенно случается такъ, что сторонники новаго направленія или разочаровываются въ немъ, когда оно оказывается безсильнымъ исполнить всѣ возлагавшіяся на него надежды, или начинаютъ его бояться, когда оно выходитъ за извѣстныя границы, и вотъ движеніе падаетъ, потому что одни въ немъ разо-

чаровываются и отъ него отстаютъ, другіе его пугаются и мѣняютъ свое къ нему отношеніе. И то, и другое бываетъ только на руку представителямъ побѣжденной стороны, и чѣмъ значительнѣе было движеніе, тѣмъ рѣзче проявляется реакція. Такъ было въ серединѣ XVI в., когда началась реакція, получившая названіе католической. Такъ случилось и въ началѣ XIX в.

Революція не оправдала всѣхъ возлагавшихся на нее надеждъ, и это уже одно способно было ослабить ея силу. Съ другой стороны, революція своимъ демократическимъ характеромъ напугала буржуазію, которая не хотѣла, чтобы переворотъ шелъ далѣе извѣстныхъ предѣловъ. Реакціонное направленіе было уже замѣтно во французскомъ обществѣ во второй половинѣ девятидесятыхъ годовъ XVIII в. Лишь на почвѣ этой реакціи и сдѣлался возможнымъ военный деспотизмъ Наполеона I. Мы видѣли уже, что въ этомъ режимѣ существовала и своя революціонная сторона, хотя въ ней была и сторона реакціонная. Однако, ни буржуазная реакція временъ директоріи, ни милитаристическая реакція Наполеона I, зародившіяся, если можно такъ выразиться, въ лонѣ самого новаго движенія, не могли ставить цѣлью своихъ стремленій реставрацію стараго порядка во всей его неприкосновенности. Когда Наполеонъ I палъ, плодами побѣды надъ нимъ и захотѣли воспользоваться представители стараго порядка: они и выступили теперь съ весьма опредѣленными стремленіями, для оправданія которыхъ у нихъ былъ и свой принципъ.

2. Вспомнимъ, что революція оправдывала себя ссылкой на естественное право, игравшее столь видную роль въ философіи XVIII в. Это естественное право было отрицаніемъ существующихъ порядковъ. Реакція, о которой идетъ теперь рѣчь, противопоставила естественному праву

право историческое, которое было не чѣмъ инымъ, какъ возведеніемъ въ принципъ созданныхъ исторіей консервативныхъ интересовъ. Для этого историческаго права, которое было прежде всего право царствующихъ династій, было придумано и названіе—„legitimité". Объявляя незаконнымъ все, что сдѣлано было революціей во имя естественнаго права, реакція вмѣстѣ съ тѣмъ находила законнымъ лишь то, что было освѣщено вѣковыми преданіями и обычаями: легитимизмъ представлялъ собою именно такое пониманіе законнаго порядка вещей. Къ названіямъ этой эпохи, какъ реставраціи или реакціи, можно еще прибавить названіе эпохи легитимизма. Легитимистическая реакція въ общемъ была реакціей абсолютизма, клерикализма и аристократизма, противъ общественной свободы, свѣтскаго направленія культуры и гражданскаго равенства.

Наполеона I побѣдила коалиція европейскихъ правительствъ и народовъ. Государи и подданные дѣйствовали въ тѣсномъ единеніи, причемъ народы ожидали для себя всякихъ благъ отъ низверженія французскаго владычества, а правительства своими обѣщаніями поддерживали эти надежды. Ожиданія не оправдались, потому что обѣщанія не были исполнены. Побѣдивъ Наполеона I, правительства продолжали дѣйствовать въ союзѣ между собою, чтобы общими силами создать новый порядокъ вещей и общими же силами его поддерживать. Наполеоновская эпоха была неблагопріятна для самостоятельнаго дѣйствія общественныхъ силъ, но и побѣдители великаго завоевателя не хотѣли дѣлиться плодами своей побѣды съ представителями тогдашнихъ общественныхъ силъ. Французская революція дала жизнь идеѣ націи, какъ самоопредѣляющейся совокупности свободныхъ индивидуумовъ, да и наполеоновскій деспотизмъ вызывалъ въ

порабощенныхъ или угрожаемыхъ народахъ чувства національной независимости: только опираясь на это движеніе, правительства и могли выйти побѣдителями изъ борьбы. Когда, однако, они стали передѣлывать карту Европы для установленія новаго международнаго порядка, они менѣе всего принимали въ расчетъ національныя стремленія подданныхъ. На вѣнскомъ конгрессѣ, собранномъ въ 1814 г. вслѣдъ за первымъ низложеніемъ Наполеона, были установлены новыя границы государствъ послѣ немалыхъ споровъ о количествѣ квадратныхъ миль и числѣ живущихъ на этихъ квадратныхъ миляхъ душъ, но какія это были души и чего онѣ хотѣли, объ этомъ не спрашивалось. Весь вопросъ сводился къ тому, чтобы получить награду за „освобожденіе Европы", и наоборотъ—наказать тѣхъ, которые въ послѣдней борьбѣ противъ Наполеона I стояли на его сторонѣ, какъ-будто и сами побѣдители раньше никогда не содѣйствовали поработителю Европы. Съ другой стороны, Франція не только должна была быть наказана, но и поставлена въ невозможность впредь быть опасною сосѣдямъ, для чего требовались извѣстныя территоріальныя измѣненія. Наконецъ, отдана была должная дань и принципу легитимизма, такъ какъ по возможности рѣшено было возстановлять старыя правительства въ ихъ правахъ, попранныхъ революціей или Наполеономъ I, но и тутъ замѣтна была тенденція реставрировать преимущественно монархическія правительства, не очень заботясь о возстановленіи старыхъ республикъ.

3. На вѣнскомъ конгрессѣ Россія была вознаграждена присоединеніемъ къ ней большей части созданнаго Наполеономъ великаго герцогства Варшавскаго, но Александру I не удалось соединить подъ своимъ скипетромъ всѣ польскія области, между прочимъ вслѣдствіе сопротивленія Австріи

и Пруссіи, изъ которыхъ одна возвратила себѣ часть Галиціи, въ значительной мѣрѣ населенной русскимъ племенемъ, а другая присоединила къ своимъ владѣніямъ Познань. При этомъ новомъ дѣлежѣ Польши національныя права въ расчетъ не принимались, соединеніе же конституціоннаго польскаго королевства съ самодержавною имперіей указывало на то, что въ расчетъ не принимались и политическія особенности соединяемыхъ странъ. Австрія тоже получила вознагражденіе, между прочимъ, въ видѣ Ломбардо-Венеціанскаго королевства, которое охватывало почти всю Сѣв. Италію и давало монархіи Габсбурговъ возможность господствовать надъ всѣмъ полуостровомъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя второстепенныя итальянскія государства (Тоскана, Парма и Модена) были отданы членамъ австрійской династіи. Несмотря на то, что въ Италіи уже обнаружилось стремленіе къ политическому единству, въ ней рѣшено было возстановить старыя правительства, за исключеніемъ Венеціанской и Генуэзской республикъ, изъ которыхъ одна вошла въ составъ австрійскихъ владѣній, другая досталась королевству Сардинскому. Послѣ этого Италія продолжала оставаться, по знаменитому выраженію австрійскаго министра Меттерниха, географическимъ понятіемъ. Въ Германіи также былъ поставленъ вопросъ объ объединеніи, но нѣмецкая нація вынуждена была довольствоваться союзнымъ устройствомъ изъ тридцати шести государствъ со включеніемъ въ союзъ владѣній, принадлежавшихъ королямъ датскому и голландскому (Гольштейнъ и Люксембургъ). Не были приняты въ расчетъ національныя и вѣроисповѣдныя особенности Голландіи и Бельгіи, когда ихъ соединяли въ одно Нидерландское королевство, государемъ котораго былъ сдѣланъ потомокъ наслѣдственныхъ штатгальтеровъ прежней Голландской

республики. Создавая это новое королевство, вѣнскій конгрессъ руководился соображеніемъ о необходимости образовать на границахъ Франціи рядъ болѣе сильныхъ государствъ, которыя могли бы задержать завоевательныя стремленія французовъ. Съ этою же цѣлью создана была прирейнская Пруссія, усилена была Баварія присоединеніемъ къ ней Пфальца, а возстановленное королевство Сардинское увеличили отдачей ему Савойи и Генуи. Франція была наказана потерею всѣхъ областей, присоединенныхъ послѣ 1790 г. У Даніи, державшей сторону Наполеона I, на томъ же основаніи отнята была Норвегія и отдана въ видѣ награды шведскому королю, ставшему во враждебныя отношенія къ Франціи. Таковы были главныя измѣненія въ политическомъ строѣ Европы на вѣнскомъ конгрессѣ. „Трактаты 1815 г.“ сдѣлались основаніемъ международнаго порядка, и главныя державы поставили своею задачей поддерживать этотъ порядокъ и не допускать никакихъ въ немъ измѣненій. Въ этомъ и заключалась сущность всей консервативной политики. Наоборотъ, революціонныя партіи въ отдѣльныхъ странахъ, все болѣе и болѣе принимавшія національный характеръ, необходимо становились во враждебныя отношенія къ вѣнскимъ трактатамъ, не принимавшимъ въ расчетъ національныхъ и политическихъ стремленій отдѣльныхъ народовъ.

4. За вѣнскимъ конгрессомъ, окончившимъ свою работу въ 1815 г., послѣдовали на короткомъ разстояніи одинъ отъ другого новые конгрессы—въ 1818 г. въ Ахенѣ, въ 1820—въ Троппау, въ 1821 г. въ Лайбахѣ и въ 1822 г. въ Веронѣ, такъ что недаромъ время отъ 1814 по 1822 гг. носитъ названіе эпохи конгрессовъ. Европейская коалиція, которая низложила Наполеона I и передѣлала политическую карту Европы, должна была,

по мысли главныхъ членовъ союза, превратиться въ своего рода постоянное учрежденіе для поддержанія установленнаго порядка и мирнаго рѣшенія международныхъ споровъ: конгрессы и должны были быть органомъ этой коалиціи. Въ 1815 г. послѣ вторичнаго низложенія Наполеона I эта коалиція приняла своеобразную форму, превратившись въ такъ называемый Священный союзъ, который тоже даетъ свое названіе всей эпохѣ. Извѣстно, что иниціаторомъ этого международнаго учрежденія былъ Александръ I, въ то время находившійся на верху своей славы и своего могущества, какъ вождь коалиціи, освободившей Европу отъ французскаго деспотизма. Въ это время императоръ былъ сторонникомъ либеральныхъ началъ. Присоединяя въ 1809 г. Финляндію, онъ созвалъ въ новомъ великомъ княжествѣ государственный сеймъ; въ 1814 г. онъ настоялъ на томъ, чтобы возстановленный на французскомъ престолѣ Людовикъ XVIII далъ своему народу конституціонную хартію; въ 1815 г. онъ октроировалъ конституцію царству Польскому, несмотря на недовольство Австріи и Пруссіи, вовсе не желавшихъ давать политическія права своимъ польскимъ подданнымъ; открывая въ 1818 г. первый сеймъ въ Варшавѣ, онъ произнесъ рѣчь, въ которой выразилъ даже намѣреніе распространить либеральныя учрежденія и на другія подвластныя ему страны. Самый планъ Священнаго союза сначала показался австрійскому правительству слишкомъ либеральнымъ, хотя впослѣдствіи оно скоро поняло, какія выгоды представлялъ собою этотъ планъ. На самомъ дѣлѣ мысль о Священномъ союзѣ была скорѣе результатомъ мистическаго настроенія, начинавшаго въ это время овладѣвать Александромъ I. Союзъ недаромъ былъ названъ „священнымъ“, и недаромъ же Александръ I для его подписанія выбралъ 14 сент. стараго стиля, когда цер-

ковь празднуетъ Воздвиженіе Креста. Самое содержаніе акта Священнаго союза имѣетъ болѣе религіозно-нравственный, чѣмъ политико-юридическій характеръ. Взаимныя отношенія союзныхъ монарховъ, равно какъ отношенія между ними и ихъ подданными, должны были основываться на заповѣдяхъ христіанской религіи. Объявляя себя уполномоченными Провидѣнія, государи обѣщали другъ другу взаимное довѣріе и помощь. подданными же своими обѣщались управлять, какъ отцы семействъ. Народы вмѣстѣ съ этимъ приглашались упражняться въ исполненіи своихъ обязанностей, потому что въ этомъ полагалось единственное средство мира и счастія царствъ. Первоначально этотъ союзъ былъ заключенъ между государями Австріи, Пруссіи и Россіи, но къ нему предложено было примкнуть и другимъ государямъ. На этотъ призывъ откликнулись всѣ тогдашніе правители, кромѣ англійскаго принца-регента, который по закону страны не могъ присоединиться къ трактату, заключенному непосредственно государями безъ участія министровъ. Въ составъ Священнаго союза равнымъ образомъ не вошли папа и турецкій султанъ: первый считалъ для себя возможнымъ стоять лишь во главѣ христіанскаго міра, а не въ рядахъ второстепенныхъ государей, къ числу которыхъ онъ принадлежалъ по своему свѣтскому владѣнію въ Италіи, для турецкаго же султана не могло быть мѣста въ союзѣ, основывавшемъ себя на евангельскихъ заповѣдяхъ, что, впрочемъ, нисколько не помѣшало султану пользоваться потомъ поддержкою Священнаго союза противъ своихъ мятежныхъ христіанскихъ подданныхъ, т.-е. противъ грековъ, задумавшихъ свергнуть мусульманское иго. Священный союзъ дѣйствительно сдѣлался органомъ реакціи международнаго характера. Правда, политическій антагонизмъ, существовавшій между его главными

участниками, съ теченіемъ времени сталъ его расшатывать, но каждый разъ возникавшія на Западѣ революціонныя движенія вновь скрѣпляли узы, связывавшія главныхъ участниковъ союза.

5. Въ отдѣльныхъ странахъ реакція принимала не одинаковый характеръ въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, но вездѣ въ большей или меньшей степени она развивалась въ трехъ главныхъ направленіяхъ—политическомъ, соціальномъ и культурномъ. Политическая реакція была реакціей абсолютизма противъ провозглашеннаго французской революціей принципа народовластія или вообще участія общественныхъ силъ въ государственныхъ дѣлахъ. Уже самъ Наполеонъ I, основывавшій свою власть на всенародномъ избраніи, старался найти и другого рода опору для своего абсолютизма, обратившись къ старымъ принципамъ католицизма. Послѣ паденія французской имперіи эта реакція стала выражаться еще рѣзче, проявляясь, между прочимъ, съ одной стороны, въ отмѣнѣ уже введенныхъ конституцій, съ другой — въ неисполненіи конституціонныхъ обѣщаній. Кромѣ того, если имперія Наполеона I въ своей соціальной политикѣ напоминаетъ просвѣщенный абсолютизмъ, находившійся, какъ извѣстно, не въ ладахъ съ феодальными привилегіями, то послѣ 1815 г., наоборотъ, королевская власть была уже въ тѣснѣйшемъ союзѣ съ привилегированными и тѣмъ самымъ только поддерживала соціальную реакцію, принявшую чисто феодальный характеръ. Буржуазная реакція, о которой выше уже шла рѣчь, подготовила почву для наполеоновскаго режима, который въ свою очередь служилъ сильнымъ препятствіемъ для реакціи дворянской, съ паденіемъ же Наполеона I и начинается именно аристократическая реакція въ союзѣ съ легитимистической королевской

властью. Въ соціальномъ отношеніи эпоха реставраціи характеризуется борьбою между реакціонной аристократіей и либеральной буржуазіей, которая въ это время стремится къ обезпеченію главныхъ результатовъ предъидущаго движенія отъ возвращенія къ старому порядку. Легитимизмъ политическій и соціальный нашли, наконецъ, поддержку и въ культурной реакціи, которая въ эту эпоху приняла рѣзко клерикальный характеръ. Просвѣщенные деспоты XVIII в., отстаивая права государственной власти и свѣтскаго общества отъ притязаній духовенства, находились большею частью въ ссорѣ съ католическою церковью. Однимъ изъ проявленій просвѣщеннаго абсолютизма было, напр., изгнаніе іезуитовъ изъ разныхъ католическихъ странъ и уничтоженіе этого ордена папою по требованію католическихъ правительствъ. Въ 1814 г. сдѣлалось возможнымъ возстановленіе ордена іезуитовъ, передъ которымъ теперь была задача борьбы съ революціей, какъ въ XVI в. его главною задачею была борьба съ реформаціей. Да и вообще католицизмъ ожилъ и усилился въ разсматриваемую эпоху. Церковь и государство, находившіяся не въ ладахъ между собою во второй половинѣ XVIII в., наоборотъ, стремились теперь къ тѣснѣйшему союзу между собою, ища другъ въ другѣ поддержки противъ революціи. Конкордатъ Наполеона I съ папою открывалъ собою эпоху такого союза церкви и государства, но все-таки Наполеонъ I стремился къ тому, чтобы главная выгода отъ конкордата была на сторонѣ государства. Въ эпоху реставраціи повсемѣстно обнаруживается тенденція противоположнаго характера, и государственная власть сама идетъ на службу къ клерикальнымъ тенденціямъ. Уже въ буржуазной реакціи конца XVIII в. сталъ вырабатываться взглядъ на религію, какъ на главную опору общественнаго порядка, но

мало-по-малу культурная реакція приняла и болѣе интимный и искренній характеръ религіознаго настроенія. Для католицизма съ его мистическими и аскетическими стремленіями такое настроеніе, пришедшее на смѣну прежнему вольнодумству, было самою удобною почвою и недаромъ въ эту эпоху было нѣсколько случаевъ перехода интеллигентныхъ протестантовъ въ католицизмъ.

Это была общая реакція противъ всего, что̀ внесено было новаго въ жизнь не только имперіей Наполеона I, революціей, просвѣщеннымъ абсолютизмомъ и философіей XVIII в., но и болѣе ранними движеніями—реформаціи и гуманизма. Другими словами, это былъ протестъ противъ всей новой исторіи во имя среднихъ вѣковъ, т.-е. во имя средневѣковыхъ феодальныхъ и католическихъ принциповъ и основанной на нихъ общественной организаціи. Главное зло въ исторіи послѣднихъ вѣковъ съ точки зрѣнія теоретиковъ реакціи заключалось въ томъ, что человѣческая личность и индивидуальный разумъ вышли изъ повиновенія богоустановленному порядку, что личная мысль и личная совѣсть потребовали себѣ свободы и что во имя той же свободы человѣкъ сталъ передѣлывать не имъ, а свыше созданныя формы жизни. Конечно, принципіальное тяготѣніе къ среднимъ вѣкамъ было лишь самымъ крайнимъ выраженіемъ реакціоннаго настроенія, но именно оно и придаетъ особый характеръ реакціи,наступившей послѣ 1815 г.

6. Культурную реакцію мы можемъ прослѣдить въ разныхъ сферахъ мысли. Въ своей философіи XVIII в. отъ раціонализма и деизма перешелъ къ сенсуализму и матеріализму, которые вызвали противъ себя идеалистическую и спиритуалистическую реакцію. Бѣдствія революціи были объявлены за результаты примѣненія ложной философіи, въ которой на первомъ планѣ стояло знаніе, тогда какъ

теперь стало выдвигаться впередъ значеніе нравственности, разсматриваемой въ качествѣ необходимаго условія общественнаго спокойствія и порядка. Характерною особенностью возникшаго отсюда направленія было стремленіе подчинить разумъ чувству, мышленіе морали и сблизить философію съ религіей. Съ другой стороны, совершилась реакція и противъ антиисторичности политической философіи XVIII в. Не только раціоналистическое естественное право отвергалось во имя старыхъ историческихъ правъ, попранныхъ революціей, но и самый методъ раціонализма сталъ отвергаться, какъ игнорировавшій данныя опыта и наблюденія и строившій все на однихъ началахъ разума: стали именно говорить о необходимости въ политическихъ построеніяхъ сообразоваться съ указаніями дѣйствительности—какъ въ ея настоящемъ, такъ и въ ея прошломъ, т.-е. съ исторіей, на которой зиждется настоящее. Это обращеніе общественной мысли къ исторіи не всегда было реакціоннымъ въ политическомъ смыслѣ, но въ научно-философскомъ отношеніи это была явная оппозиція раціоналистической мысли XVIII в. Въ связи съ этой оппозиціей въ началѣ XIX в. зародилась и еще одна идея, политическій смыслъ которой былъ строго реакціоннымъ, но которая въ дальнѣйшихъ примѣненіяхъ, однако, утратила свою первоначальную окраску. Вмѣсто раціоналистическаго ученія о происхожденіи государства изъ сознательнаго и произвольнаго договора людей между собою,—ученія, приводившаго и къ революціонной мысли о возможности пересозданія человѣкомъ установленныхъ порядковъ, т.-е. государственнаго и общественнаго строя и охраняющаго ихъ права,—стала вырабатываться теорія независимаго отъ людскихъ сознанія и воли, чисто органическаго происхожденія и развитія существующихъ порядковъ. Такъ называемая

историческая школа права въ Германіи, отличавшаяся политическимъ и соціальнымъ консерватизмомъ, именно и соединяла въ себѣ постановку изученія права на историческую точку зрѣнія съ пониманіемъ исторіи его происхожденія и развитія, какъ чисто органическаго процесса, въ которомъ нѣтъ мѣста для дѣятельности единичнаго разума, ведущаго лишь къ нарушенію правильности и порядка жизни.

Оживленіе религіозной мистики вообще и въ частности католицизма, развитіе философіи моральныхъ чувствъ, обращеніе къ историческому прошлому въ связи съ реакціей средневѣковыхъ началъ въ самой жизни породили еще одно культурное явленіе, особенно характеризующее литературу эпохи, именно то, что носитъ общее названіе романтизма. Подготовлено это направленіе было раньше, но забрало силу оно лишь въ началѣ XIX в., причемъ сразу заключило союзъ съ общей реакціей, хотя бы, какъ увидимъ, и не вездѣ. Это была поэзія чувства и фантазіи, идеализаціи прошлаго и стремленій въ туманную даль, бывшихъ далекими отъ живыхъ интересовъ дѣйствительности, полная противоположность классицизма, господствовавшаго въ эпоху просвѣщенія. До извѣстной степени здѣсь была и реакція противъ космополитичности классицизма, поворотъ въ родной средневѣковой старинѣ, стоявшій, въ свою очередь, въ связи съ общимъ оживленіемъ національнаго патріотизма столь понятнымъ въ эпоху борьбы съ иноземными поработителями.

Раціонализмъ XVIII в. отличался чисто космополитическимъ духомъ. Философія этого столѣтія обращалась къ „человѣку и гражданину“ безъ различія мѣстъ и народностей, и этимъ же универсальнымъ характеромъ отличались и стремленія французской революціи, которая одно время выдвигала на очень замѣтный планъ

пропаганду своихъ идей и порядковъ у другихъ народовъ. На практикѣ осуществились, однако, не братство народовъ, не солидарность человѣческаго рода, а нѣчто иное: явилось господство одного народа надъ другими. Отвлеченный „человѣческій родъ“ XVIII в. оказался несуществующимъ, а гнетъ наложенный на европейскіе народы наполеоновской Франціей, привелъ лишь къ острому развитію въ нихъ національнаго чувства, что стало выражаться и въ особой приверженности ко всему своему родному, соединившейся съ непріязнью ко всему чужому, и въ подчеркиваніи культурныхъ особенностей, выработанныхъ исторіей и сохранившихся въ традиціяхъ народной старины, и въ желаніи ихъ увѣковѣчить и въ будущемъ, даже прямо въ попыткахъ философскаго оправданія и поэтической идеализаціи того, что̀ признавалось за исконныя врожденныя начала той или другой національности.

Въ этихъ проявленіяхъ культурной реакціи противъ просвѣщенія XVIII в., реакція политическая и соціальная находила идейную поддержку, но она и сама поддерживала всѣ эти идейныя теченія, поскольку ихъ принципы оправдывали охрану консервативныхъ интересовъ и служили противовѣсомъ противъ всякихъ попытокъ внести въ жизнь новыя начала. Исторія не только должна была остановиться, но и попятиться назадъ, — къ средневѣковью, къ тому самому средневѣковью, въ которомъ просвѣщеніе XVIII в. видѣло только времена „готическаго“ варварства и невѣжества. Это тяготѣніе къ среднимъ вѣкамъ нашло выраженіе въ произведеніяхъ цѣлаго ряда публицистовъ, и тѣ же самыя публицистическія тенденціи проходили сверхъ того красною нитью черезъ произведенія многихъ философскихъ и историческихъ писателей. Нѣкоторые изъ нихъ сдѣлались даже

настоящими оракулами реакціи, которымъ внимали, какъ носителямъ вѣчной и неизмѣнной мудрости.

V. Общій взглядъ на либерализмъ двадцатыхъ годовъ XIX вѣка [1]).

1. Либерализмъ, какъ продолженіе болѣе раннихъ прогрессивныхъ направленій. — 2. Антидемократичность либерализма эпохи. — 3. Вліяніе культурной реакціи на либерализмъ. — 4. Связь политическаго и экономическаго либерализма. — 5. Критика идеи народовластія съ индивидуалистической точки зрѣнія. — 6. Представленіе о несовмѣстимости свободы съ равенствомъ. — 7. Различія, существовавшія среди либераловъ.

1. Въ то самое время, какъ реакція стремилась задержать историческое движеніе и даже повернуть его назадъ, въ другой части общества, въ той именно, въ которой желали осуществленія новыхъ жизненныхъ прин-

[1]) Исторія Западной Европы въ новое время, т. IV, гл. 14 (Общая характеристика либерализма въ эпоху реставраціи) и 26 (Экономическія теоріи эпохи реставраціи въ связи съ моральными и политическими движеніями), а также гл. 19 (Борьба французскаго либерализма противъ реакціи) и гл. 21 (Реакція и борьба за свободу въ Англіи до 1830 г.). Ср. въ V томѣ главу 12 (Французскій либерализмъ временъ іюльской монархіи).

— О болѣе раннихъ прогрессивныхъ движеніяхъ, съ которыми либерализмъ XIX в. такъ или иначе связанъ, см. въ „Философіи культурной и соціальной исторіи новаго времени“ главы четвертую („Сущность гуманистическаго движенія“), пятую („Культурное значеніе религіозной реформаціи“) и девятую („Характеристика просвѣщенія XVIII в.). Ср. также въ главѣ шестой („Соціальная и политическая сторона реформаціи“) §§ 2, 4 и 5.

циповъ и ихъ дальнѣйшаго развитія, господствовало направленіе, которое стало называться либерализмомъ. Въ исторіи новаго времени мы различаемъ нѣсколько крупныхъ прогрессивныхъ движеній, одно съ другимъ не совпадающихъ, одно изъ другого прямо не вытекающихъ, иногда даже находившихся въ противорѣчіи между собою, но имѣющихъ одну общую черту — стремленіе впередъ во имя новыхъ началъ мысли и жизни и ради переустройства на этихъ новыхъ началахъ тѣхъ или другихъ сторонъ государственнаго и общественнаго строя. Таковы были культурныя движенія гуманизма, реформаціи и просвѣщенія XVIII в., включая въ послѣднее и „принципы 1789 г.". Либерализмъ эпохи реставраціи былъ тоже изъ этой категоріи движеній и особенно роднился съ ними своимъ индивидуализмомъ, своимъ свободолюбіемъ, которыми отличаются и всѣ передовыя проявленія возрожденія, протестантизма и философіи XVIII в. Въ этомъ смыслѣ либералы двадцатыхъ годовъ XIX в. являются наслѣдниками и продолжателями дѣла гуманистовъ, реформаторовъ и просвѣтителей.

Съ принципіальной точки зрѣнія борьба между либерализмомъ и реакціей была вмѣстѣ съ тѣмъ борьбою между стремленіемъ отстаивать во всемъ свободу личности и стремленіемъ къ возможно большему ограниченію личныхъ правъ во всѣхъ сферахъ жизни. Либералы защищали свободу совѣсти, свободу мысли, свободу научнаго изслѣдованія, свободу слова и печати, защищали личную неприкосновенность и нравственное достоинство личности, защищали, наконецъ, элементарную равноправность всѣхъ передъ закономъ и со всѣмъ этимъ соединяли еще проповѣдь политической свободы, вытекающей изъ свободы личности и гарантирующей неприкосновенность личныхъ правъ. Тамъ, гдѣ еще не

было конституціонныхъ учрежденій, либералы ихъ добивались; отстаивали ихъ тамъ, гдѣ имъ грозила опасность, и ставили своею задачею дальнѣйшее ихъ развитіе въ направленіи бо́льшаго осуществленія свободы тамъ, гдѣ эти учрежденія на ихъ взглядъ не были достаточно либеральны. Ихъ общая программа была поэтому до извѣстной степени воспроизведеніемъ принциповъ 1789 года, но только до извѣстной степени, потому что общая реакція сказалась и на характерѣ самого либерализма.

2. Французская революція была движеніемъ глубоко демократическимъ, но на практикѣ примѣненіе принципа народовластія дало совсѣмъ не тѣ результаты, которыхъ ожидали отъ демократическаго переворота. Въ сознаніи теоретиковъ и дѣятелей либерализма демократія сдѣлалась чѣмъ-то опаснымъ для политической свободы, потому что въ результатѣ примѣненія демократическихъ принциповъ получились лишь демагогія эпохи террора и деспотизмъ консульства и имперіи. Къ широкому участію народа въ государственныхъ дѣлахъ стали поэтому относиться съ недовѣріемъ, и либерализмъ получилъ чисто буржуазный характеръ. Съ другой стороны, и самая связь либерализма съ философіей XVIII вѣка можетъ быть установлена лишь съ оговорками, такъ какъ вліяніе культурной реакціи сказалась въ довольно значительной мѣрѣ и на доктринахъ либерализма. Дѣло въ томъ, что либерализмъ можетъ имѣть ту или другую соціальную окраску, т. е. быть и аристократичнымъ, и буржуазнымъ, и демократичнымъ, хотя, конечно, послѣдовательное проведеніе основныхъ принциповъ либерализма неизбѣжно приводитъ къ демократіи, такъ какъ принципъ индивидуальной свободы въ логическомъ смыслѣ можетъ быть только основою равнаго права для всѣхъ. То, что мы можемъ назвать

либерализмомъ временъ французской революціи, дѣйствительно отличалось демократическимъ характеромъ, но мы уже знаемъ, что сама буржуазія испугалась крайняго демократизма и, спасая свои классовые интересы, бросилась въ реакцію. И съ точки зрѣнія интересовъ политической свободы, которая должна была обезпечивать благосостояніе всей націи, демократія тоже пользовалась недовѣріемъ, такъ какъ готова была всегда измѣнить свободѣ и отдаться въ руки какого-нибудь демагога или деспота. Казалось, что поэтому ради блага самого народа обезпеченіе культурной и политической свободы нужно было отдать въ руки зажиточныхъ и образованныхъ классовъ общества, которые лучше съумѣютъ уберечь драгоцѣнное достояніе всѣхъ отъ грозящихъ ему опасностей. Либералы стояли на той точкѣ зрѣнія, что свобода есть единственное вѣрное средство противъ всякихъ общественныхъ золъ, и проповѣдовали невмѣшательство государства, между прочимъ, и въ экономическую жизнь страны. Послѣднее требованіе было для нихъ лишь частнымъ примѣненіемъ основного принципа: разъ личность свободна вѣрить во что ей угодно и думать какъ хочетъ, разъ ей должна быть предоставлена возможность выражать свои мысли въ устномъ и печатномъ словѣ безъ всякихъ ненужныхъ стѣсненій со стороны власти, то и въ области своихъ дѣйствій она должна была пользоваться тою же свободою отъ какой бы то ни было государственной опеки, промышленность же и торговля составляютъ одну изъ наиболѣе важныхъ сторонъ человѣческой дѣятельности. Буржуазія, какъ мы увидимъ, очень скоро поняла выгодныя для себя стороны ученія о невмѣшательствѣ государства въ экономическую сферу, гдѣ уже начиналъ въ это время рѣзко развиваться антагонизмъ ка-

питала и труда: невмѣшательство какъ разъ отдавало трудъ въ жертву капиталу.

Было бы, однако, несправедливо думать, что либерализмъ по самой природѣ своей — буржуазенъ. Основные его принципы, т. е. индивидуальная свобода и представительное правленіе не заключаютъ въ себѣ ничего спеціально буржуазнаго. Классовые интересы средняго сословія, наоборотъ, вносили въ либерализмъ нѣкоторыя тенденціи, которыя иногда становились даже въ противорѣчіе съ основными принципами либерализма. Напримѣръ, главный его теоретикъ во Франціи въ эту эпоху, Бенжаменъ Констанъ, распространялъ принципъ свободы и на мѣстную жизнь, рекомендуя самоуправленіе, а между тѣмъ громадное большинство либераловъ стояло на сторонѣ наполеоновской бюрократической централизаціи, потому что опасалось, какъ бы мѣстное самоуправленіе не усилило значеніе землевладѣльческаго дворянства, на которое упиралась партія реакціи.

3. Реакція отразилась на либерализмѣ эпохи реставраціи и въ другихъ отношеніяхъ. Въ области философскаго умозрѣнія онъ отказался отъ сенсуализма XVIII в., чтобы обосновать себя на чисто спиритуалистической доктринѣ. Французскіе философы этой эпохи, причислявшіе себя къ либеральному лагерю, говорили, что сенсуализмъ былъ исканіемъ свободы на путяхъ рабства и что только спиритуализмъ можетъ быть истинной основой свободы. Если мы вспомнимъ общую характеристику реакціонной философіи, то увидимъ, что философія либерализма стояла съ нею на одной почвѣ несогласія съ наиболѣе типическими чертами философіи XVIII в.

Мы видѣли далѣе, что въ началѣ XIX в. произошла реакція историзма противъ раціонализма предъидущаго столѣтія. Если, однако, какъ мы знаемъ, нѣмец-

кая историческая школа права отличалась крайнимъ консерватизмомъ, то во Франціи, наоборотъ, либералы создали свою замѣчательную историческую школу, которая пошла на службу прогрессивной политикѣ, поставивъ защиту ея принциповъ на почву исторіи, а не одного только умозрѣнія. Это проникновеніе историзма въ область вопросовъ, разрѣшавшихся раньше главнымъ образомъ чисто раціоналистически, тоже весьма характерно для либерализма разсматриваемой эпохи. Для тогдашнихъ прогрессивныхъ историковъ великая революція была не столько попыткою осуществленія вѣковѣчныхъ принциповъ естественнаго права, сколько одною изъ битвъ, которыя и раньше третье сословіе давало привилегированнымъ. Въ эту именно эпоху во Франціи и началось изученіе исторіи третьяго сословія, начиная съ коммунальной революціи временъ крестовыхъ походовъ. И вопросъ о представительныхъ учрежденіяхъ былъ равнымъ образомъ поставленъ теперь на почву историческаго ихъ изученія, что опять-таки свидѣтельствуетъ о желаніи тоже чисто историческаго оправданія одного изъ наиболѣе важныхъ принциповъ либерализма. Съ этой же именно точки зрѣнія французскіе либеральные историки этой эпохи такъ усердно занимались прошлымъ Англіи, которая сдѣлалась для нихъ, такъ сказать, образцовою страною политической свободы. Наконецъ, тогда же предпринято было и историческое оправданіе французской революціи въ трудахъ Тьера и Минье.

Въ общей характеристикѣ реакціи мы говорили еще о романтизмѣ, который въ культурномъ отношеніи часто находился въ дружбѣ съ политическимъ и соціальнымъ тяготѣніемъ къ среднимъ вѣкамъ. Но и романтизмъ подобно историзму не всегда былъ реакціоннымъ. Во Франціи двадцатыхъ годовъ либералы и романтики даже вступили

въ довольно тѣсный союзъ, и въ то время, какъ Викторъ Гюго объявлялъ, что „романтизмъ есть либерализмъ въ литературѣ“, самъ либерализмъ отличался романтической окраской. Сопоставляя всѣ изложенныя явленія, мы и можемъ сказать, что либерализмъ эпохи реставраціи носитъ на себѣ довольно замѣтные слѣды вліянія своего реакціоннаго времени.

4. Какъ у реакціи были свои теоретики, такъ были они и у либерализма. Самая характерная особенность либеральныхъ доктринъ этой эпохи заключается въ стремленіи какъ можно болѣе ограничить предѣлы дѣятельности государства въ интересахъ наибольшаго и самаго широкаго осуществленія индивидуальной свободы. Реакціонеры рекомендовали вездѣ и всегда стѣснять личность, ставя ее подъ самую тѣсную и постоянную опеку предержащихъ властей, тогда какъ либералы, наоборотъ, проводили тотъ взглядъ, въ силу котораго государство должно было стоять лишь на стражѣ внѣшней безопасности и внутренняго мира страны, по возможности совсѣмъ не вмѣшиваясь въ личныя дѣла и взаимныя отношенія гражданъ. Политическіе писатели либерализма были проповѣдниками полной экономической свободы и въ этомъ отношеніи находили поддержку со стороны тогдашнихъ экономистовъ, которые держались того же самаго принципа. Экономическая свобода, какъ и свобода политическая, была провозглашена еще въ XVIII в. физіократами и Адамомъ Смитомъ, да и знаменитый девизъ экономической свободы „laissez passer. laissez faire“ ведетъ свое начало изъ XVIII же столѣтія. Въ общемъ это ученіе экономистовъ было протестомъ противъ той всеобъемлющей и всепоглощающей правительственной опеки, которая составляетъ одну изъ характерныхъ особенностей ста-

раго порядка. Теоретическое оправданіе государственнаго невмѣшательства заключалось именно въ томъ соображеніи, что экономическая жизнь управляется своими законами, требующими предоставленія для дѣятельности каждаго возможно наибольшей свободы. Каждый стремящійся къ тому, чтобы получить какъ можно больше при наименьшей, наоборотъ, затратѣ времени, труда и средствъ, является единственнымъ компетентнымъ судьею своей собственной выгоды, а потому какая бы то ни была опека надъ нимъ не только излишня, но и прямо даже вредна. Предоставьте, говорили либеральные экономисты, каждому осуществлять хозяйственныя цѣли, какъ ему это кажется лучшимъ, и въ результатѣ будетъ осуществленіе всѣми того, къ чему каждый въ отдѣльности стремится, потому что, прибавляли экономисты, въ мірѣ господствуетъ гармонія, проявленію которой мѣшаютъ только устарѣлые законы и учрежденія, основанные на вмѣшательствѣ въ индивидуальную дѣятельность. Подобнаго рода заявленія дѣлались не только въ теоретическихъ построеніяхъ экономистовъ, но и въ практическихъ требованіяхъ дѣятелей промышленности и торговли: самымъ рельефнымъ фактомъ такого рода является начавшаяся въ Англіи въ двадцатыхъ годахъ агитація въ пользу свободной торговли, подъ которою слѣдуетъ разумѣть вообще невмѣшательство государства въ хозяйственную жизнь страны. Весьма понятно, что экономическій либерализмъ находилъ въ лагерѣ реакціи только враговъ, которые, между прочимъ, защищали и старую средневѣковую регламентацію экономическаго быта въ формѣ, напримѣръ, цеховъ.

5. Съ точки зрѣнія индивидуальной свободы либерализмъ ставилъ своею цѣлью „торжество личности не только надъ властью, желающей управлять посредствомъ

насилія", но „и надъ массами, предъявляющими со стороны большинства право подчиненія себѣ меньшинства", какъ формулировалъ эту идею Бенжаменъ Констанъ, который одинъ изъ первыхъ высказалъ мысль о различіи въ пониманія свободы въ античномъ мірѣ и въ новой Европѣ, какъ „дѣятельнаго участія въ общемъ властвованіи", съ одной стороны, и „спокойнаго пользованія личной независимостью", съ другой. Уже Монтескье въ XVIII в. совѣтовалъ не смѣшивать свободы народа съ властью народа, но въ ученіи Руссо о народовластіи какъ разъ произошло это смѣшеніе. Либерализмъ вооружился противъ теоріи народовластія, т.-е. „верховенства общей воли надъ всякою частною волею", указавъ на то, что здѣсь прежними борцами за свободу была допущена ошибка: они направляли свой гнѣвъ противъ обладателей власти, а не противъ нея самой, какъ-будто перенесеніе божественнаго права съ королей на народы, при сохраненіи характера самой власти, не можетъ сопровождаться такимъ же деспотизмомъ надъ отдѣльною личностью, какой былъ и прежде. „Воля цѣлаго народа не можетъ сдѣлать справедливымъ то, что несправедливо". Въ этомъ ученіи, главнымъ выразителемъ котораго былъ Бенжаменъ Констанъ, мы имѣемъ дѣло еще съ примѣромъ протеста противъ одной изъ популярнѣйшихъ идей XVIII в., противъ идей народовластія, какъ она была формулирована у Руссо, и противъ основанной на ней практической политики якобинизма въ эпоху французской революціи. Во Франціи, однако, демократизмъ и идея народовластія въ пониманіи Руссо и якобинцевъ до такой степени сливались воедино, что когда въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ возникла въ націи демократическая оппозиція противъ буржуазіи, достигшей господства въ 1830 г., въ

числѣ заблужденій послѣдней была поставлена на первый планъ забота о личной свободѣ, какъ проявленіе противообщественнаго индивидуализма. Въ свою очередь либералы отмѣчали, что демократія охотно жертвуетъ идеаломъ свободы идеалу равенства.

6. Въ сознаніи людей XVIII в. идеи свободы и равенства были неразлучны, и лишь въ эпоху выработки основныхъ идей либерализма было обнаружено, на основаніи пережитого обществомъ опыта, что свобода и равенство могутъ находиться между собою въ антагонизмѣ. Только позднѣе, уже въ эпоху іюльской монархіи, вопросъ былъ подвергнутъ особому изслѣдованію Токвилемъ, который былъ чистокровнымъ либераломъ и въ качествѣ страстнаго поклонника свободы опасался за нее при видѣ разроставшагося демократическаго движенія, которое, по его убѣжденію, никѣмъ и ничѣмъ не можетъ быть удержано. Онъ видѣлъ, что „народы въ наше время сдѣлались склонными къ безпорядку", но не видѣлъ, чтобы „они сдѣлались склонными къ свободѣ", и высказывалъ опасеніе, что „когда кончатся эти волненія, колеблющія троны, верховные правители окажутся еще сильнѣе, чѣмъ они были прежде". Зрѣлище западно-европейской исторіи приводило его къ тому выводу, что „народы хотятъ равенства со свободой, но что если это имъ недоступно, то хотятъ его даже въ рабствѣ": равенство уже успѣло войти въ мнѣнія, нравы, законы, т.-е. уже имѣло свое прошлое, когда свобода была тогда новинкою. Конечно, можно представить себѣ такое общество, въ которомъ свобода и равенство соприкасаются и сливаются, но для этого необходимы особыя историческія условія: извѣстно, что Токвиль не насадилъ ихъ у себя на родинѣ, во Франціи, и указывалъ на великую заатлантическую республику,

гдѣ демократія съумѣла организовать поистинѣ свободное правительство.

7. Либерализмъ не представлялъ, конечно, какой-нибудь однообразной догмы, и въ каждой странѣ онъ получалъ особую окраску въ зависимости отъ мѣстныхъ условій и традицій, отъ тѣхъ или другихъ общественныхъ интересовъ и стремленій, отъ особенностей тѣхъ общественныхъ классовъ, въ которыхъ пользовался сочувствіемъ. Либералы могли быть и бывали на самомъ дѣлѣ и монархистами и республиканцами, централистами и федералистами, космополитами и націоналистами, католиками и протестантами и т. д., какъ и въ области практической политики ихъ оппозиція могла имѣть или чисто легальный конституціонный характеръ (тамъ, гдѣ существовало представительство), и, наоборотъ, характеръ революціонный (и не только тамъ, при этомъ, гдѣ не было представительства). Конечно, съ принципіальной точки зрѣнія разные оттѣнки либерализма — національные, классовые, партійные, наконецъ, индивидуальные — были далеко не одинаково послѣдовательны или, можетъ быть, непослѣдовательны по отношенію къ основному принципу и къ логическимъ изъ него выводамъ, но ихъ роднило именно тяготѣніе къ одному и тому же принципу, къ принципу индивидуальной свободы, обставленной необходимыми гарантіями въ самомъ государственномъ устройствѣ.

VI. Южно-романскія революціи и конгрессы двадцатыхъ годовъ XIX вѣка [1]).

1. Событія начала двадцатыхъ годовъ. — 2. Общія черты южно-романскихъ революцій. — 3. Ихъ вліяніе на австрійскую политику.— 4. Принципъ вмѣшательства въ чужія внутреннія дѣла.

1. Средніе годы эпохи реставраціи, именно начало двадцатыхъ годовъ XIX в., были ознаменованы цѣлымъ рядомъ революціонныхъ движеній, вызвавшихъ сначала съѣзды государей и министровъ для рѣшенія вопроса, какъ съ ними быть, а потомъ и вооруженное вмѣшательство отъ имени всей Европы во внутреннія дѣла странъ, подвергшихся этимъ революціямъ. Рѣчь идетъ именно, во-первыхъ, о революціяхъ въ Испаніи, въ Неаполѣ съ Сициліей, въ Португаліи и въ Пьемонтѣ въ 1820—21 гг.; во-вторыхъ, о конгрессахъ въ Троппау, Лайбахѣ и Веронѣ въ 1820—1822 гг. и, въ третьихъ, объ австрійской репрессіи въ Италіи и французской — въ Испаніи въ 1822—1823 гг. Этотъ эпизодъ въ исторіи борьбы реакціи и либерализма заслуживаетъ особаго вниманія въ виду своего международнаго характера и однородности явленій, наблюдаемыхъ нами во внутренней исторіи южно-романскихъ странъ, гдѣ произошли эти революціонныя движенія. Къ послѣднимъ мы здѣсь не причисляемъ греческое возстаніе противъ турокъ,

[1]) Исторія Западной Европы въ новое время, томъ IV, гл. 15 (Священный союзъ, южно-романскія революціи и конгрессы).

— Для элементарныхъ практическихъ справокъ „Учебная книга новой исторіи“: § 272. Южно-романскія революціи и § 273. Греческое возстаніе.

которое вспыхнуло одновременно съ южно-романскими революціями, но вызвано было совсѣмъ особыми причинами и имѣло особенный же и исходъ. Хотя сначала европейская дипломатія не дѣлала различія между греческими инсургентами и южно-романскими революціонерами, т.-е. и первыхъ считала за то же самое, чѣмъ были вторые, однако, когда нѣсколько позднѣе произошло вмѣшательство въ дѣла Балканскаго полуострова, то имѣло уже совсѣмъ иной характеръ, нежели вмѣшательство въ дѣла Апеннинскаго и Пиренейскаго полуостровъ. Въ обоихъ послѣднихъ случаяхъ помощь была оказана правительствамъ противъ ихъ мятежныхъ подданныхъ, путемъ возстанія добившихся конституціи, и дѣло окончилось возстановленіемъ абсолютизма, тогда какъ въ греческомъ дѣлѣ помощь была оказана, наоборотъ, какъ-разъ мятежнымъ подданнымъ противъ ихъ государя, у котораго была даже отнята часть подвластной ему территоріи для образованія изъ нея новаго конституціоннаго королевства. Главное здѣсь — то, что на Балканскомъ полуостровѣ происходила борьба двухъ народностей и вѣръ, — грековъ и турокъ, религій Христа и Магомета, — а не двухъ политическихъ принциповъ, не двухъ государственныхъ устройствъ: легитимизма и либерализма, абсолютной монархіи и монархіи конституціонной.

2. Южно-романскія революціи двадцатыхъ годовъ были вызваны крайностями реакціи, встрѣтившими отпоръ въ образованныхъ классахъ общества, въ войскѣ и въ народѣ. Не одни французскіе Бурбоны и эмигранты „ничего не позабыли и ничему не научились“. Слишкомъ рьяное стремленіе къ возстановленію старины, обнаруженное во Франціи принцами крови, дворянствомъ и духовенствомъ въ 1814 г., только и объясняетъ намъ

тотъ взрывъ восторга, съ какимъ не одной арміей, но и народомъ былъ встрѣченъ Наполеонъ при возвращеніи своемъ съ острова Эльбы: народное и военное движеніе въ пользу возстановленія во Франціи имперіи имѣло въ 1815 г. совершенно революціонный характеръ. Реакція принимала крайнее направленіе не въ одной Франціи, но и въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи, и въ Италіи, и на Пиренейскомъ полуостровѣ, гдѣ стремились иногда даже въ мелочахъ изгладить память о недавнемъ прошломъ, въ то же время раздражая общество, войско и народныя массы неумѣлымъ веденіемъ дѣлъ и тѣмъ самымъ дѣлая ихъ воспріимчивыми къ революціонной пропагандѣ.

Одна изъ особенностей этихъ политическихъ движеній эпохи реставраціи — та, что они подготовлялись тайными обществами, которыя притомъ вербовали сторонниковъ въ военной средѣ, если только не сами организовались военными людьми. Это — эпоха развитія въ Италіи такъ называемаго карбонаризма, большого и искусно организованнаго тайнаго союза „угольщиковъ", по образцу котораго и даже подъ тѣмъ же названіемъ (charbonnerie) устраивались политическіе заговоры и во Франціи, столь многочисленные въ царствованіе Людовика XVIII. Вообще либераловъ эпохи реставраціи можно раздѣлить на конституціонныхъ, стоявшихъ на почвѣ легальной парламентской оппозиціи, и революціонныхъ, стремившихся къ совершенію политическаго переворота, съ каковою цѣлью они и составляли тайныя общества и устраивали разные заговоры. Такую двойственность тактики либераловъ мы наблюдаемъ во Франціи, гдѣ очень часто династическая и антидинастическая оппозиціи подавали другъ другу руку, хотя и не обнаруживали явно своей солидарности. Въ свою очередь правитель-

ства боролись съ общественнымъ теченіемъ, выражавшимся въ тайныхъ обществахъ, и первые годы эпохи реакціи въ Германіи были наполнены борьбою властей даже съ призраками заговоровъ и тайныхъ обществъ тамъ, гдѣ ихъ и въ поминѣ не было. Собственно говоря, Германія даже и затронута-то серьезно этимъ явленіемъ не была, если не считать нѣкотораго броженія въ университетской молодежи, очень непохожаго на политическіе заговоры во Франціи, въ Испаніи, въ Неаполѣ или на другомъ концѣ европейскаго міра, въ Россіи, гдѣ аналогичное явленіе представляютъ собою въ тѣ же годы будущіе декабристы.

Слѣдуетъ еще обратить вниманіе на то обстоятельство, что южно-романскія революціи, и современные имъ политическіе заговоры во Франціи и въ Россіи имѣли военный характеръ. Военныя революціи въ государствахъ Пиренейскаго и Апеннинскаго полуострововъ только пять лѣтъ отдѣляются отъ безпримѣрной въ исторіи эпохи преобладанія въ политической жизни грозной военной силы, сокрушавшей цѣлыя царства и создававшей новыя и наконецъ сокрушенной военною же силою въ союзѣ съ народными массами. Революціонныя арміи Франціи въ концѣ XVIII в. смотрѣли на себя, какъ на освободителей народовъ отъ деспотизма, и тотъ же освободительный лозунгъ одушевлялъ арміи, боровшіяся противъ Наполеона за свободу порабощенныхъ имъ націй. Однимъ словомъ, арміи легитимныхъ правительствъ эпохи реставраціи были воспитаны въ духѣ болѣе раннихъ движеній, и стремленія, возобладавшія послѣ 1815 г. при дворахъ государей, должны были встрѣтить оппозицію въ высшихъ и среднихъ чинахъ ихъ армій. Съ теченіемъ времени такое настроеніе военныхъ людей должно было исчезнуть, замѣниться

болѣе консервативнымъ духомъ, но въ тѣ годы оно было сильно. Любопытно, что французскую армію примирила съ Бурбонами экспедиція въ Испанію для подавленія тамошней революціи: еще передъ самой этой экспедиціей былъ выработанъ планъ воспользоваться мобилизованной для войны въ Испаніи арміей въ цѣляхъ внутренняго переворота въ самой Франціи, но испанскій походъ покрылъ французскую армію новой славой подъ бѣлымъ знаменемъ Бурбоновъ (славой, правда, сомнительной), и при Карлѣ X французскіе генералы и офицеры уже не участвовали больше въ политическихъ заговорахъ.

Обращеніе революціонныхъ либераловъ къ войску, какъ къ главной силѣ, которая должна была осуществить ихъ политическіе планы, указывало въ сущности на то, что опоры въ народѣ для этихъ плановъ не было. Либеральныя программы двадцатыхъ годовъ были расчитаны на удовлетвореніе духовныхъ потребностей обезпеченнаго и интеллигентнаго большинства, и составители ихъ не принимали въ расчетъ удовлетворенія матеріальныхъ потребностей народныхъ массъ, продолжавшихъ коснѣть въ невѣжествѣ. Эту стихійную силу легко было взволновать, какъ то и показали событія 1820 г. на Пиренейскомъ и Апеннинскомъ полуостровахъ, но она не могла служить прочною опорою для либеральнаго политическаго режима. Народныя массы привѣтствовали военную революцію и даже принимали въ ней участіе, но не оказывали никакого противодѣйствія военной экзекуціи, произведенной иностранными войсками; онѣ даже встрѣчали восторженными криками возстановленіе абсолютизма. Сами либералы иногда ясно сознавали такое положеніе вещей. Незадолго до іюльской революціи, когда во Франціи со стороны Карла X опа-

сались государственнаго переворота, многіе политическіе дѣятели высказывались въ томъ смыслѣ, что народъ отнесется совершенно равнодушно къ удару, который будетъ нанесенъ либераламъ. Правда, они ошибались, какъ то показали іюльскіе дни 1830 г., но и самая ошибка эта характерна.

Не мало ослабляло успѣхъ южно-романскихъ революцій и возникновеніе внутреннихъ раздоровъ среди приверженцевъ новаго порядка вещей, въ Испаніи—борьба между умѣренными (модерадами) и крайними (экзальтадами), въ Южной Италіи — между неаполитанцами, стоявшими за централистическую конституцію, и сицилійцами, стремившимися къ мѣстной автономіи; изъ Неаполя было даже послано войско для усмиренія Сициліи. Испанія, кромѣ того, сдѣлалась театромъ настоящей гражданской войны, такъ какъ на защиту абсолютизма и католицизма здѣсь организовалась цѣлая „армія вѣры". Тѣ самые испанцы, которые вели геройскую партизанскую войну противъ французскаго завоеванія при Наполеонѣ, видѣли въ экзекуціонной французской арміи, являвшейся въ страну по рѣшенію веронскаго конгресса для подавленія революціи, скорѣе желанныхъ гостей, чѣмъ враговъ.

Революціонныя движенія двадцатыхъ годовъ находились въ несомнѣнной связи между собою: примѣръ одной страны дѣйствовалъ на другія, и испанская конституція 1812 г., принятая-было королемъ въ 1814 г., потомъ вскорѣ имъ отмѣненная и снова отвоеванная революціоннымъ движеніемъ 1820 г., сдѣлалась даже главнымъ лозунгомъ революціонеровъ въ другихъ странахъ. Она имѣла поклонниковъ и во Франціи, гдѣ многіе либералы были недовольны хартіей 1814 г., дарованной Людовикомъ XVIII. Послѣдняя, какъ извѣстно, была видоизмѣненнымъ сколкомъ съ англійской конституціи, тогда

какъ испанская конституція напоминаетъ намъ французскую 1791 г. съ крайне урѣзанными правами королевской власти. Въ Испаніи конституція эта была вторично отмѣнена въ 1823 г., послѣ очень кратковременнаго дѣйствія, и все ея историческое значеніе ограничивается въ эту эпоху именно тѣмъ, что она съиграла роль лозунга для либеральныхъ партій не въ одной Испаніи.

3. Испанская революція вспыхнула въ январѣ 1820 г., и ровно черезъ полгода, въ іюлѣ, произошла революція въ Неаполѣ, вскорѣ послѣ чего, позднимъ лѣтомъ и ранней осенью совершились перевороты въ Португаліи и въ Сициліи, а въ слѣдующемъ году началось движеніе и въ Пьемонтѣ. Эта одновременность и быстрота, съ какою мятежныя войска добивались провозглашенія конституціи и правительственною властью овладѣвали либералы, встревожило европейскихъ монарховъ. Болѣе другихъ встревожилась Австрія, все прошлое которой, да и международное ея положеніе, созданное вѣнскимъ конгрессомъ, особенно располагали эту державу къ тому, чтобы сдѣлаться главнымъ оплотомъ консервативной политики.

Въ Австріи всегда были сильны клерикальные и феодальные элементы, борьба съ которыми оказалась не по силамъ такому представителю просвѣщеннаго абсолютизма, какимъ былъ Іосифъ II, а при Наполеонѣ эта держава предпочитала терять одну провинцію за другою, лишь бы только не обращаться къ общественнымъ и народнымъ силамъ, въ которыхъ мерещился источникъ революцій. Вѣнскій конгрессъ создалъ для Австріи главенствующее положеніе и въ Германіи, и въ Италіи и оставилъ подъ ея властью часть польской націи, возрождавшейся для политическаго бытія въ конституціонномъ

царствѣ Польскомъ. Чтобы нѣмецкіе, итальянскіе и польскіе подданные Австріи сидѣли смирно и спокойно, нужно было добиваться спокойствія нѣмцевъ, итальянцевъ и поляковъ, состоящихъ подданными другихъ государствъ, и съ этой точки зрѣнія Австрія съ неудовольствіемъ отнеслась къ тому, что Россія не просто инкорпорировала Польшу, а создала изъ нея конституціонное королевство. Пока революціонное движеніе 1820 г. ограничивалось далекой Испаніей, Австрія еще могла не тревожиться, но когда пламя революціоннаго пожара охватило югъ Италіи, на сѣверѣ которой у Австріи были свои владѣнія, нужно было тушить пожаръ. Священный союзъ, обѣщавшій правительствамъ взаимную помощь, оказался орудіемъ пригоднымъ къ этой цѣли. Въ 1820 г. былъ созванъ конгрессъ въ Троппау, въ 1821 г. засѣданія его возобновились въ Лайбахѣ (оба города—въ Австріи), и въ этомъ послѣднемъ городѣ было рѣшено, что отъ имени всей Европы усмиреніемъ итальянской революціи займется Австрія. Въ слѣдующемъ году собирается новый конгрессъ въ итальянскомъ городѣ Веронѣ, тоже принадлежавшемъ тогда Австріи, и здѣсь „Европа“ опять настояла на томъ, чтобы усмиреніе испанской революціи взяла на себя Франція. Тутъ же греки были признаны революціонерами, бунтовщиками противъ законнаго государя, и магометанская Турція была взята подъ защиту Священнаго союза противъ христіанъ-грековъ, отстаивавшихъ свою національную свободу. Дѣло, впрочемъ, не дошло до вооруженной помощи султану, какъ не дошло до усмиренія заатлантическихъ подданныхъ Испаніи, превратившихъ теперь ея американскія колоніи въ самостоятельныя республики. Мысль объ этомъ, однако, тоже существовала.

4. Конгрессы двадцатыхъ годовъ выработали даже

цѣлую теорію, оправдывавшую вмѣшательство въ чужія внутреннія дѣла. Сущность этой теоріи заключалась въ томъ, что сосѣди имѣютъ право оберегать свой внутренній миръ и спокойствіе, если этому угрожаютъ перемѣны въ другихъ государствахъ, и это приравнивалось къ тушенію пожара у сосѣда, чтобы и у самого домъ не загорѣлся. Принципъ этотъ былъ принятъ тремя главными членами Священнаго союза, и Австрія, опираясь въ данномъ случаѣ на сочувствіе и содѣйствіе Россіи, самымъ аккуратнымъ образомъ исполняла свою миссію и въ Германіи, и въ Италіи.

Подавленіе южно-романскихъ революцій сопровождалось взрывомъ самой жестокой реакціи, умѣрить которую совѣтовали даже сами консервативныя правительства.

VII. Іюльская революція и ея вліяніе на Европу [1]).

1. Политическія перемѣны во второй половинѣ двадцатыхъ годовъ.— 2. Положеніе дѣлъ во Франціи передъ 1830 г. — 3. Вліяніе іюльской революціи на другія страны.—4. Значеніе ея въ исторіи международныхъ отношеній. — 5. Вліяніе іюльской революціи на Англію.

---

1. Въ іюлѣ 1830 года въ Парижѣ произошла революція, которая низвергла старшую линію Бурбоновъ

---

[1]) Исторія Западной Европы въ новое время, томъ V, гл. 1 (Общій взглядъ на состояніе Западной Европы передъ іюльской революціей), гл. 2 (Іюльская революція), гл. 3 (Вліяніе іюльской революціи на Европу) и гл. 4 (Парламентская реформа въ Англіи).

— Для элементарныхъ фактическихъ справокъ „Учебная книга новой исторіи“: § 274. Сближеніе Россіи съ Англіей и Франціей.—§ 285.

во Франціи и оказала громадное вліяніе на обще-европейскую политику.

Во второй половинѣ двадцатыхъ годовъ XIX вѣка произошло нѣкоторое ослабленіе реакціи, и либерализмомъ даже были одержаны нѣкоторыя частныя побѣды. Особенную важность имѣло то, что англійская политика въ это время порвала съ традиціями своего недавняго прошлаго. Когда во главѣ англійскаго правительства стоялъ Кестльри, оно въ общемъ шло за Священнымъ союзомъ, но какъ разъ въ годъ веронскаго конгресса Кестльри кончилъ жизнь самоубійствомъ, и вскорѣ первенствующимъ руководителемъ внѣшней политики сдѣлался Каннингъ. Онъ воспротивился осуществленію намѣренія континентальныхъ державъ вмѣшаться въ американскія дѣла съ цѣлью подчиненія испанскому королю отложившихся колоній, за которыми даже поспѣшилъ признать значеніе самостоятельныхъ республикъ. Ему въ этомъ отношеніи оказалъ содѣйствіе и президентъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ Монро, провозгласившій принципъ невмѣшательства европейскихъ державъ въ дѣла американскаго материка. Веронскій конгрессъ и подавленіе испанской революціи французскими войсками были послѣдними успѣхами политики Священнаго союза, руководимой австрійскими дипломатами. Не менѣе важно было и то, что Англія взяла подъ свое покровительство греческое возстаніе, все болѣе и болѣе находившее сочувствія въ общественномъ мнѣніи Европы. Либералы видѣли въ грекахъ борцовъ за національную свободу, консерваторы—христіанскій

Іюльская революція.—§ 288. Эманципація католиковъ.—§ 289. Парламентская реформа.—§ 290. Вліяніе іюльской революціи на Европу.—§ 291. Германія послѣ 1830 г.

народъ, выбивавшійся изъ-подъ магометанскаго ига. Двадцатые годы были временемъ роста такъ называемаго филэлленизма, съ которымъ связано было имя великаго англійскаго поэта Байрона, рѣзкаго противника всѣхъ реакціонныхъ стремленій эпохи. Въ концѣ своего [illegible]твованія и самъ Александръ I сталъ колебаться въ своемъ взглядѣ на грековъ, какъ на опасныхъ революціонеровъ, но австрійская дипломатія по-прежнему старалась удерживать его отъ какой-бы то ни было перемѣны въ политикѣ. Преемникъ его, Николай I, вступившій на престолъ въ концѣ 1825 года, въ этомъ отношеніи не раздѣлялъ воззрѣній своего брата и съ самаго начала рѣшилъ возвратиться къ традиціонной политикѣ Россіи, какъ покровительницы турецкихъ христіанъ. Между Россіей и Англіей въ 1826 г. состоялось въ пользу грековъ даже особое соглашеніе, къ которому примкнула и Франція. Начиналась новая группировка великихъ державъ, причемъ прежній союзъ Австріи, Пруссіи и Россіи видимо разлагался, тѣмъ болѣе, что у Австріи съ Пруссіей тоже возникали разногласія изъ за вліянія на второстепенныя государства Германіи. Извѣстно, что затѣмъ произошло: флоты Россіи, Англіи и Франціи уничтожили турецкій флотъ при Наваринѣ, началась русско-турецкая война, и Турція должна была смириться, заключивъ съ Россіей аддріанопольскій миръ 1829 года. Въ слѣдующемъ 1830 году произошло образованіе изъ Греціи самостоятельнаго государства. Одновременно съ этимъ между Россіей и Франціей началось болѣе тѣсное сближеніе, которое, по мысли его руководителей, должно было повлечь за собою цѣлый рядъ новыхъ политическихъ перемѣнъ.

Вторая половина двадцатыхъ годовъ была также временемъ усиленія либерализма во Франціи и Англіи.

Уже давно либералы разныхъ странъ присматривались къ тому, что дѣлалось во Франціи, радуясь каждому новому успѣху французскихъ либераловъ и даже подражая имъ и въ палатахъ, гдѣ таковыя существовали, и въ прессѣ, гдѣ послѣдняя пользовалась нѣкоторою свободою. Что во Франціи произошло общее усиленіе и оживленіе либерализма, доказывается, напр., выборами 1827 г., бывшими весьма благопріятными для либераловъ. Аналогичныя перемѣны мы наблюдаемъ въ эти годы и во внутренней жизни Англіи. Именно, около 1825 года правительство прекратило борьбу съ митингами и прессой, которую вело въ первой четверти XIX в. подъ вліяніемъ реакціи, вызванной въ Англіи французской революціей. Къ числу важныхъ перемѣнъ во внутренней жизни Англіи нужно отнести и совершившуюся въ 1829 г. эманципацію католиковъ, т.-е. дарованіе католикамъ политическихъ правъ, которыхъ они были лишены еще со второй половины XVII вѣка.

2. Таково въ общихъ чертахъ было положеніе дѣлъ, когда во Франціи вспыхнула іюльская революція, бывшая побѣдой либерализма надъ реакціей. Съ самаго 1814 г. происходила здѣсь борьба двухъ Францій—Франціи стараго порядка и Франціи, созданной революціей, борьба въ палатахъ, въ прессѣ, въ обществѣ. Еще въ 1814 г. многіе думали, что реставрація соединитъ для Франціи тѣ выгоды, которыя для Англіи представляли реставрація 1660 г. и вторая революція 1689 г., но вскорѣ стала въ умахъ либераловъ утверждаться мысль, что и во Франціи за реставраціей должна послѣдовать новая революція. Выше уже упоминалось, что во все царствованіе Людовика XVIII во Франціи составлялись заговоры и даже дѣлались попытки возстанія съ цѣлью низверженія Бурбоновъ. Правда, въ 1824 году подобнаго

рода революціонныя движенія прекратились, но это не значило, что общество примирилось съ реакціоннымъ режимомъ Бурбоновъ. Людовикъ XVIII какъ-никакъ дѣйствовалъ все-таки болѣе умѣряющимъ образомъ, но его преемникъ, Карлъ X, былъ крайнимъ реакціонеромъ, заставляло либераловъ особенно подозрительно къ нему относиться. Какъ-разъ именно въ эти самые годы произошло упомянутое усиленіе и оживленіе либерализма, которое стало проявляться и въ политическихъ манифестаціяхъ оппозиціоннаго характера. Такъ какъ Карлъ X отличался еще особою преданностью католической церкви, и духовенство, вслѣдствіе этого, подняло голову, то даже, среди реакціонной партіи произошелъ нѣкоторый расколъ, и часть ея готова была вступить въ борьбу съ крайностями клерикализма. Мало того: либеральныя стремленія стали иногда оказывать вліяніе на болѣе умѣренныхъ консерваторовъ. Однимъ словомъ, общее настроеніе французской націи сильно измѣнилось, и только одинъ король съ небольшою группою ультра-роялистовъ оставался неизмѣнно вѣрнымъ принципамъ старины. Даже иностранные дворы не безъ тревоги смотрѣли на такое положеніе дѣлъ, опасаясь рѣзкаго конфликта, который могъ бы имѣть очень серьезныя послѣдствія. Конфликтъ, дѣйствительно, произошелъ, и въ концѣ іюля 1830 года знаменитые указы Карла X, нарушавшіе конституцію, вызвали народное возстаніе въ Парижѣ, кончившееся низложеніемъ Бурбоновъ и возведеніемъ на престолъ герцога Орлеанскаго, Людовика-Филиппа, о которомъ уже раньше значительная и притомъ вліятельная часть либераловъ мечтала, какъ о будущемъ королѣ французовъ. Этотъ важный политическій переворотъ воскресилъ въ другой, болѣе революціонной части либераловъ идею о томъ, что Франція должна снова выступить въ роли по-

мощницы другихъ народовъ въ ихъ стремленіяхъ къ свободѣ. Въ это время и монархическія правительства Европы опасались возобновленія революціонныхъ, бурь тѣмъ болѣе, что эти опасенія стали оправдываться...

3. Прошелъ мѣсяцъ послѣ іюльскихъ дней, и въ Брюсселѣ вспыхнуло народное возстаніе, которое быстро распространилось на всю Бельгію, обнаружившую стремленіе къ отдѣленію отъ Голландіи и къ образованію самостоятельнаго государства. Прошли еще двѣ недѣли, и революціонное движеніе началось въ Брауншвейгѣ, примѣру котораго послѣдовали и нѣкоторыя другія второстепенныя государства Германіи, каковы Кургессенъ, Саксонія, Ганноверъ, Альтенбургъ и Шварцбургъ-Зондерсгаузенъ. Въ томъ же 1830 г., именно въ концѣ ноября, аналогичныя событія произошли и въ конституціонномъ царствѣ Польскомъ, въ которомъ была своя національная армія, вступившая въ вооруженную борьбу съ военными силами Россіи. Въ Италіи 1830 годъ окончился спокойно, но уже въ самомъ началѣ слѣдующаго года въ разныхъ мѣстахъ стали совершаться революціонныя попытки, именно въ Папской области и въ герцогствахъ Моденѣ и Пармѣ. Впрочемъ въ Германіи и Италіи нарушенія порядка имѣли лишь мѣстный характеръ и очень скоро были прекращены: въ Германіи правительства перечисленныхъ государствъ поспѣшили удовлетворить желанія своихъ подданныхъ или, по крайней мѣрѣ, сдѣлать имъ либеральныя обѣщанія; а въ Италіи порядокъ опять былъ возстановленъ силою австрійскихъ войскъ. Иное направленіе приняли бельгійское и польское возстанія, такъ какъ и голландское и русское правительства не пошли на уступки, инсургенты же оказали сильное военное сопротивленіе. Начались двѣ настоящія войны, которыя долгое время прямо грозили общеевро-

пейскому миру, тѣмъ болѣе, что въ самой Франціи въ самые первые годы іюльской монархіи особеннымъ значеніемъ пользовалась такъ называемая „партія движенія“, желавшая, чтобы новое правительство, обязанное своимъ происхожденіемъ революціи, оказало помощь возстаніямъ въ другихъ странахъ.

4. Всѣ эти движенія имѣли своимъ результатомъ возстановленіе и закрѣпленіе пошатнувшагося—было Священнаго союза. При первомъ же извѣстіи объ іюльскомъ переворотѣ въ Парижѣ дворы Австріи, Пруссіи и Россіи сильно встревожились. Возникала уже мысль о такомъ же вмѣшательствѣ въ дѣла Франціи, какое было сдѣлано нѣсколькими годами ранѣе на Пиренейскомъ и Апеннинскомъ полуостровахъ. Бельгійская и польская революціи еще болѣе обезпокоили Священный союзъ, но въ то же время онѣ сдѣлали невозможнымъ вмѣшательство въ дѣла Франціи, тѣмъ болѣе, что Англія съ своей стороны и слышать не хотѣла о подобнаго рода предпріятіи. Кромѣ того, и польская революція,—которая была подавлена только въ концѣ лѣта 1831 г.—оказалась событіемъ весьма благопріятнымъ для стремленій Бельгіи, которыя притомъ были взяты подъ покровительство Франціи и Англіи. Такъ какъ ни та, ни другая не хотѣли допустить вмѣшательства въ дѣла страны, географически къ нимъ очень близкой, то Австрія, Пруссія и Россія должны были идти на уступки, и въ 1831 году Бельгія признана была самостоятельнымъ королевствомъ, которое вскорѣ даже получило весьма либеральную конституцію. Одновременно съ этимъ Европѣ пришлось улаживать и дѣла Греціи: эта страна тоже была превращена въ самостоятельное королевство съ либеральной конституціей. Зато царство Польское, потерпѣвшее неудачу, лишилось конституціи, дарованной ему въ 1815 г. Александромъ I.

Можно сказать, что только къ срединѣ 1832 года въ Европѣ установилось спокойствіе, которое было нарушено іюльской революціей и ея ближайшими послѣдствіями. Не разъ, въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ, европейскій миръ висѣлъ на волоскѣ, особенно пока во Франціи имѣла силу партія движенія. Мирному улаженію трудныхъ политическихъ вопросовъ немало содѣйствовало именно то обстоятельство, что во Франціи партію движенія смѣнила въ составѣ правительства „партія сопротивленія", желавшая лишь консолидировать то, что было пріобрѣтено революціей, не давая ей дальнѣйшаго развитія въ самой странѣ и распространенія за ея предѣлами.

Событія 1830 г. пробили первую брешь въ трактатахъ 1815 г. и вообще нанесли ударъ реакціоннымъ принципамъ эпохи конгрессовъ. Франція заставила признать за собою право располагать своею собственною судьбою. Бельгія сдѣлалась свободнымъ и нейтральнымъ государствомъ. Прибавимъ еще, что, по случаю итальянскихъ смутъ, Франція создала противовѣсъ прежнему исключительному преобладанію Австріи на Апеннинскомъ полуостровѣ, куда она послала свои войска съ заявленіемъ, что они останутся тамъ до тѣхъ поръ, пока австрійскіе отряды будутъ занимать усмиренные пункты Папской области.

Съ другой стороны, іюльская революція оживила конституціонное движеніе. Французская хартія 1814 года была передѣлана въ болѣе либеральномъ направленіи. Во второстепенныхъ нѣмецкихъ государствахъ тоже произошли конституціонныя измѣненія. Но особенное значеніе получило созданіе отличающейся своимъ либерализмомъ бельгійской конституціи, служившей впослѣдствіи образцомъ для конституцій иныхъ странъ, между прочимъ для Греціи, хотя въ послѣдней конституція

утвердилась только въ 1843 г. Во всякомъ случаѣ политическія движенія 1830 г. оказались болѣе успѣшными, чѣмъ тѣ, которыя происходили десятью годами раньше.

Послѣ перемѣны въ англійской политикѣ, имѣвшей мѣсто въ двадцатыхъ годахъ, и послѣ іюльской революціи во Франціи обѣ западныя великія державы болѣе сблизились въ своей политикѣ, тогда какъ, наоборотъ, три остальныя великія державы еще болѣе отъ нихъ отдѣлились, чтобы образовать свою особую группу, въ которой снова возобладали традиціи Священнаго союза. Въ 1833 году въ Теплицѣ и Мюнхенгрецѣ произошли знаменитыя свиданія государей Австріи, Пруссіи и Россіи, на которыхъ приняты были рѣшенія, напоминающія постановленія конгрессовъ начала двадцатыхъ годовъ. Свое соглашеніе Австрія, Пруссія и Россія скрѣпили еще новымъ свиданіемъ монарховъ въ Теплицѣ, гдѣ опять подтверждены были старые принципы политики Священнаго союза. Между прочимъ, три правительства заключили трактатъ, дававшій право каждому государю, угрожаемому внутренними смутами или внѣшними опасностями, искать помощи у трехъ названныхъ державъ. Вмѣстѣ съ этимъ рѣшено было дѣйствовать противъ странъ, дававшихъ у себя убѣжище революціонерамъ. Благодаря подобнымъ рѣшеніямъ, Австріи легко было снова подавить начинавшееся опять въ Германіи движеніе, несмотря на протесты со стороны правительствъ Англіи и Франціи, указывавшихъ на то, что вѣнскій конгрессъ гарантировалъ нѣмецкимъ государствамъ внутреннюю самостоятельность. Эти два правительства даже давали знать, что всякое вмѣшательство новаго союза абсолютныхъ монархій въ дѣла Бельгіи, Швейцаріи или Пьемонта будетъ отражено силою. Однако, европейскій миръ, которому нѣко-

торое время грозили революціи 1830 г. не былъ нарушенъ, несмотря на то, что и послѣ по временамъ на политическомъ горизонтѣ появлялись тучи. Вся задача внѣшней политики новаго французскаго короля заключалась въ томъ, чтобы по возможности сближаться съ монархическими дворами континента. Особенно рельефно это направленіе французской политики проявилось въ сороковыхъ годахъ, когда конституціонное министерство Людовика - Филиппа собиралось дѣйствовать заодно съ австрійской реакціей противъ демократическихъ движеній, обнаружившихся въ Италіи и въ Швейцаріи и въ извѣстной мѣрѣ поддерживавшихся революціоннымъ движеніемъ въ самой Франціи.

5. Разсмотрѣвъ вліяніе іюльской революціи на общеевропейскую политику, мы должны теперь остановиться на томъ значеніи, какое она имѣла въ исторіи борьбы либеральной торгово-промышленной буржуазіи съ консервативнымъ землевладѣльческимъ дворянствомъ и притомъ не въ одной только Франціи, но и въ Англіи, гдѣ подъ вліяніемъ іюльской революціи тоже произошло сильное политическое движеніе, одно время грозившее настоящей революціей, но окончившееся легальной парламентской реформой 1832 года. Упоминаемъ здѣсь объ этомъ обстоятельствѣ, чтобы отмѣтить еще и то вліяніе, какое іюльская революція оказала даже на Англію съ ея старою испытанною конституціей, обезпечивавшею за націей самую широкую политическую свободу. Именно, исторія парламентской реформы 1832 года показываетъ, что іюльская революція, если, конечно, не вызвала ее, то въ значительной мѣрѣ все-таки ускорила.

VII. Господство буржуазіи въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ XIX вѣка [1]).

1. Значеніе іюльской революціи и парламентской реформы 1832 г. въ исторіи французской и англійской буржуазіи.—2. Выгоды, извлеченныя изъ побѣды англійской буржуазіей. — 3. Господствующее положеніе, занятое буржуазіей во Франціи. — 4. Требованія оппозиціи во Франціи.—5. Буржуазія въ другихъ странахъ.

---

1. Іюльская революція во Франціи и парламентская реформа въ Англіи повели въ началѣ тридцатыхъ годовъ къ усиленію въ обѣихъ странахъ буржуазіи. Подъ политическою борьбою предыдущаго періода скрывалась борьба соціальная—между двумя общественными классами, изъ которыхъ экономическая опора одного заключалась въ землевладѣніи, экономическая опора другого—въ промышленности и торговлѣ. И во Франціи, и въ Англіи побѣда, собственно говоря, была одержана буржуазіей, лишь благодаря содѣйствію народа, но плодами побѣды воспользовалась главнымъ образомъ одна буржуазія, настоящее царство которой, особенно во Франціи, и наступаетъ послѣ 1830 года.

Однимъ изъ результатовъ іюльской революціи было пониженіе во Франціи избирательнаго ценза, вслѣдствіе чего число избирателей увеличилось съ девяноста тысячъ

---

[1]) Исторія Западной Европы въ новое время, томъ V, гл. 5 (Торжество буржуазіи послѣ 1830 г.) и начало гл. 19 (о французской буржуазіи сороковыхъ годовъ), а также гл. 12 (Французскій либерализмъ временъ іюльской монархіи).

— Для элементарныхъ фактическихъ справокъ „Учебная книга новой исторіи“: § 294. Іюльская монархія.—§ 295. Личность Людовика-Филиппа.—§ 296. Господство буржуазіи.

до двухсотъ тысячъ, т.-е. болѣе, чѣмъ вдвое, что, конечно, все-таки было мало для націи, насчитывавшей тогда 30 милліоновъ. Аналогичный результатъ для Англіи имѣла парламентская реформа 1832 года. Дѣло въ томъ, что избирательная система въ этой странѣ создалась еще въ средніе вѣка, и правомъ посылать представителей въ парламентъ продолжали пользоваться разныя захудалыя мѣстности, тогда какъ многіе новые города съ развитою промышленностью и торговлею этого права не имѣли. Поэтому очень значительное число капиталистовъ лишено было возможности имѣть своихъ представителей въ палатѣ депутатовъ. Первая мысль о реформѣ избирательнаго права возникла еще въ началѣ послѣдней трети XVIII в. (1770 г.) но всѣ предложенія, дѣлавшіяся въ этомъ смыслѣ парламенту, сокрушались о сопротивленіе тѣхъ, кому старая система была выгодна. Подъ вліяніемъ реакціи, охватившей правящіе классы англійскаго общества, движеніе въ пользу реформы даже заглохло, а когда возродилось, то въ ея пользу стала агитировать демократическая партія, находившая сильную поддержку въ народныхъ массахъ. Само преобразованіе 1832 г. было, однако, далеко не демократическимъ. До этого всѣхъ избирателей было около четырехсотъ сорока тысячъ, теперь ихъ число возросло тысячъ на двѣсти двадцать, то-есть только въ полтора раза. При этомъ выборы въ парламентѣ по-прежнему обходились очень дорого, и это открывало двери въ палату только весьма богатымъ людямъ.

Во всякомъ случаѣ, впрочемъ, общій характеръ политики въ обѣихъ странахъ сдѣлался болѣе либеральнымъ. И во Франціи, и въ Англіи въ представительныхъ палатахъ громадное большинство депутатовъ дѣлилось на двѣ большія партіи—консервативную и либеральную (торіи и виги въ Англіи), но при этомъ почти не было ни представи-

телей крайней реакціи, ни сторонниковъ демократіи. Особенно полно было пораженіе прежнихъ реакціонеровъ во Франціи, гдѣ и вообще торжество буржуазіи было особенно безраздѣльно. Если въ обѣихъ странахъ въ эту эпоху и были очень сильны демократическія движенія, то они совершались въ самомъ обществѣ и имѣли чисто оппозиціонный характеръ по отношенію къ представительнымъ палатамъ. Въ этихъ послѣднихъ шла борьба между болѣе консервативными и болѣе прогрессивными элементами, но большею частью она не выходила за предѣлы извѣстнаго круга понятій, вопросовъ и требованій, которые спеціально интересовали буржуазію.

2. Побѣда, одержанная этимъ классомъ въ 1830 и 1832 годахъ, дала ему возможность пользоваться властью главнымъ образомъ въ своихъ интересахъ. Къ числу таковыхъ принадлежала безпрепятственная эксплуатація труда капиталомъ, что вело къ требованію невмѣшательства государства во взаимныя отношенія предпринимателей и рабочихъ. Эта идея была весьма популярна въ буржуазіи: она развивалась въ литературѣ, проповѣдовалась съ каѳедръ и даже дала начало цѣлому направленію политической экономіи, которое получило названіе манчестерства. Въ интересахъ англійской крупной промышленности было также освободить торговлю отъ старыхъ стѣсненій, и начавшаяся около 1820 года агитація въ этомъ направленіи къ серединѣ XIX вѣка увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Промышленнымъ предпринимателямъ Англіи выгоденъ былъ также дешевый хлѣбъ, и потому они вели дѣятельную агитацію въ пользу отмѣны такъ называемыхъ хлѣбныхъ законовъ, которые были изданы въ предыдущій періодъ парламентомъ въ интересахъ землевладѣльцевъ и сельскихъ хозяевъ. Сущность этихъ

законовъ состояла въ томъ, чтобы путемъ ограниченія и даже запрещенія иностраннаго ввоза держать всегда на высокомъ уровнѣ цѣны хлѣба, производившагося въ самой странѣ, въ исключительныхъ выгодахъ лэндлордовъ. Борьба изъ-за хлѣбныхъ законовъ была продолжительной и упорной, и только въ 1846 году сопротивленіе ихъ защитниковъ было окончательно сломлено.

Не всегда. однако, буржуазія выходила побѣдительницею изъ этой борьбы. Выгодный для нея старый законъ о бѣдныхъ, возлагавшій на землевладѣльцевъ прихода обязанность доплачивать бѣднякамъ то, чего имъ не хватало для своего содержанія при низкой заработной платѣ [1]), былъ отмѣненъ въ 1834 году, тѣмъ болѣе, съ другой стороны, что законъ этотъ самъ представлялъ собою одну изъ формъ вмѣшательства въ экономическую жизнь. Наконецъ, только благодаря содѣйствію представителей землевладѣнія и сельскаго хозяйства, которые нисколько не были заинтересованы въ фабричной промышленности и, наоборотъ, не прочь были нанести ущербъ торгово-промышленному классу, Англія получила начатки фабричнаго законодательства, цѣлью котораго было огражденіе труда отъ черезмѣрной эксплуатаціи со стороны капитала. Это показываетъ, что побѣда промышленно-торговой буржуазіи въ Англіи далеко не была полной и что отъ антагонизма обоихъ владѣльческихъ классовъ происходила даже нѣкоторая выгода для рабочихъ.

3. Иное дѣло — Франція тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Здѣсь господство буржуазіи въ политической жизни было полнымъ и не находило противовѣса со стороны того общественнаго класса, который игралъ

[1]) См. выше, стр. 33.

еще такую видную роль въ двадцатыхъ годахъ, будучи главною опорою тогдашней реакціи. Манчестерство сдѣлалось въ высшей степени популярнымъ и во Франціи, породивъ цѣлую школу буржуазныхъ экономистовъ и въ литературѣ, и въ преподаваніи. Въ тридцатыхъ годахъ господствующему классу еще приходилось отстаивать себя отъ натиска со стороны демократіи, но въ сороковыхъ годахъ установился въ странѣ прочный порядокъ, въ основѣ котораго лежало полное единодушіе короля, министровъ и подавляющаго большинства палатъ, которыя передъ 1848 годомъ представляли уже до двухсотъ сорока тысячъ избирателей. Самъ король-гражданинъ Людовикъ-Филиппъ былъ типичнымъ воплощеніемъ буржуазнаго начала и по характеру своему, и по образу дѣйствій, обнаруживавшему въ немъ большую любостяжательность. Іюльская монархія была во Франціи эпохой стремленія къ обогащенію и наживѣ, эпохой денежныхъ спекуляцій и общей продажности, принявшихъ къ концу періода скандальные размѣры. Всѣмъ въ это время верховодилъ высшій слой буржуазіи, т.-е банкиры, биржевые дѣльцы, желѣзнодорожные воротилы, владѣльцы каменно-угольныхъ копей и мѣстъ добыванія разныхъ рудъ, располагавшіе громадными денежными средствами и умѣвшіе разными путями еще болѣе ихъ увеличивать. Правда, въ палатахъ они встрѣчали противъ себя оппозицію со стороны представителей средней торгово-промышленной буржуазіи, но и она отличалась такою же алчностью и равнымъ образомъ тоже очень мало думала объ интересахъ народа. При такомъ направленіи господствующаго класса, весьма естественно, подкупъ избирателей и депутатовъ вошелъ въ систему: обѣщались и раздавались мѣста на государственной службѣ, казенные подряды, выгодныя концессіи и другія блага,

которыми пользовались отдѣльныя лица и цѣлыя группы избирателей. Нерѣдко подобные пріемы доходили до прямыхъ нарушеній уголовнаго кодекса, и не разъ въ мошенническихъ продѣлкахъ обвинялись даже государственные сановники. Нѣкоторыя предпріятія этой эпохи давали особую возможность широко обогащаться на казенный счетъ. Такова была, напримѣръ, постройка парижскихъ фортификацій, стоившая государству громадной суммы денегъ. Болѣе всего, однако, обогащались на желѣзныхъ дорогахъ и на выпускѣ займовъ. При іюльской монархіи во Франціи была построена первая сѣть желѣзныхъ дорогъ, причемъ за это дѣло брались акціонерныя компаніи подъ правительственной гарантіей: рискъ дорого стоющаго и сложнаго дѣла брало на себя государство, а всѣ барыши попадали въ карманы предпринимателей. Займы, къ которымъ вынуждено было прибѣгать государство, тоже заключались на условіяхъ, въ высшей степени выгодныхъ для финансистовъ, наживавшихъ каждый разъ большія деньги на операціяхъ этого рода.

4. Разъ палаты были представительствомъ почти исключительно одной буржуазіи, заботившейся только о себѣ, ихъ законодательная дѣятельность не могла имѣть особенно большого значенія. Въ нихъ происходили постоянные словесные турниры, особенно по вопросамъ внѣшней политики, которая часто давала поводъ къ критикѣ правительственныхъ дѣйствій, по внутреннимъ же вопросамъ иногда не было даже хотя бы и безплодныхъ премій, такъ какъ наиболѣе живые вопросы совсѣмъ не ставились на очередь. Нужно отдать справедливость парламентской оппозиціи того времени, которая во всякомъ случаѣ отличалась большою смѣлостью, но настоящее дѣло дѣлала все-таки больше печать, пользовав-

шаяся тогда очень широкою свободою. Главныя требованія оппозиціи сводились къ сокращенію числа депутатовъ изъ чиновниковъ и къ пониженію избирательнаго ценза, что на языкѣ того времени называлось реформой парламента и реформой выборовъ. Буржуазія очень боялась что-либо уступить въ послѣднемъ отношеніи, такъ какъ относилась съ недовѣріемъ къ городской демократіи съ ея революціоннымъ духомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сильно опасалась распространенія избирательныхъ правъ на широкіе круги сельскихъ жителей, которые стали-бы посылать въ палату главнымъ образомъ священниковъ и дворянъ-землевладѣльцевъ. Вотъ почему даже самыя умѣренныя предложенія отвергались господствующимъ большинствомъ, хотя среди самой же буржуазіи были, съ другой стороны, болѣе дальновидные люди, находившіе реформу необходимою прямо во избѣжаніе революціи, которая могла бы повести къ самымъ нежелательнымъ для владычества буржуазіи послѣдствіямъ. Любопытно, что реформы не желали и легитимисты, полагавшіе, что она только упрочила бы ненавистный имъ режимъ, который они страстно хотѣли свалить. Неуступчивость буржуазіи по вопросу о реформѣ объясняется и тѣмъ, что сороковые годы, по сравненіи съ тридцатыми, были очень спокойны, и потому революція казалась невозможной громадному большинству господствующаго класса.

5. Такого положенія, какимъ буржуазія пользовалась въ Англіи и во Франціи, изъ другихъ странъ она достигла только въ Голландіи и Бельгіи. Голландія была давнишнею страною развитой промышленности и торговли, а Бельгія начала особенно развиваться въ экономическомъ отношеніи послѣ революціи, которая доставила ей политическую самостоятельность. Въ остальныхъ

странахъ Западной Европы усиленію буржуазіи сильно мѣшала господствовавшая въ нихъ реакція. Старыя формы жизни, искусственная поддержка сословныхъ привилегій дворянства, систематическая задержка всякаго внутренняго развитія были причиною того, что, напримѣръ, промышленность и торговля въ Германіи продолжали стоять на сравнительно низкой ступени. Въ частности экономическому развитію Германіи много мѣшало существованіе таможенъ между отдѣльными государствами, стѣснявшихъ торговый обмѣнъ, а слѣдовательно и производство; конечно, и здѣсь, однако, было свое среднее сословіе, которое не безъ зависти смотрѣло на то, что дѣлалось у болѣе богатыхъ и культурныхъ сосѣдей. Только въ Германіи еще не выработалось той рѣзкой противоположности между буржуазіей и пролетаріатомъ, какая характеризуетъ въ тридцатые и сороковые годы въ особенности Францію.

IX. Демократическія движенія тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ XIX вѣка [1]).

1. Буржуазія, крестьяне и рабочіе. — 2. Происхожденіе демократическихъ движеній XIX в. — 3. Политическая и соціальная стороны демократическаго движенія во Франціи временъ іюльской монархіи.— 4. Чартистское движеніе въ Англіи. — 5. Демократическія движенія въ другихъ странахъ и „Молодая Европа“.

---

1. Подобно тому, какъ эпоха реставраціи была временемъ буржуазной оппозиціи противъ аристократической реакціи, эпоха іюльской монархіи является временемъ

---

[1]) Исторія Западной Европы въ новое время, томъ V, гл. 9 (Общій очеркъ политическихъ, соціальныхъ и національныхъ движеній

возникновенія и развитія демократической оппозиціи противъ самой буржуазіи, причемъ главную силу этой оппозиціи составляли городскіе рабочіе и мелкая буржуазія. Въ тѣ времена, когда среднему сословію приходилось только завоевывать свободу и равенство, оно во многихъ отношеніяхъ само выдвигало демократическія требованія, особенно если послѣднія не задѣвали его собственныхъ интересовъ. Принципъ личной свободы, изъ котораго вытекали всѣ остальныя требованія либерализма, прежде всего былъ враждебенъ крѣпостничеству и всякимъ вообще остаткамъ соціальнаго феодализма. И въ 1789 г. во Франціи, и въ 1848 г. въ Германіи борьба за политическую свободу шла рука объ руку съ борьбою за освобожденіе личности и имущества крестьянина отъ крѣпостной зависимости и отъ феодальныхъ узъ. Въ обоихъ случаяхъ либеральной буржуазіи въ ея политическихъ стремленіяхъ очень сильную помощь оказывала сама крестьянская масса, то же возстававшая противъ старыхъ порядковъ. Когда, однако, ея желанія оказывались болѣе или менѣе удовлетворенными, она отставала отъ движенія и все болѣе и болѣе дѣлалась силою консервативною, на которую потомъ съ большимъ удобствомъ и опиралась политическая реакція. Въ культурномъ отношеніи крестьянская масса сама находилась подъ сильнымъ вліяніемъ консервативныхъ элементовъ общества, вслѣдствіе чего, напримѣръ, французскіе либералы, какъ было сказано, очень опасались расширенія избирательныхъ правъ на деревню, такъ какъ это могло бы быть вы-

---

въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ), гл. 11 (Чартистское движеніе въ Англіи), гл. 14 (Идеи и настроеніе французской демократіи временъ іюльской монархіи) и гл. 15 (Нѣмецкій литературный и философскій радикализмъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ).

годно только для духовенства и дворянства, пользовавшихся большимъ вліяніемъ среди крестьянъ. Мы видѣли также, съ какимъ недовѣріемъ еще въ эпоху реставраціи относились либералы и къ городскимъ рабочимъ, въ которыхъ видѣли людей, способныхъ поддерживать только революціонную или военную диктатуру. Когда буржуазія сама достигала власти, она ни съ кѣмъ болѣе не хотѣла ею дѣлиться, опасаясь за свое классовое господство и въ политическомъ, и въ экономическомъ отношеніяхъ. Она отстаивала и доктрину невмѣшательства государства во взаимныя отношенія предпринимателей и рабочихъ, такъ какъ только съ этой точки зрѣнія имѣла нѣкоторую возможность защищать себя отъ болѣе демократической экономической политики государства.

2. Консерватизму сельскихъ жителей далеко не соотвѣтствовалъ тотъ неспокойный духъ, который господствовалъ среди городского населенія. Годы, о которыхъ теперь идетъ рѣчь, были временемъ развитія крупной промышленности и параллельнаго съ нимъ умноженія пролетаріата со всѣми послѣдствіями этихъ двухъ явленій, порождавшими массу недовольства въ рабочемъ классѣ. Съ другой стороны, и сравнительно недалекое прошлое демократической революціи конца предыдущаго столѣтія не было еще забыто, и то, что́ не удалось въ 1793 г., могло казаться возможнымъ и близкимъ къ осуществленію въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ. Таково было происхожденіе демократическихъ движеній временъ іюльской монархіи,—движеній, въ которыхъ ясно различаются два главныя направленія: одно чисто политическое, не идущее далѣе государственной реформы въ болѣе или менѣе радикально-демократическомъ смыслѣ; другое, наоборотъ, соціальное, ставившее своею задачею преобразованіе всего общественнаго строя на совершенно

новыхъ экономическихъ основахъ. Эти два направленія развивались или совершенно независимо другъ отъ друга или, напротивъ того, такъ или иначе между собою соединялись. Во всякомъ случаѣ это были движенія, направленныя противъ господства буржуазіи, противъ того положенія, какое та заняла въ передовыхъ государствахъ Запада послѣ 1830 года.

Исторія демократическихъ партій, дѣйствовавшихъ въ XIX в. въ Западной Европѣ, начинается, собственно говоря, со времени двухъ великихъ демократическихъ революцій—американской 1776 г. и французской 1789 г. Извѣстно, что первая изъ нихъ не осталась безъ нѣкотораго вліянія на вторую и что, въ свою очередь вторая вызвала довольно замѣтное демократическое движеніе въ Англіи, страшно напугавшее правящіе классы въ этой странѣ. Прежнія англійскія политическія партіи торіевъ и виговъ были одинаково партіями правящихъ классовъ, одна болѣе консервативная, другая болѣе либеральная, но обѣ одинаково далекія отъ какого бы то ни было демократизма. Теперь въ Англіи зарождается и демократическая партія, которая выходитъ уже за предѣлы того круга понятій и интересовъ, въ какомъ вращались торіи и виги. Правда, англійская демократическая партія строила свои притязанія не на метафизическомъ принципѣ „естественнаго права“ XVIII в., а на принципѣ наибольшаго благополучія, наибольшаго числа людей, какъ единственной правильной основѣ законодательства, однако, практическія требованія англійской и французской демократіи между собою вполнѣ сходились. И здѣсь, и тамъ желали распространенія политическихъ правъ на весь народъ; и здѣсь, и тамъ одинаково стремились къ тому, чтобы законодательство болѣе непосредственно заботилось объ интересахъ громаднаго боль-

шинства гражданъ, составляющихъ такъ называемые низшіе классы общества. Парламентская реформа 1832 года въ Англіи получила, какъ мы знаемъ, характеръ буржуазный, но проведенію ея весьма много содѣйствовали чисто народныя движенія подъ знаменемъ демократической программы. Народное же движеніе низвергло также и старшую линію Бурбоновъ во Франціи, причемъ и здѣсь обнаружились въ нѣкоторой части парижскаго населенія республиканскія стремленія съ чисто демократическими требованіями. Но ни во Франціи, ни въ Англіи демократія ничего не выиграла отъ совершившихся перемѣнъ, чѣмъ и объясняется разочарованіе очень многихъ элементовъ общества въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ и іюльской революціей и парламентской реформой. Начавшееся движеніе и во Франціи, и въ Англіи остановиться не могло, что и выразилось въ цѣломъ рядѣ громкихъ фактовъ политической борьбы демократической оппозиціи съ господствомъ буржуазіи въ эпоху іюльской монархіи. Не нужно думать, что до начала тридцатыхъ годовъ совсѣмъ не происходило демократическихъ движеній. Наоборотъ, какъ мы видѣли, они совершались и раньше, но несомнѣнно, что послѣ 1830 г. они значительно усилились, а кромѣ того, въ нихъ произошли и двѣ важныя перемѣны. Одна изъ нихъ заключалась въ обособленіи демократическихъ движеній отъ движеній буржуазныхъ, съ которыми они раньше были слиты воедино. Правда, въ Германіи, гдѣ еще сохранялись старыя сословныя привилегіи, буржуазные и народные элементы продолжали дѣйствовать сообща, но даже и здѣсь къ концу періода стали обнаруживаться нѣкоторые признаки самостоятельнаго выступленія демократіи. Другая перемѣна состояла въ томъ, что политическая программа демократіи стала осложняться требованіями

чисто соціальнаго характера, что̀ равнымъ образомъ къ концу періода обнаруживалось уже и въ Германіи. Въ этой послѣдней странѣ, гдѣ еще далеко не началось преобразованіе государства на либеральныхъ началахъ и далеко не было завершено раскрѣпощеніе крестьянской массы, уже подготовлялись такимъ образомъ явленія, которыя во Франціи и Англіи, напротивъ, достигли уже значительнаго развитія.

3. Во Франціи среди побѣдителей 1830 года съ самыхъ же первыхъ дней послѣ побѣды образовались, какъ было упомянуто, двѣ большія партіи, изъ которыхъ одна требовала дальнѣйшаго развитія движенія, а другая находила нужнымъ оказывать этому требованію самое упорное сопротивленіе. Въ концѣ концовъ, перевѣсъ оказался на сторонѣ второй партіи, и тогда оппозиціонные элементы начали организоваться подъ знаменемъ республиканскихъ идей. Іюльская революція была объявлена недостигшею своей цѣли, и новое политическое преобразованіе Франціи должно было совершиться на основаніи всеобщаго избирательнаго права по примѣру конституціи 1793 года. Однако, уже въ 1832 году среди французскихъ республиканцевъ произошелъ знаменательный расколъ. Въ то время, какъ одни въ демократическомъ строѣ видѣли конечную цѣль своихъ стремленій и не желали никакихъ измѣненій въ самомъ устройствѣ общества, для другихъ демократическая республика должна была служить лишь средствомъ—въ достиженіи дальнѣйшей цѣли, заключавшейся въ соціальномъ переворотѣ. На сторонѣ строго политической демократіи стояли преимущественно буржуазные элементы республиканской партіи, мечтавшіе, къ тому же, добиться осуществленія своей программы путемъ мирной пропаганды въ печати. Что касается до соціальной демократіи, то она вербовала своихъ сторон-

никовъ главнымъ образомъ среди ремесленниковъ и отчасти фабричныхъ рабочихъ. Эти же общественные классы составляли и главную силу, которую стремились поднять организаторы тайныхъ обществъ, заговоровъ и возстаній, стремившіеся къ установленію революціонной диктатуры для осуществленія своихъ окончательныхъ цѣлей. Исторія тридцатыхъ годовъ наполнена цѣлымъ рядомъ попытокъ подобнаго рода, параллельно съ которыми шли многочисленныя покушенія на жизнь короля. Послѣдняя революціонная попытка сдѣлана была, однако, въ 1839 г., и затѣмъ республиканская партія болѣе не повторяла подобныхъ попытокъ. Зато въ сороковыхъ годахъ произошла новая важная перемѣна, оказавшая большое вліяніе на революцію 1848 года.

Мы еще подробнѣе остановимся на томъ важномъ фактѣ, что первые соціальные реформаторы во Франціи, предлагавшіе планы коренного переустройства общества, стояли очень далеко отъ политики и, во всякомъ случаѣ, не только не возлагали на революцію какихъ-нибудь надеждъ, но даже выступили принципіальными ея противниками. Другими словами, ранній французскій соціализмъ не былъ ни политическимъ вообще, ни революціоннымъ въ частности. Въ сороковыхъ годахъ чисто политическое движеніе безъ строго соціальной программы и исключительно соціальное движеніе безъ какой бы то ни было политической окраски начали между собою сближаться, и результатомъ этого было объединеніе ихъ въ одно общее движеніе, ставившее себѣ и политическія, и соціальныя цѣли. Что раньше этого народныя возстанія могли происходить на одной политической почвѣ или на одной почвѣ соціальной, доказательствомъ этому могутъ служить, съ одной стороны, іюльскіе дни 1830 г., на которыхъ не сказалось никакого вліянія соціалистической

пропаганды, а съ другой—знаменитое ліонское возстаніе 1831 г., возникшее на почвѣ борьбы капитала съ трудомъ и неимѣвшее рѣшительно никакой политической подкладки. Въ началѣ сороковыхъ годовъ объединеніе политическихъ соціальныхъ стремленій сдѣлало настолько явные успѣхи, что одинъ дальновидный нѣмецъ, Лоренцъ фонъ-Штейнъ, самымъ рѣшительнымъ образомъ предсказывалъ, какой характеръ будетъ имѣть во Франціи новая революція: именно онъ говорилъ, что она уже не можетъ быть только политической, что она непремѣнно будетъ и соціальной.

Общее демократическое движеніе тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ отразилось во Франціи и на духовной культурѣ въ такихъ областяхъ, какъ публицистика и исторіографія, философія и даже изящная литература, гдѣ возникъ особый родъ такъ называемаго соціальнаго романа. Одна изъ особенностей тогдашняго демократическаго движенія, какъ политическаго, такъ и соціальнаго направленія, заключалась въ его рѣзко анти-индивидуалистическомъ характерѣ. Недовѣріе къ принципу свободы частныхъ соглашеній въ области промышленности было перенесено вообще на принципъ индивидуальной свободы, который и объявлялся вслѣдствіе этого анти-соціальнымъ и буржуазнымъ, требующимъ безпощаднаго искорененія. Началъ, на основаніи которыхъ можно было бы построить новое демократическое государство и общество, одни искали въ своеобразно понятомъ христіанствѣ или вѣрнѣе католицизмѣ, другіе же обращали свои взоры, въ поискахъ за этими началами, къ эпохѣ французской революціи и останавливались на якобинизмѣ, традиціи котораго съ особою силою и начали оживать во французской демократіи временъ іюльской монархіи [1]).

[1]) Это оправдывало тѣ пессимистическія предсказанія о судьбѣ свободы во Франціи, которыя дѣлалъ Токвиль (см. выше 76), разъ

4. Въ Англіи, странѣ давнишней индивидуальной свободы, гдѣ этотъ принципъ пустилъ глубокіе корни въ жизнь, демократическое движеніе тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ не имѣло подобнаго анти-индивидуалистическаго характера, но въ остальномъ сходство съ тѣмъ, что происходило во Франціи, было большое. Сначала и здѣсь области политики и соціальной реформы были рѣзко отдѣлены одна отъ другой, и каждое движеніе шло особнякомъ, но къ концу тридцатыхъ годовъ между ними, какъ и во Франціи около этого же времени, произошло объединеніе. Ранній англійскій соціализмъ не былъ ни политическимъ, ни революціоннымъ, и въ началѣ тридцатыхъ годовъ на практикѣ выражался только въ смыслѣ организаціи рабочихъ союзовъ въ цѣляхъ огражденія экономическихъ интересовъ труда. Это было совершенно мирное движеніе, стоявшее въ сторонѣ отъ какого бы то ни было вмѣшательства въ политическую жизнь, а параллельно съ нимъ развивалось другое движеніе, чисто политическое, которое передъ 1832 г. содѣйствовало парламентской реформѣ, а потомъ, не удовлетворенное тѣмъ, какъ реформа была проведена, стремилось къ болѣе радикальному преобразованію. Къ концу тридцатыхъ годовъ англійскимъ политическимъ радикаламъ удалось распространить въ широкихъ кругахъ рабочихъ мысль, что они никогда не съумѣютъ улучшить свое матеріальное положеніе, пока не добьются собственнаго представительства въ парламентѣ. Изъ происшедшаго тогда объединенія политическихъ требованій радикаловъ съ соціальными стремленіями народныхъ массъ и возникло то могучее демократическое движеніе въ Англіи,

---

индивидуальная свобода объявлялась въ наиболѣе демократическихъ ученіяхъ за главный источникъ всякаго соціальнаго зла.

которое извѣстно подъ названіемъ чартизма. Такъ именно стало называться это движеніе по „народной хартіи“, заключавшей въ себѣ требованія всеобщей подачи голосовъ, ежегоднаго производства выборовъ въ парламентъ, установленія денежнаго вознагражденія членамъ парламента во время исполненія ими своихъ обязанностей и т. п. Въ 1839 г. въ смыслѣ этихъ требованій парламенту была представлена петиція съ громаднымъ количествомъ подписей, но уже въ 1838 г. происходили въ большихъ городахъ Англіи грандіозныя народныя манифестаціи, которыя должны были показать, какія силы стоятъ на сторонѣ народной хартіи. Это движеніе заставляло о себѣ много говорить и въ сороковыхъ годахъ, но къ концу этого періода оно стало падать. Въ данномъ случаѣ въ Англіи наблюдается то же явленіе, съ какимъ мы встрѣчаемся и въ исторіи демократическихъ попытокъ, дѣлавшихся въ ту же самую эпоху во Франціи. Чартизмъ очень скоро раздробился на нѣсколько несогласныхъ между собою и даже враждебныхъ одно другому направленій. Одни стояли за мирную реформу при помощи исключительно моральнаго воздѣйствія, другіе полагались только на физическую силу и выступали, слѣдовательно, съ чисто революціонною проповѣдью. Въ самомъ составѣ чартистовъ мы находимъ, кромѣ рабочаго пролетаріата, и радикальную часть мелкой буржуазіи, которая добивалась исключительно одной политической реформы, да далеко и не весь рабочій пролетаріатъ, добивавшійся чисто экономическихъ перемѣнъ въ родѣ нормировки рабочаго времени, былъ тоже на сторонѣ чартизма, такъ какъ рабочіе, принимавшіе участіе въ профессіональныхъ союзахъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ держались далеко отъ всей этой агитаціи. Имущіе классы встрѣтили сначала чартистское движеніе насмѣшками,

но когда оно приняло болѣе бурный характеръ, его стали опасаться, и даже либеральная пресса стала высказываться о чартизмѣ съ крайнимъ раздраженіемъ. Правительство не рѣшалось запрещать митинги, какъ того требовали многіе въ правящихъ классахъ, но зато наиболѣе крайніе агитаторы сажались въ тюрьмы (какъ это происходило и во Франціи съ разными дѣятелями демократической партіи). Чартизмъ не достигъ своей цѣли, но зато страшно взволновалъ народныя массы въ Англіи и между прочимъ отразился на ея духовной культурѣ, породивъ цѣлую литературу, а также оказавъ сильное содѣйствіе развитію дешевой періодической прессы для народа. Послѣдняя вспышка чартизма относится къ веснѣ 1848 г. и, хотя чартистская организація продолжала еще существовать въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, въ народѣ она уже не имѣла никакого вліянія и въ 1854 г. окончательно закрылась.

5. Менѣе значительныя демократическія движенія происходили въ разсматриваемую эпоху и въ другихъ странахъ, особенно въ Германіи, въ Швейцаріи и въ Италіи, причемъ тамошніе демократы брали себѣ за образецъ для подражанія преимущественно французскихъ республиканцевъ, тѣмъ болѣе, что Парижъ въ эпоху іюльской монархіи былъ однимъ изъ центровъ, куда направлялись многочисленные политическіе эмигранты нѣмецкой, итальянской, польской и др. національностей. Немалое количество и французскихъ политическихъ выходцевъ искало убѣжища въ Швейцаріи и въ Бельгіи, гдѣ Цюрихъ и Брюссель были точно такъ же, центрами разноплеменной эмиграціи, поддерживавшей мѣстныхъ демократовъ. Наконецъ, съ середины сороковыхъ годовъ мѣстомъ встрѣчи демократовъ разныхъ національностей сдѣлался и Лондонъ, откуда передъ революціей 1848 года,

тоже шла поддержка демократическимъ движеніямъ на континентѣ.

Нѣмецкіе демократы уже въ началѣ тридцатыхъ годовъ не только проповѣдовали необходимость обще-германскаго парламента, но даже высказывали мысль о превращеніи всей Европы въ единую федеративную республику. Въ это время оживилась дѣятельность революціонныхъ обществъ, и въ 1833 г. даже было сдѣлано во Франкфуртѣ на Майнѣ покушеніе на союзный сеймъ. Такъ какъ противъ этого демократическаго движенія были приняты суровыя мѣры, то сторонникамъ этого движенія приходилось въ большомъ числѣ эмигрировать за границу, гдѣ они входили въ сношенія съ демократами другихъ странъ и воспринимали ихъ воззрѣнія на задачи всего движенія. Между прочимъ, и среди нѣмецкихъ революціонеровъ уже въ 1833 г. стало намѣчаться раздѣленіе на политическихъ и соціальныхъ демократовъ. Конечно, ближе всего выходцамъ изъ Германіи было переселяться въ сосѣднюю Швейцарію, въ которой въ 1830 и 1831 годахъ въ одиннадцати кантонахъ совершились конституціонныя измѣненія въ демократическомъ направленіи и пропагандировалась идея переустройства всего союза на демократическихъ же началахъ. Иностранные эмигранты находили въ Швейцаріи столь сочувственный пріемъ, и имъ воспользовалось такое большое количество политическихъ выходцевъ изъ одной Германіи, что нѣмецкія правительства поставили на очередь вопросъ о выдачѣ бѣглецовъ и лишеніи швейцарцевъ права давать убѣжище революціонерамъ. Кромѣ нѣмцевъ, послѣднимъ пользовались еще итальянцы, среди которыхъ дѣятельность тайныхъ обществъ не только не прекратилась, но скорѣе даже усилилась. Правда, старый карбонаризмъ пришелъ въ упадокъ, но зато возникла и усили-

лась организація „Молодой Италіи“, основатель которой Мадзини стремился къ республикѣ, хотя и соглашался на демократическую монархію, если бы ея пожелалъ самъ народъ и лишь бы только она не препятствовала республиканской пропагандѣ. И въ планъ Мадзини тоже входило превращеніе всей Европы въ федерацію національныхъ республикъ. Мало того: по образцу „Молодой Италіи“ начали организоваться и другія подобныя общества. Польская революція 1830 года, послѣ своей неудачи, выбросила на Западъ громадное количество эмигрантовъ, вездѣ встрѣчавшихъ сочувственный пріемъ въ демократическихъ кругахъ, и очень скоро въ польской эмиграціи образовалось особое демократическое направленіе, въ которомъ и возникла партія „Молодой Польши“. Образовались также „Молодая Германія“, „Молодая Швейцарія“, „Молодая Франція“, „Молодая Испанія“, „Молодая Ирландія“, которыя всѣ вмѣстѣ должны были составлять „Молодую Европу“. Англійскіе чартисты тоже сочувственно относились къ стремленіямъ „Молодой Европы“, такъ что демократическое движеніе все болѣе и болѣе получало международный характеръ, хотя въ каждой странѣ и ставило себѣ особыя задачи. „Молодая Италія“ и всѣ организаціи, возникшія по ея образцу, были по преимуществу союзами національно-политическаго характера, но къ концу періода стало подготовляться объединеніе подъ однимъ знаменемъ и тѣхъ разноплеменныхъ демократовъ, которые ставили себѣ и соціальныя цѣли.

X. Соціальныя ученія первой половины XIX вѣка [1]).

1. Происхожденіе термина „соціализмъ“.—2. Недовѣріе раннихъ соціальныхъ реформаторовъ къ либерализму и къ экономистамъ.—3. Серьезная и утопическая сторона ихъ теорій.—4. Вліяніе ихъ на современную жизнь.—5. Французскій соціализмъ и коммунизмъ эпохи іюльской монархіи.—6. Нѣмецкій соціализмъ.—7. Международный характеръ новыхъ стремленій.

1. Одновременно съ либерализмомъ, подъ знаменемъ идей котораго шла буржуазія, стремившаяся къ конституціонной монархіи, и съ радикализмомъ, тяготѣвшимъ къ республикѣ и во всякомъ случаѣ имѣвшимъ демократическій характеръ, развивалось въ Западной Европѣ еще одно направленіе общественной мысли, которое, возникнувъ еще до іюльской революціи въ кругахъ интеллигентной буржуазіи, только въ тридцатыхъ годахъ стало вербовать себѣ приверженцевъ въ рабочей массѣ и мало-по-малу въ ней распространяться. Около 1834 г. это новое направленіе впервые стало называться соціализмомъ, подъ именемъ котораго и играло потомъ такую важную роль въ политической жизни Западной Европы.

Примѣненіе къ этому направленію названія соціа-

[1]) Исторія Западной Европы въ новое время, томъ IV, гл. 27 (Соціальныя ученія первой трети XIX в.) и томъ V, гл. 13 (Французскій соціализмъ и коммунизмъ временъ іюльской монархіи) и 16 (Нѣмецкія экономическія и соціальныя ученія тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ).

— Соціальныя движенія XIX в. имѣютъ свои антецеденты и въ предыдущихъ вѣкахъ, о чемъ въ книжкѣ „Философія культурной и соціальной исторіи новаго времени § 3 главы шестой („Соціальная и политическая сторона реформаціи“).

лизма объясняется не тѣмъ различіемъ между понятіями „соціальнаго“ и „политическаго“, которое имѣетъ отношеніе къ категоріямъ общества и государства, но тою противоположностью, какая существуетъ въ понятіяхъ „соціальнаго“ и „индивидуальнаго“. Мы уже отмѣтили выше, что французская демократія эпохи іюльской монархіи отличалась характеромъ анти-индивидуалистическимъ, и именно эта самая черта была выдвинута впередъ въ обозначеніи, какъ соціализма, того направленія, которое поставило своею задачею замѣнить принципъ индивидуальнаго хозяйства принципомъ хозяйства общественнаго, соціальнаго. Весьма многіе при этомъ, становясь на такую точку зрѣнія, переносили требованіе соціальности и въ другія сферы жизни, объявляя всякій индивидуализмъ началомъ анти-соціальнымъ и на практикѣ ведущимъ только къ господству меньшинства въ лицѣ буржуазіи.

2. Первыя общественныя ученія, съ которыхъ начинается развитіе соціализма XIX вѣка, относятся еще къ эпохѣ реставраціи. Это именно тѣ доктрины, которыя во Франціи связаны съ именами Сенъ-Симона и Фурье, а въ Англіи—съ именемъ Оуэна. Съ тогдашнимъ политическимъ движеніемъ соціалистическія системы названныхъ общественныхъ реформаторовъ не имѣли ничего общаго: скорѣе онѣ были даже противъ либерализма, особенно по его связи съ проповѣдью свободной конкурренціи въ экономической жизни. Соціализмъ двадцатыхъ годовъ вообще не выставлялъ никакихъ политическихъ требованій, стоялъ въ сторонѣ отъ тайныхъ обществъ, осуждалъ революцію и возлагалъ всѣ свои надежды на одну мирную пропаганду новыхъ началъ жизни.

Въ эту эпоху либерализмъ какъ въ области политики, такъ и въ политической экономіи сталъ подвер-

гаться нападкамъ съ двухъ разныхъ сторонъ. Во-первыхъ на него нападали во имя старины и при томъ не только старины политической, но и старины экономической, т.-е. прежнихъ формъ хозяйственнаго быта, которыя постепенно разрушались въ дѣйствительной жизни и осуждались экономистами въ теоріи, какъ негодныя. Это былъ своего рода экономическій романтизмъ, болѣе сожалѣвшій о паденіи старыхъ формъ жизни, чѣмъ мечтавшій о созданіи новыхъ. Во-вторыхъ, тогдашняя либеральная политическая экономія подвергалась нападенію въ связи съ критикою защищавшагося ею капиталистическаго строя во имя новыхъ формъ, которыя выставлялись, какъ лучшія, нежели существующія, какъ болѣе выгодныя и справедливыя. Новаторамъ бросались въ глаза главнымъ образомъ два обстоятельства: несоотвѣтствіе политической свободы съ экономическимъ рабствомъ и противорѣчіе между ростомъ производства и національнаго богатства и бѣдственнымъ состояніемъ рабочаго класса. Либерализмъ заключалъ въ себѣ увѣренность, что для достиженія общественнаго блага достаточно одной личной свободы съ политическими ея гарантіями, но экономическая жизнь все болѣе и болѣе развивалась въ смыслѣ порабощенія труда капиталомъ, и вотъ вслѣдствіе этого въ нѣкоторыхъ умахъ совершилось разочарованіе въ благахъ свободы, и главное вниманіе стало обращаться на рѣшеніе задачи объ освобожденіи экономическомъ. Съ другой стороны, либеральные экономисты очень часто закрывали глаза на бѣдствія, сопровождавшія установленія капиталистическаго строя, и даже многіе политическіе радикалы не принимали въ расчетъ того, что при извѣстныхъ условіяхъ національное богатство покупается цѣною народной нищеты. Буржуазные тооретики, прославлявшіе невмѣшательство государства въ про-

мышленность и проповѣдовавшіе спасительность свободной конкурренціи, продолжали стоять на оптимистической точкѣ зрѣнія физіократовъ и Адама Смита, которые вѣрили во всеобщую гармонію интересовъ при господствѣ естественнаго порядка. Правда, слѣдующіе два крупные экономиста послѣ Адама Смита, Мальтусъ и Рикардо, пробили двѣ бреши въ этой теоріи гармоніи и интересовъ — одинъ, своимъ ученіемъ о томъ, что народонаселеніе растетъ гораздо быстрѣе средствъ его пропитанія, другой — обнаруженіемъ антагонизма между предпринимателями и рабочими; однако, и это отнюдь не помѣшало буржуазнымъ экономистамъ защищать существующія отношенія съ точки зрѣнія соотвѣтствія ихъ законамъ природы, противъ которыхъ, говорили они, ничего уже не подѣлаешь. Соціальные реформаторы двадцатыхъ годовъ отнеслись съ величайшимъ недовѣріемъ къ тогдашней политической экономіи, въ которой даже не хотѣли видѣть науки,—и ученію экономистовъ противопоставили поэтому свои собственныя теоріи.

3. Эти теоріи въ настоящее время принято называть утопіями въ смыслѣ несбыточныхъ мечтаній, причемъ нужно замѣтить, что обозначеніе ранняго соціализма, какъ „утопическаго“, вышло изъ среды самихъ же соціалистовъ только болѣе поздняго времени, когда сами послѣдователи этого направленія овладѣли классической политической экономіей и преобразовали ее въ духѣ своихъ принциповъ. Утопіями одинаково являются теоріи и сенъ-симонистовъ, и фурьеристовъ, и послѣдователей Оуэна, потому что всѣ они стремились сразу и главнымъ образомъ путемъ одного умственнаго творчества создать тотъ новый строй общественной жизни, который долженъ былъ быть, по ихъ мнѣнію, и осуществленъ въ самое короткое время, благодаря исключительно своему внутреннему пре-

восходству, съ очевидностью бросающемуся въ глаза при сравненіи съ существующими порядками. Въ этомъ и заключалась утопичность названныхъ теорій, но, кромѣ того, въ нихъ нужно различать критику капиталистическаго строя, съ одной стороны, а съ другой—тѣ общіе принципы, которые должны были быть положены въ основу новыхъ соціальныхъ отношеній.

Соціальные реформаторы первой трети XIX в., какъ извѣстно, вскрыли главные недостатки новаго экономическаго строя, которыхъ не видѣли или не хотѣли видѣть либеральные экономисты эпохи. Главныя ихъ нападки были направлены на разлученіе труда съ орудіями производства и на несогласованность между собою индивидуальныхъ хозяйствъ, приводящую къ анархіи въ производствѣ. Поэтому цѣль ихъ стремленій заключалась въ томъ, чтобы рабочіе получили участіе въ выгодахъ предпріятія путемъ установленія коллективной собственности на орудія производства, чтобы, далѣе, индивидуальное хозяйство замѣнилось хозяйствомъ соціальнымъ путемъ образованія рабочихъ ассоціацій и чтобы, наконецъ, свободная конкурренція съ ея промышленной анархіей замѣнилась планомѣрною организаціей хозяйственной жизни всего общества. Внесеніе извѣстнаго порядка въ области производства и распредѣленія не должно было, однако, касаться области потребленія хозяйственныхъ благъ, и въ этомъ смыслѣ утописты двадцатыхъ годовъ всячески старались отвратить отъ себя обвиненіе въ коммунизмѣ, требующемъ именно общности не только въ обладаніи орудіями производства, но и въ потребленіи произведенныхъ цѣнностей. Всѣхъ ихъ, кромѣ того, отличалъ крайній оптимизмъ, вѣра въ легкость и быстроту осуществленія новаго соціальнаго строя. Они признавали прирожденное совершенство человѣческой на-

туры, признавали естественную гармоничность всего мірозданія, и, по ихъ мнѣнію, стоило только найти принципы, при помощи которыхъ могли бы безпрепятственно проявляться добрые задатки, прирожденные человѣку, и гармонія, лежащая въ основѣ жизни, чтобы могли и легко и быстро пройти полное перевоспитаніе самихъ людей, и коренное переустройство всѣхъ порядковъ ихъ общественнаго существованія. Все дѣло заключалось въ мирной идейной проповѣди, а особенно—въ силѣ примѣра, который долженъ былъ вызвать подражаніе. Напримѣръ, Фурье думалъ, что достаточно будетъ на практикѣ осуществить придуманную имъ форму ассоціаціи, такъ называемый фаланстеръ, и тогда потребуется лишь нѣсколько лѣтъ для того, чтобы постепенно всѣ народы, населяющіе земной шаръ, перешли, исключительно путемъ подражанія поданному примѣру, отъ теперешнихъ порядковъ къ новому идеальному строю. Однимъ словомъ, утопическій соціализмъ двадцатыхъ годовъ отнюдь не былъ революціоннымъ по рекомендовавшемуся имъ способу осуществленія общественнаго идеала, но зато самый идеалъ этотъ, мысль, положенная въ его основу, требовали полнаго переворота во всей области соціальныхъ отношеній, связанной съ началами частной собственности, индивидуальнаго хозяйства, свободной конкурренціи и т. п. Съ этою основною мыслью въ соціальныхъ ученіяхъ той эпохи соединились, кромѣ того, многіе другіе, осложнявшіе ее моменты.

Фурье мечталъ, что осуществленіе придуманнаго имъ гармоническаго строя произведетъ даже переворотъ въ самой природѣ, въ родѣ того, напримѣръ, что морская вода сдѣлается столь же вкусною, какъ лимонадъ. Въ свою очередь, сенсимонизмъ до такой степени осложнился элементами религіознаго творчества, что въ концѣ кон-

цовъ самъ объявилъ себя новой религіей и получилъ чисто сектантскій характеръ. Въ дальнѣйшемъ развитіи соціальныхъ ученій подобныя примѣси стали постепенно отпадать, и, наоборотъ, все болѣе и болѣе началъ выдвигаться на первый планъ и разрабатываться въ подробностяхъ принципъ ассоціаціи.

4. Соціальныя утопіи первой трети XIX в., конечно, не были совершенною новостью въ исторіи. И въ древности, и въ новое время, начиная съ эпохи возрожденія, творческая фантазія отдѣльныхъ писателей создавала болѣе или менѣе заманчивыя картины идеальнаго устройства общества, въ которыхъ главное значеніе принадлежало идеямъ, родственнымъ соціализму или прямо даже коммунистическимъ. То новое, что̀ отличаетъ утопистовъ эпохи реставраціи отъ ихъ предшественниковъ, заключается въ ихъ желаніи осуществленія на практикѣ придуманныхъ ими порядковъ жизни. Это уже не была простая игра ума, одно литературное упражненіе, такъ какъ дѣло заключалось теперь не въ томъ, чтобы только нарисовать въ своемъ воображеніи картину идеальнаго общественнаго строя, а именно въ томъ, чтобы этотъ строй видѣть осуществленнымъ въ дѣйствительной жизни. Сенъ-симонисты и фурьеристы затратили даже немало средствъ на попытки образованія товарищескихъ общежитій по своимъ идейнымъ планамъ, и это составляетъ весьма своеобразную сторону тогдашняго соціальнаго движенія. Пусть всѣ подобныя попытки кончались полною неудачею, вносившею въ ряды ихъ участниковъ разочарованіе, характерная особенность этого явленія какъ-разъ заключалась въ томъ, что мысль не оставалась простою мыслью, а стремилась перейти въ дѣло. Въ послѣднемъ отношеніи особенно тѣсною связью съ житейскою практикою отличалось ученіе Оуэна, который

впервые даже и выступилъ на прославившее его поприще не какъ теоретикъ, а какъ человѣкъ практическаго дѣла. Ему даже удалось сдѣлаться въ своемъ отечествѣ родоначальникомъ цѣлаго, такъ называемаго кооперативнаго движенія, выразившагося въ основаніи рабочихъ союзовъ съ чисто практическими цѣлями соединенія на почвѣ общихъ экономическихъ интересовъ.

Еще въ тридцатыхъ годахъ многіе смотрѣли на соціальныя системы Сенъ-Симона, Фурье и Оуэна, какъ на чисто литературныя явленія, подобныя которымъ существовали и раньше, но уже въ самомъ началѣ сороковыхъ годовъ болѣе проницательными людьми была понята жизненная связь новыхъ соціальныхъ ученій съ переживавшимся въ то время историческимъ моментомъ. Дѣйствительно, названныя соціальныя утопіи начала XIX в. заключали въ себѣ не простую игру творческой фантазіи, а, какъ думали ихъ творцы, чисто практическіе совѣты относительно уврачеванія общественныхъ золъ, порожденныхъ новыми формами экономическаго быта. Сенъ-Симонъ, въ концѣ концовъ, понялъ задачу предлагавшейся имъ реформы, какъ задачу улучшенія быта самаго многочисленнаго и самаго бѣднаго класса населенія, а дѣятельность Оуэна даже и началась прямо въ средѣ фабричныхъ рабочихъ. Правда, на первыхъ порахъ сенъ-симонисты и фурьеристы вербовали своихъ адептовъ среди интеллигентной и зажиточной буржуазіи, особенно среди учащейся молодежи изъ этого класса, но весьма скоро и тѣ и другіе стали пропагандировать свои идеи и среди рабочихъ. Іюльская революція даже оживила ихъ надежды, вслѣдствіе чего ихъ проповѣдь расширилась и стала искать для себя новыхъ формъ. Однако, въ дальнѣйшемъ соціальномъ движеніи, происходившемъ во Франціи, роль уже играли не сенъ-симонисты и не фурьеристы, а новые

соціальные реформаторы, съ самаго начала дѣйствовавшіе непосредственно на рабочую среду и притомъ не въ такомъ удаленіи отъ политической злобы дня, въ какомъ совершалась дѣятельность сенъ-симонистовъ и фурьеристовъ. Практическое значеніе проповѣди тѣхъ и другихъ выразилось въ образованіи ряда потребительныхъ и производительныхъ ассоціацій среди рабочихъ, но отъ политики обѣ школы продолжали держаться въ сторонѣ. Сенъ-симонисты даже удалились въ своего рода сектантскій монастырь въ то самое время, когда въ рабочей демократіи Парижа происходило республиканское броженіе, а фурьеристы, развившіе въ широкихъ размѣрахъ свою литературную пропаганду, высказывались очень рѣшительно противъ политическаго движенія, ставившаго своею цѣлью реформу избирательнаго права.

5. Поворотъ мысли о необходимости соціальной реформы на новую дорогу, т.-е. уже на дорогу политическаго дѣйствія совершился главнымъ образомъ благодаря тому, что къ сенъ-симонистамъ примкнули на время нѣкоторые люди, которые раньше участвовали въ чисто политической агитаціи, а теперь, усвоивъ новыя соціальныя идеи, такъ или иначе сочетали ихъ со своими прежними политическими стремленіями. Въ этомъ отношеніи особенно любопытно ученіе Бюшеза, представлявшее изъ себя своеобразную смѣсь идей сенъ-симонизма, якобинизма и католицизма, причемъ во имя соціальнаго идеала братства имъ проповѣдовалось полное поглощеніе личности обществомъ и объявлялась безпощадная война всякому индивидуализму. Тѣмъ же анти-индивидуалистическимъ характеромъ отличалась и соціальная система Леру, которому принадлежитъ самое изобрѣтеніе термина „соціализмъ“ и который придалъ своимъ идеямъ характеръ пантеистическаго мистицизма. Впрочемъ, если Бюшезу уда-

лось еще оказать нѣкоторое вліяніе на образованіе рабочихъ ассоціацій, то Леру имѣлъ лишь литературный успѣхъ. Самая же большая популярность въ рабочихъ кругахъ выпала на долю Кабе, автора коммунистическаго романа, въ которомъ изображается идеальная страна—Икарія: „икаризмъ" въ сороковыхъ годахъ сдѣлался даже однимъ изъ самыхъ сильныхъ теченій соціальной мысли въ рабочей средѣ Франціи. Это была проповѣдь полнѣйшаго коммунизма, съ совершеннымъ отрицаніемъ личнаго начала во имя принципа братства, которое Герценъ не безъ основанія назвалъ „каторжнымъ". Хотя въ романѣ Кабе коммунистическій строй и устанавливается, благодаря переходу демократіи къ политическому господству, однако, икарійцы стояли еще на точкѣ зрѣнія мирной пропаганды и дѣйствія примѣромъ. Въ этомъ отношеніи коммунизмъ Кабе довольно близокъ къ соціализму сенъ-симонистовъ и фурьеристовъ, и подобно имъ авторъ Икаріи тоже думалъ осуществить свою утопію основаніемъ въ Америкѣ коммунистической колоніи. Любопытно, что первая партія будущихъ икарійскихъ колонистовъ отправилась въ путь всего за три недѣли до взрыва февральской революціи, въ которой соціализму пришлось играть столь выдающуюся и притомъ далеко не мирную роль.

Прочнымъ образомъ политическія стремленія демократіи объединились въ одно цѣлое съ новыми соціальными идеями около 1840 г. — въ ученіи Луи Блана, въ которомъ, какъ въ ученіи Бюшеза, соціализмъ сливался въ одно цѣлое съ якобинизмомъ французской революціи, только безъ традицій католицизма, занимающихъ столь важное мѣсто въ доктринѣ Бюшеза. Главная особенность всей системы Луи Блана заключалась въ томъ, что силою, долженствующею осуществить новый строй, являлось у него государство, которое для осуществленія этой своей

миссіи должно было само сдѣлаться демократическимъ. Взглянувъ на исторію французской революціи, какъ на классовую борьбу буржуазіи и пролетаріата, Луи Бланъ отнесся отрицательно къ стремленіямъ буржуазіи, какъ вытекающимъ изъ индивидуализма, и, наоборотъ, самымъ рѣшительнымъ образомъ взялъ подъ свою защиту пролетаріатъ, которому онъ приписывалъ желаніе осуществить въ жизни принципъ братства: якобинцы, по его мнѣнію, и были именно провозвѣстниками этого принципа, причемъ ихъ политическая программа неправильно была понята въ соціальномъ смыслѣ. Планъ его реформы состоялъ въ томъ, чтобы при помощи государственной организаціи труда постепенно вытѣснить изъ жизни всѣ частныя хозяйства для замѣны ихъ „соціальными мастерскими", т.-е. ассоціаціями. Такимъ образомъ въ системѣ Луи Блана старая якобинская идея демократической республики обновилась мыслью о превращеніи такого демократическаго государства въ главный органъ осуществленія соціальной реформы, въ ту общественную силу, которая должна и впредь заправлять всею хозяйственною жизнью страны. Имя Луи Блана сдѣлалось весьма популярнымъ во французскомъ пролетаріатѣ, и этою популярностью объясняется та выдающаяся роль, какую Луи Блану пришлось играть въ бурныхъ событіяхъ 1848 года. Выступившій одновременно съ нимъ на литературное поприще Прудонъ, заявившій себя рѣзкой критикой современнаго экономическаго строя и упразднявшій государство съ замѣною власти свободнымъ договоромъ сторонъ, въ этотъ періодъ еще не успѣлъ создать никакого положительнаго ученія, и потому въ 1848 году имя его еще ничего не говорило французскимъ рабочимъ.

6. Французскія соціалистическія и коммунистическія идеи въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ нашли много-

численныхъ сторонниковъ также среди нѣмцевъ. Многіе нѣмецкіе демократы стояли на той точкѣ зрѣнія, что Германіи предстоитъ пройти тотъ же путь развитія, какой уже былъ пройденъ Франціей, что отъ либерализма и даже радикализма ничего нельзя ожидать для народной массы и что политическимъ знаменемъ пролетаріата должно сдѣлаться соціализму. Либеральная политическая экономія вообще не пользовалась никогда особенною популярностью у нѣмцевъ, и хотя образовавшаяся у нихъ историческая школа въ этой наукѣ имѣла болѣе или менѣе консервативный характеръ, тѣмъ не менѣе все-таки въ ея ученіяхъ заключалось нѣчто, что могло пригодиться и для новыхъ взглядовъ на экономическія отношенія. Именно, нѣмецкая историческая школа выдвигала на первый планъ идею относительности формъ народнаго хозяйства, которая заключала въ себѣ представленіе о возможности крупныхъ перемѣнъ и въ будущемъ подобно тому, какъ онѣ уже совершались въ прошедшемъ. Но особенно важное значеніе въ развитіи новыхъ идей имѣло соединеніе ихъ съ результатами того движенія, которое происходило въ области тогдашней нѣмецкой философіи.

Это была эпоха почти безусловнаго господства философской системы Гегеля въ умственной жизни Германіи. Среди гегельянцевъ въ тридцатыхъ годахъ обнаружился, однако, расколъ и образовались два направленія въ пониманіи и примѣненіи основныхъ принциповъ школы. Въ то время, какъ „правая“ сторона принимала все болѣе и болѣе консервативный характеръ и сближалась въ дѣлахъ вѣры съ ортодоксальностью, а по государственнымъ вопросамъ — съ оффиціально принятыми взглядами, — „лѣвая“, наоборотъ, все болѣе и болѣе проникалась радикализмомъ и въ области религіи, и въ области политики. Изъ этого „лѣваго“ лагеря гегельян-

цевъ и вышелъ тотъ теоретикъ и дѣятель соціализма въ Германіи, идеи котораго пріобрѣли въ ней господствующее значеніе въ послѣднія десятилѣтія девятнадцатаго вѣка. Карлъ Марксъ,—такъ какъ рѣчь здѣсь идетъ о немъ,—соединилъ политическія стремленія и экономическіе принципы, родиной которыхъ была Франція, съ историко-философскими взглядами, имѣвшими чисто нѣмецкое происхожденіе и получившими у него теперь значеніе теоретическаго оправданія новаго общественнаго направленія. Къ этому идейному синтезу было привлечено также и изученіе англійской экономической дѣйствительности, представлявшей изъ себя тотъ же процессъ, какой совершался и въ другихъ странахъ, но только значительно подвинувшійся впередъ. Сущность новой теоріи сводилась къ тому, что капитализмъ содержитъ въ себѣ не только причины господства буржуазіи въ настоящемъ, но и условія ея упадка въ будущемъ. Марксъ и его сторонники не только при этомъ нападали на проявлявшееся во многихъ случаяхъ разъединеніе политическаго радикализма и соціализма, но даже проповѣдовали необходимость пролетаріату помогать буржуазіи въ ея освободительной борьбѣ, на которую прямо учили смотрѣть, какъ на необходимый этапъ историческаго процесса. Въ философскомъ радикализмѣ, привившемся въ Германіи къ занесенному изъ Франціи соціализму, не было и слѣда того анти-индивидуалистическаго духа, который характеризуетъ тогдашнюю французскую демократію обоихъ направленій — политическаго и соціальнаго и который питался традиціями то средневѣкового католицизма, то революціоннаго якобинизма. Напротивъ того, „лѣвый“ лагерь гегельянства отличался стремленіемъ къ полной духовной эманци-

паціи личности, что потомъ сдѣлалось отличительнымъ признакомъ германской соціальной демократіи.

7. Условія нѣмецкой дѣйствительности тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ были крайне неблагопріятны для свободной пропаганды подобныхъ идей въ самой Германіи, и потому сторонниковъ себѣ нѣмецкіе соціальные реформаторы вербовали главнымъ образомъ за границей среди многочисленныхъ въ эти годы нѣмецкихъ эмигрантовъ, примыкавшихъ къ общему демократическому движенію той эпохи. Въ Цюрихѣ, въ Парижѣ, въ Брюсселѣ, въ Лондонѣ нѣмецкіе соціалисты,—охотнѣе называвшіе себя коммунистами,—сближались съ единомышленниками другихъ національностей, и потому мало-по-малу соціалистическая мысль начинала принимать, какъ и политическій радикализмъ, совершенно международный характеръ. Къ концу сороковыхъ годовъ главнымъ центромъ нѣмецкихъ „коммунистовъ" сдѣлался Лондонъ, гдѣ въ 1847 г. происходилъ даже большой тайный съѣздъ сторонниковъ новаго движенія. Результатомъ этого съѣзда былъ вышедшій въ свѣтъ въ самомъ началѣ 1848 года „Коммунистическій Манифестъ", приглашавшій пролетаріевъ всѣхъ странъ соединиться для завоеванія политической власти, которая должна была свергнуть господство буржуазіи и рядомъ отдѣльныхъ мѣропріятій положить начало осуществленію новаго строя. Предсказывался въ близкомъ будущемъ взрывъ новой революціи, въ которой предвидилось и ближайшее участіе пролетаріата подъ знаменемъ соціализма. Революція, дѣйствительно, вспыхнула, и въ ней, дѣйствительно, пролетаріатъ и соціализмъ играли большую роль, но руководящими идеями въ данномъ случаѣ оказались не тѣ, которыя были изложены въ знаменитомъ „манифестѣ", а идеи Луи Блана, пользовавшіяся гораздо большею по-

пулярностью среди тѣхъ пролетаріевъ, участіе которыхъ въ движеніи было наиболѣе сильнымъ и бурнымъ.

XI. Національные вопросы первой половины XIX в. [1])

1. Основныя особенности національныхъ стремленій въ первой половинѣ XIX в.—2. Объединительныя и освободительныя національныя движенія.—3. Междуплеменныя отношенія въ Австріи.—4. Славянское возрожденіе и панславизмъ.—5. Политическія движенія среди поляковъ.

---

1. Одновременно съ политическими и соціальными движеніями, которыя подготовили общеевропейскій кризисъ 1848 года, происходили во многихъ мѣстахъ Западной Европы и національныя движенія, точно также съ большою силою отразившіяся на возникновеніи, общемъ ходѣ и разрѣшеніи этого кризиса. Если, съ одной стороны, политическая и соціальная демократія разныхъ странъ объединялась нѣкоторыми изъ своихъ вождей въ международную силу, то, съ другой стороны, въ самыхъ широкихъ кругахъ народной массы значительной части западно-европейскихъ странъ пробуждались и властно заявляли себя въ жизни чисто національные инстинкты, проявленіе которыхъ приводило, наоборотъ, къ междуплеменной борьбѣ.

Въ другомъ мѣстѣ было уже отмѣчено возникновеніе національныхъ стремленій начала XIX в. [2]). Укажемъ те-

---

[1]) Исторія Западной Европы въ новое время, томъ V, гл. 9 (Общій очеркъ политическихъ, соціальныхъ и національныхъ движеній въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ) и гл. 17 (Славянское возрожденіе, панславизмъ и мессіанизмъ).

[2]) См. выше, стр. 66.

перь на необходимость различенія въ нихъ чисто культурной и чисто политической сторонъ. Въ культурномъ отношеніи національная идея, исходя изъ признанія за тою или другою народностью права на самостоятельное существованіе, въ громадномъ большинствѣ случаевъ соединялась съ романтическою идеализаціей традиціонной старины и бытовыхъ особенностей народности, вслѣдствіе чего обнаруживала вообще мало способности соединяться съ идеями прогрессивныхъ круговъ общества. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда тѣ или другіе сторонники какой-либо національной идеи старались придать ей значеніе одного изъ факторовъ въ достиженіи всѣмъ человѣчествомъ лучшаго будущаго,—дѣлалось это обыкновенно въ формѣ признанія за даннымъ народомъ особой провиденціальной миссіи, предназначенной ему исторіей. Въ Германіи Фихте и особенно Гегель развивали мысль о превосходствѣ нѣмецкаго національнаго духа, въ которомъ они готовы были видѣть воплощеніе самого разума исторіи. Въ Италіи о первенствѣ и превосходствѣ своей національности среди всѣхъ другихъ народовъ писалъ Джіоберти. Одновременно польскіе мессіанисты утверждали, что на долю именно ихъ народа выпало великое посланничество въ дѣлѣ всемірнаго освобожденія. Русское славянофильство той же самой эпохи было не чѣмъ инымъ, какъ подобнаго же рода превознесеніемъ всего вообще славянскаго племени и въ особенности русской его части. Какъ ни различны были по многимъ пунктамъ воззрѣнія подобнаго рода,—получавшія, наприм., разную вѣроисповѣдную окраску въ духѣ протестантизма, католицизма или православія,—всѣ они характеризуются одною основною чертою національной исключительности, культурнаго консерватизма и малаго пониманія общечеловѣческой стороны тѣхъ жизненныхъ вопросовъ,

которые ставились болѣе передовою современностью. Замѣчательно, что въ странахъ, гдѣ историческій процессъ подвинулся гораздо далѣе впередъ,—въ Англіи и во Франціи,—національизмъ никогда не получалъ такого мистическаго характера, и, наоборотъ, послѣдній особенно былъ силенъ въ построеніяхъ націоналистической мысли болѣе отсталыхъ народностей. Какую бы окраску, однако, не принимали національныя стремленія, они заключали въ себѣ элементы междуплеменной розни, которая впослѣдствіи и сдѣлалась одною изъ причинъ общей побѣды реакціи не только надъ новыми политическими и соціальными стремленіями, но и надъ самими же стремленіями національными. Особенно сильны были эти національныя стремленія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и особенно глубоко было ихъ пораженіе въ разноязычной Австріи, въ которой притомъ, какъ нигдѣ въ другихъ странахъ Западной Европы, господствовали старые государственные и общественные порядки, а съ другой стороны, и само общество не было такъ далеко отъ какого бы то ни было вліянія передовыхъ политическихъ и соціальныхъ идей.

2. Останавливаясь, далѣе, на политической сторонѣ національныхъ движеній, игравшихъ столь значительную роль въ событіяхъ 1848 г., мы должны различать національныя движенія съ характеромъ объединительнымъ и съ характеромъ освободительнымъ. Всѣмъ предъидущимъ ходомъ своей исторіи Западная Европа была приведена къ тому, что установившіяся въ ней политическія границы далеко не совпадали съ границами этнографическими и что въ отдѣльныхъ государствахъ вынуждены были вмѣстѣ жить далеко между собою неравноправныя народности. Это также было одною изъ причинъ цѣлаго ряда народныхъ движеній, имѣвшихъ своею цѣлью или возсоединеніе политически разъединенныхъ національностей,

или освобожденіе однихъ народностей отъ господства другихъ или же, наконецъ, и то и другое вмѣстѣ взятое. Во второй половинѣ XVIII в. съ политической карты Европы исчезла польская національность, отдѣльныя части которой вошли въ составъ трехъ сосѣднихъ государствъ. Это было исходнымъ пунктомъ цѣлаго ряда національныхъ движеній среди поляковъ, особенно въ 1830 и 1863-хъ годахъ. Въ Германіи равнымъ образомъ съ самаго-же начала XIX в. стала расти и развиваться мысль о необходимости политическаго объединенія, вмѣсто той разрозненности, которая существовала раньше и была удержана,—хотя и въ не такой степени, какъ прежде,—вѣнскимъ конгрессомъ. Аналогичное стремленіе къ политическому объединенію возникло и стало постепенно созрѣвать и въ Италіи, которая уже давнымъ-давно фактически была простымъ географическимъ терминомъ, не смотря на культурное объединеніе ея населенія въ одну націю. Конечно, отдѣльныя національныя партіи, во всѣхъ этихъ случаяхъ, понимали свою объединительную задачу неодинаково и соединяли свои національныя мечты съ очень несходными между собою политическими принципами, но наиболѣе крайніе приверженцы національнаго объединенія шли вообще подъ знаменемъ демократическихъ идей. Таковы были „Молодая Италія“, „Молодая Германія“ и „Молодая Польша“, а то обстоятельство, что всѣ онѣ должны были составлять одну „Молодую Европу“, свидѣтельствуетъ, что здѣсь, по крайней мѣрѣ, не было національной розни. Въ другихъ случаяхъ, наоборотъ, одна національная идея враждебно сталкивалась съ другою такою-же идеей, и это особенно наблюдалось всякій разъ, когда одна народность стремилась выбиться изъ-подъ господства другой народности.

3. Наиболѣе острые національные вопросы были подняты въ эту эпоху въ разноплеменной Австріи. Внутренняя политика этой монархіи отличалась строго централистическимъ характеромъ, причемъ правительство сознательно поддерживало рознь между отдѣльными народностями, чтобы тѣмъ легче господствовать надъ всѣми. Вся предыдущая исторія Австріи привела къ тому, что господство въ ней принадлежало двумъ народностямъ: нѣмецкой въ одной половинѣ имперіи и мадьярской — въ другой. Въ теченіе всей первой половины XIX столѣтія австрійское правительство всѣми силами и средствами поддерживало нѣмецкій элементъ и, наоборотъ, всячески урѣзывало старыя права и привилегіи, принадлежавшія мадьярамъ. Это была чисто германизаціонная политика, которая страшно раздражала мадьярскую національность и толкала ее на путь политической оппозиціи, приведшей въ 1848 г. къ открытой революціи. Однако, отстаивая свою народность, мадьяры вовсе не думали о томъ, чтобы признавать національныя права тѣхъ славянскихъ племенъ, которыя входили въ составъ земель такъ называемой „короны святого Стефана". Въ данномъ случаѣ ихъ политика имѣла двойственный характеръ—борьбы за національную самобытность противъ германизаціи, съ одной стороны, и вмѣстѣ съ тѣмъ, съ другой стороны, упорной мадьяризаціи славянскаго населенія Венгріи. Какъ извѣстно, впослѣдствіи венгерскіе славяне поэтому и оказали помощь австрійскому правительству въ дѣлѣ усмиренія мятежныхъ мадьярскихъ подданныхъ.

Среди подданныхъ Австріи въ самомъ жалкомъ положеніи находились отдѣльныя славянскія народности, входившія въ составъ населенія этой имперіи. Хотя въ этомъ составѣ славяне по своей численности занимали

первое мѣсто, это отнюдь не придавало имъ никакой реальной силы. Во-первыхъ, между нимине было настоящей солидарности, и даже во многихъ случаяхъ обнаруживалась прямая рознь. Во-вторыхъ, за исключеніемъ польской части Галиціи, нигдѣ не было у славянскихъ подданныхъ Австріи своей собственной интеллигенціи, такъ что, въ сущности, на отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ въ тѣхъ или другихъ областяхъ Австріи говорилъ только одинъ простой народъ. Дворянство, высшее духовенство и частью даже духовенство низшее, а также и болѣе зажиточное мѣщанство славянскихъ земель монархіи было или нѣмецкимъ, или мадьярскимъ (въ русской же части Галиціи—польскимъ). Такому положенію дѣлъ соотвѣтствовало и печальное состояніе литературы и вообще просвѣщенія у австрійскихъ славянъ начала XIX в.

Мало-по-малу, однако, все это стало мѣняться, и въ срединѣ первой половины XIX столѣтія началось такъ вообще называемое славянское возрожденіе, которое къ сороковымъ годамъ уже сдѣлало весьма замѣтные успѣхи. Перевороты, вызванные французской революціей и наполеоновскими войнами, и тѣ послабленія, которыя волей-неволей должна была дѣлать Австрія своимъ подданнымъ, не могли не отразиться на настроеніи ея славянъ, на которыхъ сильное впечатлѣніе производили, наконецъ, и попадавшія въ имперію Габсбурговъ войска великой славянской державы, Россіи, игравшей такую важную политическую роль въ событіяхъ эпохи. Славянское возрожденіе отличалось многими романтическими чертами идеализаціи народной старины, но вмѣстѣ съ тѣмъ и вѣрою въ лучшее будущее, въ которомъ, въ тѣхъ или другихъ формахъ, большею частью очень туманныхъ, рисовалось всеславянское единство. Сознаніе принадлежности всѣхъ славянъ къ единому великому цѣлому, равно

какъ сознаніе единоплеменности ихъ съ могущественною Россіей, занимало вообще довольно видное мѣсто въ славянскомъ возрожденіи. На этой же почвѣ выросталъ и такъ называемый панславизмъ, имѣвшій очень различные оттѣнки, бывшій, наприм., то проповѣдью общаго литературнаго языка, то неопредѣленною мечтою объ объединеніи всѣхъ славянъ въ одно великое царство. Настоящей реальной подкладки у панславизма никакой не было, да и сама оффиціальная Россія относилась крайне отрицательно къ національному броженію въ сосѣдней и притомъ союзной монархіи. Тѣмъ не менѣе призракъ панславизма пугалъ не только правящія сферы монархіи Габсбурговъ, не только австрійскихъ нѣмцевъ и мадьяръ, но и весьма многихъ въ другихъ странахъ, гдѣ также боялись славянскаго нашествія подъ главенствомъ Россіи, заключавшаго въ себѣ, какъ тамъ опасались, страшную угрозу для всей европейской цивилизаціи.

5. Совершенно особое положеніе среди славянъ занимали въ это время одни поляки. Съ самаго конца XVIII в., когда произошло паденіе Польши, они принимали болѣе или менѣе дѣятельное участіе въ разныхъ политическихъ движеніяхъ и войнахъ, происходившихъ въ Западной Европѣ, надѣясь извлечь изъ нихъ какую-либо выгоду для возстановленія своей національной независимости. Послѣ подавленія въ 1831 г. польскаго возстанія происходила въ широкихъ размѣрахъ эмиграція побѣжденныхъ инсургентовъ и вообще недовольныхъ установившимся суровымъ режимомъ, а среди эмигрантовъ не прекращались заговоры для организаціи новаго возстанія. Въ либеральныхъ и радикальныхъ кругахъ польское дѣло пользовалось на Западѣ большимъ сочувствіемъ, и на поляковъ даже установился взглядъ, какъ на передовой народъ, защищающій европейскую циви-

лизацію отъ варварства. Хотя среди польскихъ эмигрантовъ были и аристократическіе, очень консервативные во всѣхъ отношеніяхъ элементы, общій тонъ, однако, задавали польскіе демократы, воспринимавшіе и своеобразно перерабатавшіе новѣйшія идеи Запада. Въ эмиграціи вообще находились лучшія умственныя силы націи, но оторванность отъ родной почвы содѣйствовала развитію среди наиболѣе страстныхъ польскихъ патріотовъ крайней экзальтаціи. Съ особенною силою послѣдняя проявилась въ мистическомъ націонализмѣ, который извѣстенъ подъ названіемъ мессіанизма: Польша представлялась послѣдователямъ этого ученія, какъ Мессія народовъ, взявшій на себя грѣхи всего міра, и возстановленіе польскаго государства понималось, какъ его воскресеніе, имѣющее освободить все человѣчество. Съ этими мессіаническими чаяніями соединялся своего рода мистическій соціализмъ, навѣянный французскою средою, въ которой, собственно, и происходило развитіе этой исторической фантазіи. Въ то время, какъ другія славянскія національности искали обновленія во взаимномъ общеніи и всѣ свои упованія возлагали на Россію, польская эмиграція, игравшая роль духовнаго правительства своего народа, наоборотъ, искала спасенія въ болѣе тѣсномъ общеніи съ Западомъ. Въ серединѣ сороковыхъ годовъ поляки сдѣлали-было новую попытку возстанія,— центромъ котораго долженъ былъ быть вольный городъ Краковъ, маленькая республика, созданная на вѣнскомъ конгрессѣ,—но эта попытка лишь обнаружила глубокую рознь между двумя главными общественными слоями польской національности, т.-е. между шляхтою и хлопами. Въ 1846 г. произошла знаменитая галиційская рѣзня, во время которой отъ возставшихъ крестьянъ погибло немало помѣщиковъ. Событіе это произвело сильное впечатлѣніе во всѣхъ частяхъ бывшей Рѣчи Посполитой, и

такъ какъ въ самомъ возникновеніи рѣзни обвинялось само австрійское правительство, то результатомъ ея была ненависть къ нѣмцамъ значительной части польскаго общества. Мало того: многіе поляки въ эти годы стали вспоминать, что и они славяне, и даже противопоставлять при этомъ германскому міру славянскій міръ съ Россіей во главѣ.

6. Во всякомъ случаѣ въ тридцатыхъ и особенно въ сороковыхъ годахъ возрожденіе славянскихъ народностей къ новой жизни было уже весьма замѣтнымъ явленіемъ, съ которымъ у національныхъ патріотовъ соединялись самыя свѣтлыя, хотя и не всегда достаточно опредѣленныя надежды, а у разныхъ правительствъ и въ неславянскихъ общественныхъ кругахъ—опасенія, притомъ противоположнаго свойства: то, именно, въ чемъ одни видѣли признаки революціи, другимъ казалось, наоборотъ, грозною реакціонною силою. Австрійское правительство по духу и по традиціямъ совершенно нѣмецкое, относилось крайне враждебно къ этому движенію, хотя уже и въ то время были голоса, которые рекомендовали создать особый австрійско-католическій панславизмъ, чтобы противопоставить его казавшемуся столь грознымъ объединенію славянъ подъ русской гегемоніей. Изъ Австріи этотъ страхъ передъ славянами перешелъ и въ другія части Германскаго союза, гдѣ, между прочимъ, и въ либеральныхъ и радикальныхъ кругахъ также говорили о надвигавшейся съ Востока опасности. Заговорили о панславизмѣ даже во Франціи. Здѣсь о немъ знали главнымъ образомъ по представленіямъ польскихъ эмигрантовъ, которымъ одинъ французскій публицистъ прямо тогда совѣтовалъ соединиться съ южными и западными славянами для сокрушенія „московскаго“ панславизма. Враждебное отношеніе Западной Европы къ славянамъ только усилилось послѣ

того, какъ и собственные славянскіе подданные, и дружеская услуга славянской же Россіи помогли вѣнскому правительству подавить венгерскую революцію. Въ эти именно годы, напр., Марксъ, самъ, однако, очень хорошо понимавшій призрачность опасности отъ панславизма, взывалъ тѣмъ не менѣе къ непримиримой борьбѣ, къ борьбѣ на жизнь и смерть со славянскимъ міромъ, какъ главнымъ врагомъ демократіи, говоря, что борьба эта нужна въ интересѣ всего человѣчества.

XII. Общеевропейскій кризисъ 1848 года и его исходъ [1]).

1. Сложность и грандіозность революціи 1848 г. — 2. Сравненіе ея съ революціями 1820 и 1830 гг.—3. Взглядъ на международныя отношенія этой эпохи.—4. Междуплеменныя распри 1848 г.—5. Республиканизмъ 1848 г.—6. Буржуазія, крестьянство и рабочій классъ въ исторіи кризиса 1848 г.—7. Исходъ кризиса 1848 г.

---

1. Разсмотрѣнныя нами политическія движенія, сильно осложненныя въ однихъ случаяхъ вопросами соціальными, въ другихъ — вопросами національными, разрѣшились страшнымъ кризисомъ, потрясшемъ въ 1848 г. почти всю Европу и оказавшимъ громадное вліяніе на даль-

---

[1]) Исторія Западной Европы въ новое время, томъ V, гл. 18 (Состояніе Западной Европы наканунѣ 1848 г.), гл. 19 (Министерство Гизо и февральская революція), гл. 20 (Начало второй республики во Франціи и іюньскіе дни), гл. 21 и 22 (Нѣмецкая революція 1848 г. и франкфуртскій парламентъ), гл. 23 (Венгерская, славянская и итальянская революціи) и гл. 24 (Французская конституція 1848 г. и декабрьскій переворотъ).

— Для элементарныхъ фактическихъ справокъ „Учебная книга новой исторіи“, §§ 237—314, гдѣ дано изложеніе событій 1848—1852 гг.

нѣйшую ея исторію. Какъ нарочно, причины политическаго, соціальнаго и національнаго недовольства сплелись въ соль сложный и запутанный узелъ, что выходомъ изъ созданнаго такимъ образомъ положенія могло быть только общее потрясеніе, въ которомъ и столкнулись между собою самые противорѣчивые интересы и стремленія.

Обыкновенно за исходный пунктъ событій 1848 года принимается февральская революція въ Парижѣ, низвергшая іюльскую монархію и приведшая къ установленію во Франціи республики. Собственно говоря, однако, рядъ революціонныхъ движеній, ознаменовавшихъ этотъ и слѣдующіе годы, начался въ Италіи, гдѣ уже съ января 1848 г. произошли революціонныя движенія. Примѣръ подало Ломбардо-Венеціанское королевство, гдѣ австрійское правительство оказалось даже вынужденнымъ, уже въ февралѣ, объявить осадное положеніе. Въ январѣ же были сильныя волненія въ Сициліи и Неаполѣ, заставившія правительство, наоборотъ, поспѣшить съ объявленіемъ конституціи. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, еще до парижскаго взрыва, то же самое, что произошло въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій, повторилось сначала въ Сардиніи, потомъ въ Тосканѣ; тогда же движеніе передалось и въ Папскую Область. Въ Италіи парижская февральская революція поэтому только усилила, никоимъ образомъ не вызвала движеніе, которое вскорѣ охватило весь Апеннинскій полуостровъ революціоннымъ пожаромъ. Такъ какъ значительная часть Италіи была подъ властью Австріи, которая наблюдала за сохраненіемъ старины и въ остальныхъ частяхъ, то итальянская революція сразу приняла характеръ національной борьбы съ Австріей; Сардинія даже вступила съ имперіей Габсбурговъ въ открытую войну и увлекла-было своимъ примѣромъ другія итальянскія государства. И въ Германіи разыгравшіяся

въ 1848 г. событія уже подготовлялись до февральскаго переворота въ Парижѣ въ формѣ оживленія конституціонныхъ требованій и усиленія народныхъ волненій. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, именно, еще до извѣстія о томъ, что произошло въ Парижѣ, уже были мелкія возстанія, и вообще происходило сильное политическое броженіе, въ которомъ принимали участіе и либеральная буржуазія, и городскіе рабочіе, и крестьяне. Парижскій взрывъ, имѣвшій мѣсто въ самомъ концѣ февраля, былъ какъ-бы только сигналомъ къ началу цѣлаго ряда „мартовскихъ" революцій въ отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствахъ. Первыя изъ нихъ вспыхнули въ мелкихъ и среднихъ государствахъ, а въ серединѣ марта взволновались и столицы обѣихъ великихъ державъ—Вѣна и Берлинъ. Побѣда революціи вскорѣ была по всей линіи. Нѣмецкія правительства должны были не только пойти на всѣ уступки, какія у нихъ были потребованы, но и дать свое согласіе на то, чтобы былъ созванъ обще-германскій парламентъ. Въ послѣдній день марта во Франкфуртѣ-на-Майнѣ уже засѣдало подготовительное собраніе, которое должно было устроить обще-германское представительство. Далѣе, въ предѣлахъ Австрійской имперіи приняли участіе въ революціономъ движеніи не одни итальянскіе и нѣмецкіе ея подданные, но и другіе подвластныя ей національности. Въ мартѣ же мѣсяцѣ, именно, произошли народныя волненія и въ Прагѣ, и въ Загребѣ, да и въ другихъ мѣстахъ со славянскимъ населеніемъ, а въ іюнѣ въ Прагѣ засѣдалъ съѣздъ представителей разныхъ славянскихъ національностей, который долженъ былъ заявить всему цивилизованному міру о томъ, что и славянскіе народы стремятся къ свободѣ и равноправности. Наконецъ, поднялась и Венгрія. Въ ней оппозиціонный духъ со значительною силою сталъ проявляться еще передъ всѣми этими событіями, и

мѣстный сеймъ уже успѣлъ предъявить вѣнскому правительству свои политическія требованія, когда извѣстіе о томъ, что дѣлалось въ другихъ мѣстахъ, подѣйствовало и на мадьярскую націю, цѣликомъ примкнувшую къ революціи. Слабо было революціонное движеніе въ 1848 г. только въ польскихъ земляхъ—послѣ неудачи возстанія 1846 г., галиційской рѣзни и совершившагося тогда же присоединенія къ Австріи вольнаго города Кракова. Тѣмъ не менѣе и въ Краковѣ, равно какъ и въ Познани, т.-е. уже въ предѣлахъ Пруссіи были польскія революціонныя вспышки. Такъ прошли первые три мѣсяца 1848 г., а въ маѣ одновременно въ разныхъ мѣстахъ засѣдали учредительныя собранія, которыя должны были выработать новыя конституціи для Франціи, для Германіи, для Пруссіи, и изъ большихъ государствъ Западной Европы только одна Австрія нѣсколько запоздала со своимъ учредительнымъ собраніемъ, которое, однако, все-таки и здѣсь было созвано въ іюлѣ того же, столь бурнаго 1848 года.

2. Событія 1848 года сами собою напрашиваются на сравненіе съ предшествовавшими имъ революціонными движеніями 1820 и 1830 гг. И въ обоихъ послѣднихъ случаяхъ, какъ и теперь, перевороты совершались почти сразу въ нѣсколькихъ мѣстахъ, но никогда еще революція не охватывала такого большого района, какъ это было въ 1848 г. Притомъ въ движеніи 1820 г. не участвовала ни одна великая держава, а въ 1830 г. изъ великихъ державъ пережила внутренній переворотъ только одна Франція: несмотря на то, что іюльская революція отразилась и на Германіи, ни Австрія, ни Пруссія не были тогда затронуты. Теперь, наоборотъ, за февральской революціей во Франціи послѣдовали мартовскія революціи и въ обѣихъ великихъ нѣмец-

кихъ державахъ. Во всякомъ случаѣ въ 1830 г. и Италія, и Германія испытали на себѣ лишь слабое вліяніе парижскаго переворота, но въ 1848 г. обѣ страны подверглись страшному потрясенію, какого не испытывали со временъ великой французской революціи и Наполеона I. Большою новостью было также и то, что въ общемъ движеніи бурнаго 1848 г. приняли участіе разныя не-нѣмецкія народности Австріи: мадьяры, чехи, хорваты, сербы и т. д. Наконецъ, революція 1848 г. осложнилась еще и двумя войнами, стоявшими въ тѣсной связи съ національными движеніями стремившихся къ объединенію итальянцевъ и нѣмцевъ, именно войнами Сардиніи съ Австріей и Германіи съ Даніей. Изъ великихъ европейскихъ державъ не были затронуты только Россія и Англія, хотя въ послѣдней подъ вліяніемъ парижскихъ событій и произошла чартистская вспышка, да „Молодая Ирландія" сдѣлала неудачную попытку возстанія. Остались внѣ всякаго вліянія со стороны совершавшихся событій еще только государства Пиренейскаго и Скандинавскаго полуострововъ, такъ какъ въ другихъ второстепенныхъ странахъ — въ Бельгіи, въ Голландіи, въ Даніи,—все-таки произошли, хотя и мирнымъ путемъ, но подъ вліяніемъ общихъ политическихъ событій, нѣкоторыя важныя конституціонныя перемѣны. Ко всему этому слѣдуетъ еще прибавить, что и въ Швейцаріи 1848 годъ содѣйствовалъ введенію новой демократической конституціи, которая, впрочемъ, была уже подготовлена побѣдою радикаловъ надъ клерикалами въ междоусобіи, закончившемся незадолго до февральской революціи. Въ виду всего сказаннаго можно самымъ рѣшительнымъ образомъ утверждать, что по силѣ непосредственнаго вліянія на Европу февральская революція 1848 г. получила гораздо болѣе важное значеніе, чѣмъ самъ даже переворотъ 1789 г., являю-

щійся, какъ мы знаемъ, исходнымъ пунктомъ всѣхъ политическихъ движеній XIX вѣка. Понятно также, что подобнаго рода событіе,—какъ это было и въ двадцатыхъ, и въ тридцатыхъ годахъ,—не могло не произвести важныхъ перемѣнъ и въ области международной политики.

3. Еще передъ взрывомъ 1848 г. правительства великихъ державъ были сильно озабочены тѣмъ, что происходило въ нѣкоторыхъ странахъ. Польскія предпріятія попрежнему заставляли Австрію, Пруссію и Россію дѣйствовать сообща и держаться стараго союза. Обѣ великія нѣмецкія державы, а съ ними вмѣстѣ и Франція были, кромѣ того, встревожены усиленіемъ радикальной партіи въ Швейцаріи, гдѣ въ 1847 г. дѣло дошло даже до настоящей гражданской войны. Между Австріей и Франціей, далѣе, происходило сближеніе и по поводу демократическаго движенія въ Италіи, которое казалось опаснымъ не только феодально-клерикальному вѣнскому двору, но и буржуазному парижскому кабинету. Готовилось даже европейское вмѣшательство въ швейцарскія и итальянскія дѣла подобно тому, какъ это было въ двадцатыхъ годахъ, и былъ уже, пожалуй, даже поданъ примѣръ для этого, когда по соглашенію трехъ державъ, являвшихся наиболѣе заинтересованными въ польскихъ дѣлахъ, была уничтожена Краковская республика, и ея территорія непосредственно присоединена къ австрійскимъ владѣніямъ. Изъ великихъ державъ лишь одна Англія держала себя въ сторонѣ отъ такой репрессивной политики. Передъ самымъ 1848 г. между Франціей и Англіей, которыя раньше старались быть солидарными, произошелъ разрывъ, и французское буржуазное министерство начало стремиться къ сближенію съ австрійскимъ руководящимъ министромъ Меттернихомъ, который еще съ 1815 г. былъ

главнымъ дѣятелемъ европейской реакціи. Безъ противодѣйствія со стороны Англіи вмѣшательству во внутреннія дѣла Швейцаріи междоусобіе, происшедшее въ этой странѣ, могло бы кончиться крайне неблагопріятно для тамошней демократіи, а итальянскіе патріоты даже пользовались въ лондонскомъ кабинетѣ настоящей поддержкой. — Революція 1848 г. разстроила политическую комбинацію, въ основѣ которой должно было лежать сближеніе Франціи съ Австріей. Во Франціи установилась республика, и она, конечно, уже не могла идти заодно съ Австріей, въ Англіи же эта республика встрѣтила съ самаго начала своего существованія весьма сочувственный пріемъ. Съ другой стороны, могло казаться, что наступилъ часъ совершеннаго распаденія Австріи въ виду цѣлаго ряда потрясшихъ ее національныхъ революцій, да и Пруссія переживала очень трудныя минуты.

Февральскіе дни доставили во Франціи торжество демократіи, которая, какъ и въ 1830 г., стояла за революціонную пропаганду въ другихъ странахъ и громко требовала возстановленія Польши, въ чемъ заключалась угроза по адресу Австріи, Пруссіи и Россіи. Когда, подъ вліяніемъ февральскаго переворота, стали въ Германіи происходить свои революціи, въ Парижѣ многіе требовали тоже оказанія и имъ поддержки, которая должна была распространиться, кромѣ того, и на Италію. Часть революціонныхъ элементовъ въ обѣихъ названныхъ странахъ даже сама ничего не имѣла противъ вмѣшательства Французской республики въ ихъ внутреннія дѣла, но и въ Германіи, и въ Италіи большинство народа этого нисколько не желало, такъ какъ опасалось, что Франція даромъ помощи не окажетъ. Этимъ мотивомъ искусно пользовались германскіе и итальянскіе государи, чтобы устранить всякую мысль о французъ-

скомъ вмѣшательствѣ. Венгерская революція, которая особенно обезсиливала Австрію, встрѣчена была большимъ сочувствіемъ вездѣ, гдѣ ненавидѣли эту державу или ея боялись. Кризисъ прямо принималъ характеръ общеевропейской борьбы противъ всѣхъ устоевъ стараго международнаго порядка. Исходъ этого кризиса зависѣлъ, однако, въ значительной мѣрѣ отъ поведенія двухъ великихъ державъ, Россіи и Англіи, которыя оставались спокойными: въ нѣкоторыхъ пунктахъ обѣ онѣ сходились въ своихъ взглядахъ, хотя бы и по разнымъ мотивамъ. Именно, онѣ одинаково были и противъ объединенія Германіи, и противъ присоединенія къ ней принадлежавшихъ Даніи Гольштейна и Шлезвига, Россія—въ силу общаго консерватизма своей политики, Англія—изъ опасенія, какъ-бы Германія не завела свой флотъ. Въ остальномъ точки зрѣнія русскаго и англійскаго правительствъ, наоборотъ, большею частью расходились, такъ какъ въ Англіи относились съ сочувствіемъ ко многому изъ того, что̀ въ Россіи встрѣчалось безусловнымъ неодобреніемъ. Дѣло въ томъ, что лондонскій кабинетъ стоялъ и за итальянскія, и за венгерскія національныя стремленія, и опять-таки въ Англіи же впослѣдствіи нашли убѣжище побѣжденные разныхъ національностей, когда восторжествовала реакція.

4. Повидимому, борьба противъ однихъ и тѣхъ же враговъ должна была бы сближать интересы отдѣльныхъ національностей, захваченныхъ общимъ движеніемъ, но какъ ни стремились демократы разныхъ странъ къ установленію солидарности между европейскими національностями, на практикѣ это достигалось съ великимъ трудомъ, и въ общемъ національный эгоизмъ бралъ верхъ. Особенно страстная племенная борьба происходила въ тѣхъ областяхъ Австріи, въ которыхъ жило смѣшанное населеніе:

чехи ссорились съ нѣмцами, хорваты—съ мадьярами и т. д., да и вообще габсбургскіе нѣмцы и мадьяры видѣли въ славянскихъ стремленіяхъ помѣху своимъ собственнымъ національнымъ стремленіямъ, что̀, въ свою очередь, заставляло славянъ искать поддержки у законнаго правительства и тѣмъ самымъ подготовлять побѣду реакціи. Сами нѣмцы, работавшіе надъ своимъ политическимъ объединеніемъ во имя національной идеи, и слышать, однако, не хотѣли о томъ, чтобы національныя права были предоставлены чехамъ: франкфуртскій обще-германскій парламентъ даже выразилъ свое удовольствіе, когда до него дошло извѣстіе о насильственномъ усмиреніи Праги. Поэтому національное самосохраненіе заставило австрійскихъ славянъ отдѣлить свои интересы отъ интересовъ германской и венгерской революцій, и та реакціонная роль, которую они при этомъ съиграли, еще болѣе озлобляла противъ нихъ либераловъ и радикаловъ въ Германіи. Нигдѣ, наконецъ, не обнаруживалось въ эту эпоху такой рѣзкой національной исключительности, какъ среди мадьяръ. Венгерскій революціонный сеймъ и мысли не допускалъ о какихъ-либо уступкахъ хорватамъ. Мало того: въ венгерскомъ сеймѣ до окончательнаго разрыва съ династіей Габсбурговъ готовы были даже помочь австрійскому правительству въ дѣлѣ усмиренія ломбардо-венеціанскихъ мятежниковъ. Солидарность народовъ, которую проповѣдовали демократы, оказалась, такимъ образомъ, въ 1848 г. простою мечтою, разрушившеюся при первомъ соприкосновеніи съ дѣйствительностью.

Независимо отъ дѣйствія національнаго инстинкта здѣсь обнаруживалось еще вліяніе очень большой неравномѣрности въ соціальномъ и культурномъ развитіи отдѣльныхъ народовъ. Напримѣръ, большинство венгер-

скаго сейма было проникнуто такими идеями, которыя совершенно не мирились съ демократическими стремленіями у другихъ народовъ, сочувствовавшихъ, однако, венгерской революціи.

5. Другая особенность кризиса 1848 г. въ политическомъ отношеніи, это—его республиканскій характеръ, хотя данная черта и не можетъ считаться повсемѣстной. Въ эту эпоху республика установилась не въ одной Франціи, но республиканскія попытки дѣлались также и въ другихъ странахъ. Во-первыхъ, это можно сказать о Италіи, гдѣ была цѣлая партія, стремившаяся къ политическому перевороту на началахъ народовластія и расчитывавшая при этомъ на помощь Франціи, перестроившей свой государственный бытъ на строго демократическомъ принципѣ. Въ 1848 г., пользуясь общимъ движеніемъ противъ Австріи, Венеція провозгласила у себя республику, а въ слѣдующемъ году ея примѣру послѣдовали Римъ и Тоскана, но эти республики имѣли, какъ извѣстно, эфемерное существованіе. Въ Германіи, равнымъ образомъ, сформировалась республиканская партія, и уже въ подготовительномъ франкфуртскомъ собраніи были отдѣльные политическіе дѣятели, думавшіе объ учрежденіи въ Германіи республики. Въ Баденѣ даже произошло—потерпѣвшее, впрочемъ, неудачу—республиканское возстаніе, въ которомъ приняли участіе вмѣстѣ съ нѣмецкими эмигрантами французскіе и польскіе демократы. Было республиканское меньшинство и въ самомъ франкфуртскомъ парламентѣ, да и сама конституція 1849 г., бывшая, какъ извѣстно, монархическою, отличалась все-таки большимъ демократизмомъ. Когда обнаружилось, что изъ переустройства Германіи на новыхъ началахъ ничего не выйдетъ, въ разныхъ мѣстахъ сдѣланы были новыя попытки республиканскихъ возстаній,—

такъ называемая „майская революція“ въ Саксоніи и въ юго-западной Германіи (1849). Наконецъ, и въ Венгріи сеймъ объявилъ Габсбурговъ лишенными короны св. Стефана. и страна была провозглашена самостоятельнымъ государствомъ съ народнымъ управленіемъ.

6. Сила революціоннаго движенія 1848 г. заключалась въ томъ, что первоначально въ немъ принимали одинаково участіе и буржуазія, и народъ, т.-е. городскіе рабочіе, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и крестьяне. Именно крестьянское движеніе было болѣе или менѣе значительно въ тѣхъ странахъ, гдѣ еще не были ликвидированы феодально-крѣпостническія отношенія, отмѣны которыхъ одинаково требовала притомъ и либеральная буржуазія. Когда, однако, главныя крестьянскія желанія были удовлетворены, деревенское населеніе стало отставать отъ общаго движенія и даже начало играть роль одной изъ важныхъ опоръ послѣдовавшей вскорѣ реакціи. Болѣе значительнымъ и рѣзкимъ было участіе въ движеніи со стороны городскихъ рабочихъ, которые уже предъявляли требованія соціальнаго характера. Послѣднія не только не находили сочувствія и поддержки въ буржуазіи, но даже прямо пугали ее, заставляли и ее искать сближенія съ побѣжденными правительствами или вообще поддерживать консервативную политику. Въ этомъ разъединеніи общественныхъ силъ, дѣйствовавшихъ сначала единодушно, заключается и основная причина того, что главныя идеи 1848 г. не нашли осуществленія въ жизни.

Установленіе республики во Франціи въ концѣ февраля 1848 г. сопровождалось рядомъ демократическихъ манифестацій, главнымъ же лозунгомъ народныхъ волненій, не прекращавшихся и въ слѣдующихъ мѣсяцахъ, сдѣлалось „право на трудъ“, требованіе чисто-соціаль-

наго характера. Вообще первые мѣсяцы второй республики во Франціи были временемъ наибольшаго,—во всю эту эпоху,—развитія соціализма, которое сильно напугало буржуазію и къ которому не менѣе враждебно отнеслась также крестьянская масса, боявшаяся, что рабочіе пожелаютъ произвести раздѣлъ земель. Выборы въ учредительное собраніе дали большинство, непріязненное стремленіямъ пролетаріата, и вскорѣ противъ рабочихъ началась борьба, которая привела къ катастрофѣ, извѣстной подъ названіемъ „іюнскихъ дней", когда на улицахъ Парижа произошло кровавое подавленіе войсками республики рабочаго возстанія. Побѣда буржуазіи надъ пролетаріатомъ въ концѣ іюня 1848 г. открыла собою эпоху внутренней реакціи, которая, собственно говоря, не могла не отозваться и на событіяхъ, происходившихъ внѣ самой Франціи.

Аналогичныя явленія во взаимныхъ отношеніяхъ между бюргерствомъ и рабочими наблюдаются въ 1848 г. и въ Германіи. И здѣсь рабочіе приняли съ самаго начала дѣятельное участіе въ революціи вмѣстѣ съ буржуазіей, но и здѣсь народныя волненія съ соціальнымъ характеромъ мало-по-малу склоняли буржуазію къ отпаденію отъ союза съ пролетаріатомъ. Въ германскомъ парламентѣ преобладали бюргерскіе элементы, и даже въ республиканскомъ его меньшинствѣ лишь очень немногіе вносили въ свое политическое міросозерцаніе соціальный оттѣнокъ. Побаиваясь пролетаріата и его соціальныхъ требованій, бюргерство склоняло предержащія власти къ уступчивости по отношенію къ крестьянамъ, которыхъ вмѣстѣ съ тѣмъ оно всячески старалось отвлечь отъ болѣе тѣснаго соединенія съ рабочими. Чѣмъ реакціоннѣе, съ теченіемъ времени, становились нѣмецкіе бюргеры, тѣмъ, наоборотъ, революціоннѣе вы-

ступалъ пролетаріатъ, все болѣе и болѣе искавшій сближенія съ демократической партіей, которая сама имѣла главную поддержку въ мелкомъ мѣщанствѣ. Движеніе продолжалось даже тогда, когда реакція побѣждала уже по всей линіи: собирались рабочіе конгрессы, основывался общій рабочій союзъ и т. п., но для дальнѣйшаго развитія этихъ явленій условія были крайне неблагопріятными.

Въ извѣстномъ выигрышѣ послѣ бурнаго 1848 г. оказались лишь крестьяне. Паденіе Наполеона I остановило ликвидацію стараго феодально крѣпостническаго строя, начавшуюся въ эпоху французской революціи. Реакція, наступившая въ 1815 г., пагубно отразилась и на эманципаціи крестьянъ. Только іюльская революція кое-гдѣ подвинула впередъ уже раньше начинавшееся, но пріостановившееся рѣшеніе крестьянскаго вопроса, а кое-гдѣ и впервые поставила его на очередь (напр., въ Саксоніи), къ окончательной же ликвидаціи старыхъ отношеній, унаслѣдованныхъ отъ среднихъ вѣковъ, привелъ центральную Европу именно только 1848 годъ. Въ Пруссіи съ 1807 г., когда здѣсь было уничтожено крѣпостное состояніе, все еще до середины XIX в. существовала въ прежнемъ своемъ объемѣ вотчинная юстиція и полиція, да и дѣло съ выкупомъ крестьянскихъ повинностей шло туго, а въ Австріи до 1848 г. даже ничего серьезнаго и не предпринималось для отмѣны феодально-крѣпостническаго режима: только 1848 годъ принесъ обѣимъ великимъ нѣмецкимъ державамъ уничтоженіе остатковъ средневѣкового помѣщичьяго режима.

7. Исходъ кризиса 1848 г., т.-е. наступленіе общей реакціи, объясняется изъ всего предыдущаго. Парижскіе іюньскіе дни были началомъ конца второй республики, ибо результатомъ побѣды буржуазіи надъ пролетаріатомъ

была репрессія по отношенію ко всѣмъ демократическимъ элементамъ націи, а въ концѣ 1848 г. президентомъ республики сдѣлался, по всенародному избранію, принцъ Людовикъ-Наполеонъ Бонапартъ, наслѣдникъ традицій и притязаній первой имперіи. Въ Германіи движеніе продолжалось еще нѣкоторое время, но и здѣсь ему готовился близкій конецъ. Австрійская монархія, повидимому, распадавшаяся на составныя части, выходила постепенно изъ своего затруднительнаго положенія, опираясь на междуплеменной антагонизмъ своего населенія и силою оружія подавляя непокорныхъ: въ апрѣлѣ 1848 г. былъ усмиренъ Краковъ, въ іюнѣ — побѣждена Прага, въ іюлѣ была отвоевана Ломбардія, а въ октябрѣ пала и мятежная столица имперіи, Вѣна. Въ началѣ 1849 г. былъ распущенъ и собранный для выработки конституціи государственный сеймъ, въ которомъ оказалось очень труднымъ столковаться отдѣльнымъ національностямъ Австріи. Правда, правительство объявило свою конституцію, но лишь для того, чтобы ее почти сейчасъ же и отмѣнить. Вскорѣ за октябрьскимъ подавленіемъ революціи въ Вѣнѣ послѣдовало и подавленіе революціи въ Берлинѣ, именно въ началѣ ноября 1848 г. И здѣсь національное собраніе было распущено, но конституцію Пруссія все-таки отъ своего короля получила (1850). Наконецъ, весною и лѣтомъ 1849 г. были подавлены демократическія и республиканскія вспышки во второстепенныхъ государствахъ Германіи, и тогда же насильственно были окончены дни франкфуртскаго парламента, задавшагося-было цѣлью объединить Германію при помощи общей имперской конституціи.

Въ Венгріи и въ Италія революція была побѣждена въ 1849 г. Въ первой изъ этихъ странъ Австріа справилась съ мятежными подданными, лишь благодаря рус-

ской арміи, пришедшей къ ней на помощь: въ августѣ произошла сдача главныхъ силъ венгерскихъ русскому полководцу, и Венгрія должна была подчиниться безусловно законному правительству. Въ Италіи репрессія началась еще раньше—съ мая 1848 г. Уже лѣтомъ этого года австрійцы были снова господами Ломбардіи, которой суждено было потерпѣть потомъ и новую неудачу весною слѣдующаго года. Въ Средней Италіи еще держались нѣкоторое время республики—въ Тосканѣ и въ Римѣ, но и онѣ были отмѣнены, причемъ задача уничтоженія республики въ Римѣ выпала на долю Франціи, въ которой реакція все сильнѣе и сильнѣе пускала корни. Во всей Италіи былъ возстановленъ прежній абсолютизмъ, кромѣ одного лишь Сардинскаго королевства, сохранившаго (даже послѣ своего пораженія въ борьбѣ съ Австріей) ту конституцію, которую получило въ 1848 г.

XIII. Общій взглядъ на реакцію пятидесятыхъ годовъ XIX вѣка [1]).

1. Повсемѣстная побѣда консервативныхъ силъ около 1850 г.—2. Роль второй французской имперіи въ эту эпоху. — 3. Реакція въ Германіи и въ Италіи.—4. Клерикальная окраска реакціи пятидесятыхъ годовъ.

---

1. Пятидесятые годы на Западѣ были эпохой общей реакціи, во многомъ напоминающей реакцію послѣ 1815 г.

---

[1]) Исторія Западной Европы въ новое время, томъ V, гл. 25 (Общая реакція пятидесятыхъ годовъ).

— Для элементарныхъ фактическихъ справокъ „Учебная книга новой исторіи“: § 316. Международныя отношенія въ серединѣ XIX в.— § 320. Преобладаніе Франціи.—§ 325. Германія въ пятидесятыхъ годахъ.—§ 334. Внутренній бытъ Франціи при Наполеонѣ III.

Къ 1850 г. революція была повсемѣстно побѣждена—во Франціи, въ Италіи, въ Австріи съ ея нѣмецкими и не-нѣмецкими землями, въ Пруссіи, во всей остальной Германіи. Великія цѣли, которыя поставилъ себѣ 1848 годъ, не осуществились, и вездѣ,—гдѣ и какъ только оказывалось возможнымъ,—возстановлялись прежніе порядки и отношенія. Побѣда была повсемѣстно на сторонѣ консервативныхъ силъ. Отдѣльныя правительства выступили съ репрессивными мѣрами и противъ политическихъ движеній съ ихъ демократизмомъ (а иногда и республиканизмомъ), и противъ соціальныхъ стремленій, волновавшихъ городской пролетаріатъ, и противъ, наконецъ, стремленій національныхъ, осуществленіе которыхъ противорѣчило консервативной политикѣ поддержанія трактатовъ 1815 г. Двѣ большія націи—нѣмецкая и итальянская—остались, послѣ всѣхъ бурь 1848—49 гг., въ томъ положеніи, въ какое ихъ поставилъ вѣнскій конгрессъ, т.-е. остались раздробленными и обезсиленными, но зато восторжествовалъ принципъ легитимизма, который игралъ такую видную роль и въ эпоху первой общей реакціи XIX в. Политическое движеніе предыдущаго періода разрѣшилось установленіемъ во Франціи наполеоновскаго цезаризма, возвращеніемъ Австріи къ абсолютизму, возвращеніемъ къ нему и всей Италіи, и изъ новыхъ конституцій, которыя были обязаны своимъ происхожденіемъ 1848 году, удержались только сардинская да прусская, обѣ, однако, отразившія на себѣ послѣдовавшую затѣмъ реакцію. Политическій радикализмъ и соціализмъ, игравшіе столь видную роль въ событіяхъ 1848 года, сблизили съ правительственной реакціей имущіе классы общества, и консервативная политика, которая отсюда вытекала, въ свою очередь, мѣшала разрѣшенію національныхъ задачъ, поставленныхъ все тѣмъ же 1848 го-

домъ. Реакція пятидесятыхъ годовъ, какъ и реакція послѣ 1815 г., была и правительственною, и общественною, тогда какъ реакція послѣ 1830 г. главнымъ образомъ только правительственною, и какъ представители власти, такъ и общество объединялись общею борьбою противъ „враговъ собственности, порядка и религіи", какъ принято было тогда выражаться о побѣжденномъ лагерѣ. Вся задача консервативной политики опредѣлялась затѣмъ единственно желаніемъ консолидировать побѣду и предостеречь государство и общественный строй отъ повторенія страшнаго 1848 года.

2. Какъ прежде во главѣ революціоннаго движенія, такъ теперь и во главѣ движенія репрессивнаго стояла Франція. Новое правительство, въ челѣ котораго сталъ наслѣдникъ цезаристической традиціи первой имперіи, главную опору свою полагало въ двухъ силахъ—въ арміи и въ духовенствѣ. И въ самой Франціи, равно какъ и внѣ ея, сначала не вѣрили въ прочность этого правительства и опасались возобновленія революціи со всѣми ея опасными для внутренняго порядка и внѣшняго мира послѣдствіями, когда же принцъ-президентъ республики произвелъ свой знаменитый государственный переворотъ 2 декабря 1851 г. и особенно послѣ того, какъ годъ спустя новая власть, явившаяся результатомъ этого переворота, возстановила во Франціи монархическое правленіе, консервативные элементы общества не въ одной Франціи почувствовали себя вполнѣ обезпеченными противъ демагогическихъ замысловъ, хотя бы, съ другой стороны, и было опасеніе, что возобновленіе наполеоновскихъ традицій во Франціи станетъ угрозой международному миру и прочности трактатовъ 1815 г. Какъ бы тамъ ни было, новый французскій властелинъ являлся въ глазахъ реакціонно настроенныхъ политическихъ круговъ „спасителемъ общества", глав-

нымъ оплотомъ противъ революціи. Вотъ почему государственный переворотъ 1851 г. привѣтствовался отдѣльными правительствами, какъ событіе, необыкновенно счастливое. Внутри Франціи оно знаменовало полную побѣду реакціонныхъ силъ націи, къ совершенному паденію политической свободы въ этой странѣ,—свободы, которая, какъ-никакъ, все-таки была обезпечена и въ эпоху реставраціи, и при іюльской монархіи. Вторая имперія почти сразу заняла въ Европѣ позицію державы, задающей тонъ политической жизни, особенно послѣ того, какъ съ успѣхомъ для себя, въ эпоху восточной войны 1853—56 гг., возобновила военную политику первой имперіи.

3. Въ числѣ государствъ, съ особенною радостью привѣтствовавшихъ наполеоновскій государственный переворотъ, одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежало Австріи. Уже въ послѣдніе годы іюльской монархіи во Франціи и меттерниховскаго режима въ Австріи между правительствами обѣихъ странъ установилась, какъ мы видѣли, солидарность въ дѣлѣ противодѣйствія демократическимъ движеніямъ въ сосѣднихъ странахъ. 1848 годъ разстроилъ этотъ союзъ, но едва въ слѣдующемъ году реакція успѣла съ достаточною ясностью обнаружить свою силу, какъ именно совокупнымъ мѣропріятіямъ французскаго и австрійскаго правительствъ удалось подавить революцію въ Италіи. Это возвратило Австріи ея прежнее положеніе въ Италіи, созданное вѣнскимъ конгрессомъ, какъ одновременно вернулось и преобладаніе Австріи въ Германіи, созданное тѣмъ же конгрессомъ. Въ послѣднемъ отношеніи существенную помощь вѣнскій дворъ получилъ отъ Россіи, которая не только возвратила подъ власть династіи Габсбурговъ мятежную Венгрію, но и подчинила политическимъ видамъ вѣнскаго правительства Пруссію, мечтавшую играть въ Германіи болѣе самостоя-

тельную роль въ ущербъ прежнему положенію Австріи. Побѣда реакціи въ Германіи и въ Италіи въ духѣ старыхъ австрійскихъ традицій была по всей линіи, причемъ лозунгомъ репрессіи въ Германіи было возвращеніе по возможности къ „до-мартовскимъ" порядкамъ. Однимъ изъ признаковъ этой побѣды было усиленіе эмиграціи политическихъ дѣятелей предыдущаго періода и вообще недовольныхъ реакціоннымъ направленіемъ внутренней политики какъ изъ Италіи, такъ и изъ Германіи. Не всѣмъ изгнанникамъ удавалось, вдобавокъ, найти пріютъ въ Швейцаріи или въ Бельгіи, и только Англія давала всѣмъ бѣглецамъ безопасное убѣжище, а многіе уѣзжали даже въ Америку. Въ этой эмиграціи участвовали также многочисленные представители побѣжденныхъ партій и изъ Франціи, и изъ Венгріи, и изъ Польши и т. п., но въ общемъ политическіе выходцы въ теченіе всѣхъ пятидесятыхъ годовъ были обречены на вынужденное бездѣйствіе, такъ какъ положеніе дѣлъ повсемѣстно было крайне неблагопріятнымъ для какихъ бы то ни было новыхъ предпріятій. Тѣмъ не менѣе и въ Италіи, и въ Германіи все-таки исподволь подготовлялось національное объединеніе, и то обстоятельство, что въ первой Сардинія, во второй Пруссія не отмѣнили у себя, какъ это дѣлалось въ другихъ мѣстахъ, введенныя въ 1848—50 гг. конституціи, уже опредѣляло будущую роль обоихъ государствъ въ дѣлѣ итальянскаго и германскаго объединенія.

4. Политическая и тѣсно съ нею соединявшаяся соціальная реакція 50-тыхъ годовъ, имѣвшая въ однихъ случаяхъ характеръ феодальный, въ другихъ—буржуазный, приняла еще повсемѣстно рѣзкую клерикальную окраску и притомъ одинаково, какъ въ католическихъ, такъ и въ протестантскихъ странахъ,—больше, конечно, въ католическихъ, меньше въ протестантскихъ. Въ первой по-

ловинѣ XIX в. въ самомъ католицизмѣ обнаруживались нѣкоторыя новыя стремленія подъ вліяніемъ не только либерализма и демократическихъ движеній эпохи, но даже и соціализма. Съ другой стороны, и въ революціи 1848 г. видную роль играли принципы невмѣшательства духовной власти въ свѣтскія дѣла и свободы церкви отъ государственной опеки. Послѣ подавленія революціи католицизмъ, очистившись отъ постороннихъ примѣсей, возвратился къ традиціямъ строгой реакціи, и какъ правительства, такъ и господствующіе классы стали смотрѣть на церковь, какъ на самую прочную опору консервативныхъ интересовъ. Папа Пій IX, который въ годы, непосредственно предшествовавшіе революціи, съумѣлъ возбудить либеральныя надежды, сдѣлался послѣ 1848 г. отчаяннымъ реакціонеромъ. Революція лишила его на время свѣтской власти, реакція ему ее вернула, и онъ, не ограничившись возстановленіемъ прежнихъ порядковъ въ Папской области, занялся реставраціей и духовнаго владычества надъ свѣтскимъ обществомъ, объявивъ настоящую войну всему духу новѣйшаго времени. Настроеніе правительствъ и правящихъ классовъ послѣ 1848 г. тоже представляло собою благопріятную почву для реставраціи католицизма въ его чисто средневѣковыхъ преданіяхъ и проявленіяхъ. Папская энциклика 1849 г. рекомендовала видѣть въ духовной власти папы спасительницу отъ всякихъ революцій, особенно же отъ пагубныхъ ученій соціализма и коммунизма. Черезъ пять лѣтъ личною своею властью Пій IX провозгласилъ новый догматъ католической церкви. Это направленіе продолжалось и въ шестидесятыхъ годахъ, въ знаменитомъ „Силлабусѣ“ (1864), осуждавшемъ всю новую европейскую цивилизацію во имя чисто средневѣковыхъ началъ, и въ провозглашеніи папской непогрѣшимости на ватиканскомъ

соборѣ 1869—70 г. Никогда въ теченіе всего XIX в. католицизмъ не занималъ такой боевой позиціи, какъ въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ, и даже послѣ 1814 г. онъ не выступалъ такъ рѣзко противъ всѣхъ пріобрѣтеній человѣческой мысли и общественной жизни съ конца среднихъ вѣковъ. Это—одна изъ характернѣйшихъ чертъ реакціи, наступившей послѣ 1848 г.

На силу клерикальной реакціи въ пятидесятыхъ годахъ указываютъ и многіе акты законодательства въ разныхъ странахъ. Въ 1850 г. французское законодательное собраніе признало законъ, отдававшій въ руки духовенства народное образованіе въ странѣ, къ чему клерикалы тщетно стремились при конституціонной монархіи. Въ 1851 г. курія заключила конкордатъ съ Испаніей, формально запрещавшій въ послѣдней всякую иную религію, кромѣ католической, тоже отдававшій народное образованіе во власть клира и поручавшій ему надзоръ за изданіемъ, ввозомъ и обращеніемъ, вредныхъ книгъ. Особый интересъ представляетъ австрійскій конкордатъ 1855 г. Отношенія между государствомъ и церковью опредѣлялись въ монархіи Габсбурговъ законодательствомъ, наиболѣе существенныя черты котораго вели свое происхожденіе изъ эпохи просвѣщеннаго абсолютизма, когда государство стремилось всячески стѣснять курію и клиръ; такъ было вообще до 1848 г., даже при Меттернихѣ. Ища союзниковъ въ борьбѣ съ либерализмомъ и съ національными стремленіями подданныхъ, австрійское правительство рѣшилось идти на уступки по отношенію къ папству и къ мѣстному духовенству, и послѣдніе слѣды церковнаго законодательства Іосифа II, проникнутаго идеями просвѣщеннаго абсолютизма, были принесены въ жертву потребностямъ реакціонной политики. Школа и печать такимъ образомъ и здѣсь были

отданы подъ опеку духовенства. Папству удалось даже добиться разныхъ уступокъ въ пользу католической церкви въ протестантскихъ странахъ — въ Англіи, въ Нидерландскомъ королевствѣ и особенно въ Пруссіи, гдѣ въ предыдущемъ періодѣ правительство, наоборотъ, особенно энергично отстаивало свѣтское законодательство отъ притязаній католическаго духовенства.

Реакціонный католицизмъ середины XIX в. нашелъ отголоски и въ протестантскомъ мірѣ, гдѣ уже раньше намѣчалось теологическое направленіе, крайне враждебное всѣмъ прогрессивнымъ идеямъ. Протестантскія правительства стали оказывать ему всякое покровительство и содѣйствіе, но это не мѣшало крайнимъ представителямъ протестантскаго клерикализма становиться на сторону католической іерархіи, когда она приходила въ столкновеніе съ государственною властью, отнюдь не поддерживать послѣднюю. Послѣ 1848 г. протестантское духовенство какъ бы прямо пошло по стопамъ католическаго клира съ цѣлью подчинить своему вліянію и правительственную власть, и свѣтское общество. Въ Пруссіи, напр., всѣ низшія школы въ 1854 г. получили строго вѣроисповѣдный характеръ и были подчинены бдительному надзору духовенства.

Политическія теоріи реакціи также были проникнуты строго теологическимъ характеромъ, противополагая человѣческой волѣ, какъ источнику всякихъ революцій, волю божественную, требующую ненарушимости разъ установленнаго порядка.

XIV. Оживленіе политическихъ и соціальныхъ стремленій въ шестидесятыхъ годахъ XIX вѣка [1]).

1. Конецъ остраго періода реакціи. — 2. Конституціонныя движенія въ шестидесятыхъ годахъ.—3. Одновременное возрожденіе соціальнаго движенія въ Англіи, во Франціи и въ Германіи.—4. Попытка внесенія международности въ это движеніе.

1. Концомъ остраго періода реакціи, вызванной революціонной бурей 1848 г., нужно считать 1859 годъ, а въ шестидесятыхъ годахъ XIX в. уже происходитъ оживленіе политическихъ и соціальныхъ стремленій, хотя и въ болѣе умѣренныхъ формахъ, нежели въ исходѣ сороковыхъ годовъ.

Въ 1858 г. Франція заключила союзъ съ Сардиніей противъ Австріи, результатомъ котораго была война 1859 г., положившая начало объединенію Италіи. Съ одной стороны, этотъ союзъ разссорилъ французское правительство съ духовенствомъ, которое относилось неблагосклонно къ итальянскому національному движенію, какъ къ заключавшему въ себѣ опасность для свѣтской власти папы [2]), и какъ къ порожденію революціи, а ссора эта, въ свою очередь, мало-по-малу должна была принудить французскаго императора искать иныхъ опоръ въ обществѣ, помимо духовенства. Съ другой стороны, разгромъ Австріи въ войнѣ 1859 г., приведшій къ потерѣ Ломбардіи, заставилъ вѣнское правительство подумать о

[1]) Исторія Западной Европы въ новое время, томъ V, гл. 31 (Соціальное движеніе пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ).

[2]) Въ составъ объединенной Италіи, дѣйствительно, вошла часть папскихъ владѣній.

внутреннихъ реформахъ, безъ которыхъ габсбургская монархія должна была, такъ сказать, катиться по наклонной плоскости къ полному упадку. Въ одно время съ этимъ наступила „новая эра“ и въ Пруссіи съ переходомъ власти къ принцу-регенту за душевною болѣзнью короля Фридриха-Вильгельма IV. Такимъ образомъ въ четырехъ большихъ странахъ европейскаго контитента, т.-е. во Франціи и въ Италіи, въ Австріи и въ Пруссіи произошли нѣкоторыя перемѣны, которыя знаменовали наступленіе новой эпохи послѣ господства безпросвѣтной реакціи пятидесятыхъ годовъ. Сами правительства взялись теперь за разрѣшеніе политическихъ и національныхъ задачъ, поставленныхъ народными движеніями 1848 г., съ тою только разницею, что для достиженія своихъ цѣлей стали искать опоры не въ демократіи, а въ умѣренномъ либерализмѣ. Отношеніе правительствъ къ демократіи оставалось попрежнему неблагосклоннымъ, подозрительнымъ, хотя и обращеніе къ либерализму тоже не обозначало собою полнаго отказа отъ реакціи. Во всякомъ случаѣ, однако, это уже не была прежняя политика полнаго игнорированія общественныхъ требованій и безусловно упорнаго подавленія всѣхъ новыхъ стремленій. На первыхъ порахъ оживленіе политическихъ и соціальныхъ движеній едва давало себя сколько-нибудь замѣтно знать, но и этого было достаточно, чтобы демократическія партіи, побитыя въ 1848—49 гг., тоже начали выходить изъ того состоянія бездѣйствія, на какое были обречены успѣхами реакціи въ началѣ пятидесятыхъ годовъ. Соціальный вопросъ, считавшійся похороненнымъ въ пятидесятыхъ годахъ, тоже мало-по-малу сдѣлался предметомъ общественнаго вниманія. Въ исторіи общественнаго развитія Западной Европы пятидесятые годы были, собственно говоря, эпохою передышки послѣ на-

пряженной дѣятельности предшествовавшаго періода, и вотъ въ 1859 г. прерванная работа какъ бы снова начиналась, только не съ такимъ широкимъ идейнымъ захватомъ, какимъ отличаются тридцатые и особенно сороковые годы. Собственно, въ шестидесятыхъ годахъ на Западѣ мы не наблюдаемъ появленія какихъ-либо новыхъ творческихъ началъ,—ими обильны были именно тридцатые и сороковые годы,—но все-таки кое-что изъ того, что въ 1848 г. оказалось несбыточною мечтою, стало теперь входить въ жизнь, хотя бы и въ сильно урѣзанномъ, искаженномъ видѣ.

2. Шестидесятые годы съ концомъ предыдущаго и началомъ слѣдующаго десятилѣтій (1859—1871) были временемъ объединенія Италіи и Германіи, о чемъ у насъ будетъ еще идти рѣчь впереди. Здѣсь нужно только отмѣтить, что въ обоихъ случаяхъ національное объединеніе совершалось въ конституціонныхъ формахъ. Реакція пятидесятыхъ годовъ была крайне неблагопріятна для конституціонныхъ перемѣнъ; совсѣмъ уже другое дѣло—шестидесятые годы. Сардинія, взявшая на себя роль объединительницы Италіи, одна изъ всѣхъ итальянскихъ государствъ, сохранила у себя конституцію, которую получила въ 1848 г., да и вообще придерживалась болѣе либеральной политики, въ культурномъ отношеніи характеризующейся противодѣйствіемъ клерикализму, въ экономическомъ—подражаніемъ Англіи съ ея широкимъ и свободнымъ развитіемъ промышленности. Когда въ началѣ шестидесятыхъ годовъ бо̀льшая часть Италіи объединилась подъ властью Савойскаго дома, царствовавшаго въ Сардиніи, конституція, утвердившаяся въ послѣдней, распространилась и на другія области Италіи, какія только вошли въ составъ новаго королевства.

Объединительное движеніе въ Германіи тоже было

связано съ введеніемъ конституціонныхъ реформъ, хотя дѣло шло не безъ колебаній и отклоненій въ сторону. Въ 1848—49 гг. объединенная Германія рисовалась патріотамъ не иначе, какъ съ имперской конституціей, выработанной франкфуртскимъ парламентомъ, но затѣмъ совершилось возстановленіе прежняго Германскаго союза, и нѣмецкая конституція 1849 г. сдѣлалась лишь символомъ либеральныхъ стремленій, едва осмѣливавшихся проявляться въ пятидесятыхъ годахъ, но рѣзко выступившихъ на сцену въ шестидесятыхъ. Роль Сардиніи по отношенію къ Италіи взяла на себя здѣсь Пруссія, подобно Сардиніи сохранившая конституцію, которая и въ ней была наслѣдствомъ революціонной бури 1848 г. (хотя издана она была въ 1850 г.). Знаменательно, однако, что, готовясь выступить въ роли объединительницы Германіи, Пруссія у себя дома переживала пору рѣзкаго конфликта между правительствомъ и народнымъ представительствомъ,—періодъ цѣлаго ряда нарушеній конституціи представителями государственной власти. Въ концѣ концовъ конституція все-таки удержалась, а когда Пруссія совершила объединеніе подъ своею гегемоніей всей сѣверной Германіи въ формѣ особаго союза, то онъ получилъ конституцію, гораздо болѣе либеральную и демократическую, чѣмъ та, которая была въ самой Пруссіи. Это было въ 1867 г., а въ 1871 г. конституція Сѣверо-Германскаго союза сдѣлалась конституціей и теперешней Германской имперіи.

Австрія, выбитая въ 1859 и 1866 гг. и изъ Италіи, и изъ Германіи, равнымъ образомъ въ эту же эпоху перешла къ политической свободѣ. Уже въ 1860 г. она получила конституцію, но потомъ, правда, наступилъ періодъ колебаній, и только въ 1867 г. въ монархіи Габсбурговъ, превратившейся тогда въ нынѣшнюю Австро-

Венгрію, упрочилась та конституція, на основаніи которой дуалистическая монархія управляется и доселѣ.

Для большей полноты обзора отмѣтимъ, что и въ наполеоновской Франціи съ 1860 г. начались конституціонныя измѣненія, которыя подъ конецъ привели къ опыту съ такъ называемой „либеральной имперіей". Опытъ оказался неудачнымъ, но и его нужно поставить на счетъ шестидесятыхъ годовъ, какъ эпохи оживленія въ Западной Европѣ политической свободы. Въ исходѣ этого же десятилѣтія и Англія произвела свою вторую парламентскую реформу послѣ тридцати пятилѣтняго перерыва, въ теченіе котораго никакія усилія болѣе либеральныхъ дѣятелей и въ особенности демократической партіи не могли заставить правящіе классы внести новыя измѣненія въ порядокъ, созданный реформой 1832 г.

Исполненіе шестидесятыхъ годовъ далеко отставало отъ замысловъ сороковыхъ. Сравнительно съ эпохою іюльской монархіи политическій режимъ Франціи шестидесятыхъ годовъ былъ даже шагомъ назадъ. Германская конституція 1849 г. тоже не была вполнѣ достигнута ни союзнымъ устройствомъ 1867 г., ни имперскимъ устройствомъ 1871 г. Наконецъ, и парламентская реформа 1867 г. въ Англіи далеко не осуществляла требованій, заявлявшихся чартистами еще въ концѣ тридцатыхъ и въ началѣ сороковыхъ годовъ. Все это такъ, но стòитъ только сопоставить шестидесятые годы съ пятидесятыми, и тогда выводъ получится другой.

3. Особенно, въ послѣднемъ отношеніи, значеніе шестидесятыхъ годовъ въ исторіи Западной Европы выясняется при самомъ даже бѣгломъ взглядѣ на судьбы соціальнаго движенія. Въ 1848 г. оно болѣе всего напугало буржуазію, которая стала искать спасенія въ сильной власти

противъ соціальнаго переворота, и съ своей стороны, правительства, вообще враждебно относившіяся къ какимъ бы то ни было политическимъ движеніямъ, принимали особенно строгія мѣры противъ соціализма и рабочихъ организацій. Успѣхъ въ борьбѣ съ ними былъ, повидимому, полный, и нѣкоторые даже говорили, что соціализмъ скончался и что вспоминать его можно лишь на заупокойныхъ о немъ службахъ. Такъ прошли пятидесятые годы, и потому, когда въ шестидесятыхъ годахъ произошло возрожденіе соціализма, это явленіе многими было принято за фактъ совершенно новый. Среди самихъ соціалистовъ въ пятидесятыхъ годахъ образовался взглядъ, весьма неблагопріятный для мысли о возобновленіи соціальнаго движенія: по этому взгляду, причиною революціи 1848 г. былъ всемірный торговый кризисъ 1847 г., причиною реакціи — наступившее затѣмъ процвѣтаніе промышленности, прекратившее острыя бѣдствія пролетаріата. Нельзя утвердительно сказать, чтобы объясненіе было исчерпывающе вѣрнымъ,—какъ трудно къ аналогической же причинѣ свести цѣликомъ и переломъ въ европейской политикѣ, имѣвшій мѣсто въ 1859 г.,—но во всякомъ случаѣ оно подрывало вѣру многихъ если не въ свои идеи, то, по крайней мѣрѣ, въ возможность скораго ихъ осуществленія. Остальное сдѣлали преслѣдованія, запрещенія всякихъ собраній и союзовъ рабочихъ и самыя суровыя мѣры противъ проповѣди соціальныхъ идей въ печати.

Одновременно съ политическими движеніями оживилось въ шестидесятыхъ годахъ и соціальное, получившее въ разныхъ странахъ разный характеръ, хотя, съ другой стороны, нѣкоторыя страны въ шестидесятыхъ годахъ имъ не были еще затронуты, наприм., Италія. (Конечно, объясненія этого послѣдняго факта слѣдуетъ

искать вообще въ слабомъ промышленномъ развитіи подобныхъ странъ). Разсмотримъ вкратцѣ соціальное движеніе шестидесятыхъ годовъ въ Англіи, во Франціи и въ Германіи.

Послѣ неудачи, постигшей чартистскую агитацію, англійскій пролетаріатъ прекратилъ свои революціонныя попытки. Главною причиною этого было улучшеніе матеріальнаго быта рабочихъ Англіи, которое само являлось результатомъ промышленной монополіи, доставшейся въ удѣлъ этому государству. Англія въ своемъ экономическомъ развитіи страшно обогнала всѣ другія страны и заполонила своими товарами всѣ рынки, такъ что конкуррировать съ нею никому не было подъ силу. Въ 1846 г. изъ Англіи вывозилось товаровъ на сумму, ни въ коемъ случаѣ не превышавшую 60 милліоновъ фунтовъ; къ 1856 г. эта цифра уже почти вдвое стала большей (около 115 милліоновъ), а къ 1866 г. даже болѣе, чѣмъ утроилась (около 190 милліоновъ). Были, кромѣ господства страны на внѣшнихъ рынкахъ, и другія причины улучшенія быта англійскихъ рабочихъ (наприм., фабричное законодательство), но отъ какихъ бы причинъ оно ни происходило, оно вносило успокоеніе въ народную массу. Отсюда—стремленіе въ дальнѣйшемъ улучшать свое положеніе въ рамкахъ современнаго капиталистическаго хозяйства, разъ оно обезпечиваетъ хорошій заработокъ, именно путемъ самопомощи и профессіональныхъ союзовъ. Предприниматели, съ своей стороны, поняли выгоду и для себя въ этомъ кооперативномъ движеніи, увидѣвъ въ рабочихъ союзахъ лучшую охрану противъ революціонныхъ попытокъ и понявъ, что полюбовное разбирательство споровъ между предпринимателями и рабочими можетъ предотвращать гибельныя для промышленности стачки. Все это дѣлало

въ Англіи популярною идею „соціальнаго мира“, могущаго прекратить классовую борьбу. Эпохой выработки рабочихъ союзовъ были еще пятидесятые годы, а въ шестидесятыхъ началось ихъ объединеніе въ болѣе широкія организаціи. Англійскій „трэдъ-юніонизмъ“, какъ его называютъ, былъ вообще проникнутъ идеями либеральной буржуазіи о полной свободѣ рабочаго договора и о невмѣшательствѣ государства въ отношенія капитала и труда и вмѣстѣ съ тѣмъ далеко держался отъ всякой политики. Въ теоріи, однако, ученіе о государственномъ невмѣшательствѣ въ экономическую жизнь было въ Англіи въ это время уже поколеблено, собственно говоря, еще въ концѣ сороковыхъ годовъ Миллемъ, который, какъ извѣстно, сочеталъ въ своемъ экономическомъ ученіи принципы ортодоксальной школы съ соціалистическими требованіями.

Во Франціи, наоборотъ, все это время безраздѣльно господствовали воззрѣнія какъ-разъ старой экономической школы, и единственнымъ виднымъ писателемъ, нападавшимъ на эти воззрѣнія, былъ Прудонъ. Лишь ему одному равнымъ образомъ удалось въ шестидесятыхъ годахъ оказать значительное вліяніе на французскихъ рабочихъ. Послѣдніе, правда, не всегда его слушались, какъ не послушались, наприм., его совѣта совсѣмъ не голосовать на выборахъ, но его теорія „мутуализма“ производила сильное впечатлѣніе среди пролетаріата,—именно тотъ взглядъ, что взаимный обмѣнъ услугъ долженъ быть добровольнымъ, т.-е. основываться исключительно на обоюдномъ соглашеніи, и что лишь одно такое соглашеніе должно быть основою не только экономической, но и политической организаціи. Мутуализмъ поощрялъ основаніе всякихъ ассоціацій, кассъ, столовыхъ и т. п. и отвлекалъ отъ политики, пока въ самомъ концѣ

второй имперіи не началось во Франціи республиканско-демократическое движеніе, увлекшее мало-по-малу и рабочихъ подъ знамена воинствующаго соціализма.

Въ Англіи и во Франція связующими звеньями между буржуазіей и пролетаріатомъ были чартизмъ и радикализмъ. Въ Германіи такимъ связующимъ звеномъ еще въ 1848 г. былъ республиканизмъ, но онъ былъ совершенно побѣжденъ въ 1849 г., и когда въ странѣ началось общее оживленіе общественной жизни, рабочіе, лишенные всякой связи съ буржуазной демократіей, тотчасъ же основали свою особую политическую партію. Это было въ 1863 г., введеніе же въ 1867 г. въ Сѣверо-Германскомъ союзѣ всеобщаго избирательнаго права дало возможность рабочей партіи получить вполнѣ самостоятельное значеніе въ политической жизни націи, чего мы не видимъ ни въ Англіи, ни во Франціи, гдѣ рабочіе или сторонились отъ политики, или участвовали въ политической жизни лишь въ составѣ радикальной демократіи, объединявшей и буржуазные, и пролетарскіе элементы. Такимъ образомъ въ Германіи одновременно съ національнымъ объединеніемъ совершалось соціальное разъединеніе, — фактъ громадной важности въ исторіи самой нѣмецкой націи, а по своему вліянію въ слѣдующемъ періодѣ равнымъ образомъ и вообще въ исторіи соціальнаго движенія въ ближайшія къ намъ времена. Притомъ германская соціальная демократія въ лицѣ Маркса пріобрѣла въ это время такого крупнаго теоретика, какого не выставило соціальное движеніе ни во Франціи, ни въ Англіи. Настоящимъ организаторомъ рабочей партіи въ Германіи явился, однако, не онъ, а Лассаль, который притомъ придалъ этой партіи чисто національный характеръ, т.-е. ограничивалъ ея дѣятельность одною своею родиною, тогда какъ Марксъ стоялъ

въ этомъ отношеніи на международной, космополитической точкѣ зрѣнія.

4. Въ шестидесятыхъ же годахъ возродилась идея международности соціальной демократіи, уже высказанная въ „Коммунистическомъ Манифестѣ“ 1848 г. Къ этому именно времени относится и возникновеніе Международнаго Общества рабочихъ, болѣе извѣстнаго подъ названіемъ „Интернаціонала“. Иниціатива этой организаціи вышла изъ англійскаго трэдъ-юніонизма, но мыслью, зародившеюся у руководителей англійскихъ рабочихъ союзовъ, воспользовались вожди лондонской политической эмиграціи въ цѣляхъ возобновленія союза коммунистовъ второй половины сороковыхъ годовъ. Сущность дѣла заключалась въ томъ, что, вступая между собою въ общеніе, англійскіе трэдъ-юніоны пришли къ мысли установить солидарность и съ рабочими другихъ странъ для отстаиванія общихъ интересовъ въ борьбѣ съ предпринимателями, безъ всякаго притомъ отношенія къ политикѣ. Пріѣздъ на лондонскую всемірную выставку 1862 г. многихъ рабочихъ изъ Франціи, Бельгіи и Германіи далъ первый толчекъ этому дѣлу, въ которомъ первую роль послѣ англійскихъ трэдъ-юніонистовъ играли французскіе мутуалисты, ибо это былъ періодъ наибольшаго вліянія Прудона среди французскихъ рабочихъ. Очень скоро, однако, къ предпріятію примкнули политическіе эмигранты и между ними прежде всего Мадзини, старый иниціаторъ „Молодой Италіи“, изъ которой когда-то выросла „Молодая Европа“, и Марксъ, уже за пятнадцать лѣтъ передъ тѣмъ совѣтовавшій соединеніе пролетаріевъ всѣхъ странъ. Окончательно Интернаціоналъ организовался въ 1866 г., когда былъ и первый его конгрессъ въ Женевѣ. Съ каждымъ новымъ съѣздомъ эта организація все болѣе и болѣе пріобрѣтала политиче-

скій характеръ, и, между прочимъ, особенно много сторонниковъ нашла она среди французскихъ рабочихъ, которые дѣятельно хлопотали о развитіи ея французскаго отдѣленія. Интернаціоналъ просуществовалъ всего одно десятилѣтіе: прекращенію его содѣйствовали, съ одной стороны, начавшіеся въ немъ внутренніе раздоры, а съ другой, внѣшнія мѣропріятія репрессивнаго характера, особенно послѣ того, какъ ему въ вину поставлено было возстаніе парижскаго пролетаріата въ 1871 г., извѣстное подъ названіемъ „коммуны".

XV. Примѣненіе принципа національностей къ политикѣ въ 1859—1871 гг. [1]).

1. Двѣнадцатилѣтній періодъ войнъ (1859—1871).—2. Французская политика и принципъ національностей.—3. Сходныя черты въ исторіи объединенія Италіи и Германіи.—4. Ходъ итальянскаго объединенія.—5. Ходъ объединенія Германіи.—6. Начало новаго періода въ исторіи Западной Европы послѣ 1870 г.

---

1. Послѣ вѣнскаго конгресса до начала итальянской войны 1859 г. Западная Европа наслаждалась благами международнаго мира, если не считать войнъ за

---

[1]) Исторія Западной Европы въ новое время, томъ V, гл. 27 (Объединеніе Италіи) и 28 (Объединеніе Германіи). См. также гл. 26.

— Для элементарныхъ фактическихъ справокъ „Учебная книга новой исторіи": § 321. Итальянская война. § 322. Наполеонъ III и Германія. § 324. Объединеніе Италіи. § 326. Перемѣны въ Пруссіи и въ Австріи. § 327. Конфликтъ въ Пруссіи. § 328. Датская война. § 329. Австро-прусская война. § 331. Сѣверо-Германскій союзъ. §§ 332. Австро-Венгрія. § 335. Война 1870—71 гг. § 333. Германская имперія.

предѣлами собственно Западной Европы. Эпоха оживленія политическихъ стремленій, наступившая послѣ затишья пятидесятыхъ годовъ, была въ исторіи западныхъ народовъ временемъ большихъ международныхъ войнъ, посредствомъ которыхъ были осуществлены поставленныя движеніемъ 1848 г. задачи объединенія Италіи и Германіи. Это военное время открывается 1859 годомъ и заключается 1871 годомъ, слѣдовательно, охватываетъ двѣнадцать лѣтъ. Въ указанный періодъ произошли именно войны: итальянская, датская, австро-прусская и франко-прусская, и всѣ онѣ повлекли за собою такія территоріальныя измѣненія, которыя совершенно передѣлали прежнюю карту Зап. Европы, какою она вышла изъ рукъ дипломатовъ вѣнскаго конгресса. Главными результатами ихъ были объединеніе Италіи и Германіи. Въ 1859 г. къ Сардинскому королевству была присоединена Ломбардія, а въ 1861 г. изъ этихъ двухъ областей съ присоединеніемъ къ нимъ Тосканы, Пармы, Модены, цѣлой половины Папской области и королевства Обѣихъ Сицилій образовалось теперешнее Итальянское королевство, внѣ котораго оставались только Венеціанская область до 1866 г., да Римъ съ другою частью папскихъ владѣній до 1870 г. Такъ шло объединеніе Италіи, которое потребовало двухъ войнъ съ Австріей— въ 1859 и въ 1866 гг. Начало объединенію Германіи было положено нападеніемъ въ 1864 г. Австріи и Пруссіи на Данію, у которой онѣ отняли Шлезвигъ-Гольштейнъ, но скоро обѣ эти державы разссорились, и результатомъ этого была война между ними, въ которой приняли участіе и другія нѣмецкія государства и которая повлекла за собою распаденіе Германскаго союза, образованіе, вмѣсто него, союза Сѣверо-Германскаго подъ гегемоніей Пруссіи и увеличеніе территоріи послѣд-

ней присоединеніемъ къ ней Шлезвига, Гольштейна, Ганновера, Гессенъ-Касселя, Нассау и вольнаго города Франкфурта-на-Майнѣ. Франко-прусская война 1870—1871 г. завершила объединеніе Германіи превращеніемъ „союза“ въ „имперію“, въ составъ которой вошли тогда и южно-германскія государства (Баварія, Вюртембергъ, Баденъ и Гессенъ-Дармштадтъ), и отнятыя у Франціи двѣ провинціи—Эльзасъ и Лотарингія.

2. Войны 1859—1871 гг. имѣютъ еще ближайшее отношеніе и къ тому международному положенію, которое занимала Франція въ періодъ второй имперіи. При старшей и младшей линіяхъ Бурбоновъ, т.-е. въ 1814—1848 гг. французская внѣшняя политика отличалась въ общемъ миролюбіемъ, но съ возстановленіемъ имперіи въ этомъ отношеніи произошла перемѣна, заключавшаяся въ возвращеніи къ военнымъ традиціямъ наполеонизма. Обстоятельства какъ нельзя болѣе благопріятствовали французскому правительству въ началѣ второй имперіи. Событія 1848 г. обезсилили и Австрію, съ одной стороны, а съ другой—и Пруссію съ Сардиніей, сдѣлавшія извѣстныя, но неудачныя попытки самостоятельной активной политики въ Германіи и Италіи. Въ это же время Англія и Россія,—единственныя двѣ великія державы, не бывшія затронутыми революціоннымъ движеніемъ 1848 г.,—находились въ рѣзкомъ между собою антагонизмѣ изъ-за турецкихъ дѣлъ, и вотъ когда между Россіей и Турціей началась новая война, на сторону второго изъ этихъ государствъ стали и Англія, и Франція, вступившія между собою въ союзъ. Война окончилась въ 1856 г. пораженіемъ Россіи и переходомъ первенствующей роли, какую играла Россія при Николаѣ I, особенно послѣ 1849 г., къ Франціи. Цѣлью своей политики Наполеонъ III поставилъ уничтоженіе унизитель-

ныхъ для Франціи трактатовъ 1815 г., а это ставило его внѣшнюю политику, отличавшуюся своего рода революціонностью, въ противорѣчіе съ политикой внутренней, бывшей рѣзко реакціонною. Именно политическому равновѣсію Европы, основывавшемуся со временъ вѣнскаго конгресса на братскомъ союзѣ легитимныхъ государей, императоръ французовъ въ своихъ мечтахъ противопоставлялъ гармоническое сочетаніе свободныхъ національностей. Объединеніе „латинскихъ расъ" (Италіи, Испаніи и Португалій) подъ гегемоніей Франціи, съ предоставленіемъ возможности устроиться подобнымъ же образомъ германскимъ и славянскимъ „расамъ", было одною изъ любимыхъ фантазій, посѣщавшихъ мечтательный умъ Наполеона III. Въ его планахъ было, однако, много противорѣчиваго, и провозглашенный имъ „принципъ національностей" имъ же самимъ во многихъ случаяхъ отрицался. Тѣмъ не менѣе такая политика не могла не встрѣтить сочувствія почти вездѣ, гдѣ живы были неудовлетворенныя національныя стремленія.

Извѣстно, что объединеніе Италіи произошло при дѣятельной помощи со стороны Франціи. Свою войну съ Австріей, отторгшую отъ послѣдней Ломбардію, Сардинія вела съ Франціей. Правда, за это Сардинія должна была уступить Франціи Савойю и графство Ниццу, но воля жителей обѣихъ областей все-таки при этомъ была спрошена путемъ народнаго голосованія, что̀ вытекало изъ принципа національностей, требовавшаго самоопредѣленія народовъ. Во время войны 1859 г. Наполеонъ III думалъ и о томъ, чтобы снова поднять революцію въ Венгріи, за десять лѣтъ передъ тѣмъ усмиренной русскими войсками. Вскорѣ послѣ этого, далѣе, произошло новое польское возстаніе противъ Россіи, и это дало поводъ императору французовъ, въ качествѣ покровителя стре-

мящихся къ свободѣ національностей, вмѣшаться дипломатическимъ путемъ въ это дѣло. Онъ даже привлекъ въ данномъ случаѣ на свою сторону Англію и Австрію, и лишь положительное нежеланіе послѣднихъ воевать изъ-за Польши предотвратило новую войну Франціи съ Россіей. Какъ въ Италіи имъ поощрялась политика Сардиніи, такъ въ Германіи онъ поддерживалъ Пруссію, стремившуюся къ объединенію нѣмецкихъ государствъ подъ своей гегемоніей. Правда, содѣйствіе образованію въ Италіи единаго королевства и тѣмъ болѣе поглощеніе Германіи Пруссіей не входило въ планы Франціи,—которые сводились лишь къ установленію и въ Италіи, и въ Германіи федеративныхъ связей,—но союзъ Сардиніи и Пруссіи въ войнѣ съ Австріей въ 1866 г. произошелъ при прямомъ участіи Франціи, и лишь ея же вмѣшательство позволило потерпѣвшей неудачу Италіи присоединить къ своимъ владѣніямъ Венеціанскую область въ то время, какъ побѣдоносная Пруссія дѣлалась госпожею всей Сѣверной Германіи, благодаря включенію въ свой составъ однихъ сѣверо-германскихъ государствъ и подчиненію другихъ своей гегемоніи. Такимъ образомъ, объединеніе Италіи совершилось при прямомъ содѣйствіи со стороны Франціи, которая до конца только не соглашалась на занятіе итальянскимъ правительствомъ Рима, да и въ Германіи Франція долго поддерживала Пруссію, пока послѣдняя не окрѣпла настолько, что сама выступила противъ Франціи. Франко-прусская война лишила Францію господствующаго положенія въ Европѣ, которое, впрочемъ, было уже поколеблено въ серединѣ шестидесятыхъ годовъ, благодаря успѣхамъ Пруссіи. Отмѣтимъ еще, что соединеніе въ 1859 г. дунайскихъ княжествъ (Молдавіи и Валахіи) въ единую Румынію, совершившееся при дѣятельномъ участіи французской

дипломатіи, тоже соотвѣтствовало наполеоновскому „принципу національностей“. Наконецъ, и попытка образованія Наполеономъ III въ Америкѣ изъ „латинской“ Мексики вассальной имперіи стояла въ связи съ его общей идеей федераціи латинскихъ расъ.

Въ послѣдніе годы передъ франко-прусской войной политика Наполеона III терпѣла одну неудачу за другой, и положеніе Франціи сдѣлалось шаткимъ, между прочимъ, потому, что и въ Италіи, и въ Германіи на эту политику смотрѣли, какъ на главную помѣху для ихъ окончательнаго объединенія: свой принципъ національностей Наполеонъ III, въ своихъ интересахъ, проводилъ въ жизнь съ такими ограниченіями, на которыя не хотѣли и не могли согласиться ни итальянцы, ни нѣмцы.

3. Съ самаго начала шестидесятыхъ годовъ національное единство сдѣлалось главнымъ лозунгомъ всѣхъ живыхъ общественныхъ силъ и въ Италіи, и въ Германіи, хотя въ послѣдней, какъ было упомянуто, въ то же время зародилось и соціальное движеніе, которое не могло видѣть въ осуществленіи національной идеи панацеи отъ всѣхъ общественныхъ золъ. Во всякомъ случаѣ въ обѣихъ странахъ именно эта идея сдѣлалась главною движущею силою тогдашней исторіи. Роль объединительницъ выпала въ Италіи, какъ не разъ уже выше указывалось, на долю Сардиніи и на долю Пруссіи—въ Германіи. Въ обоихъ случаяхъ такая роль была намѣчена еще раньше. Сардинія выступала въ этой роли еще въ 1848 и 1849 гг., но тогда потерпѣла неудачу, хотя, съ другой стороны, сохраненіе ею конституціоннаго режима заставляло—и послѣ пораженія ея въ войнѣ съ Австріей—часть итальянскихъ патріотовъ возлагать свои надежды именно на Сардинію. Пруссія еще

раньше того сдѣлалась надеждой нѣмецкихъ патріотовъ, а именно со времени внутреннихъ реформъ 1807 г. Въ эпоху великаго кризиса конца сороковыхъ годовъ прусскому королю франкфуртскій парламентъ предложилъ корону Германской имперіи, но тогда она не была принята, какъ корона революціоннаго происхожденія, что не мѣшало Пруссіи работать въ эту эпоху, какъ и потомъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, надъ переустройствомъ Германіи въ интересахъ династіи Гогенцоллерновъ.

Въ исторіи объединенія Италіи и Германіи вообще наблюдается не мало сходныхъ чертъ. Въ обоихъ случаяхъ помѣхою являлись, съ одной стороны, Австрія, бывшая полнымъ отрицаніемъ принципа національностей, съ другой — мѣстныя династіи, охранявшія партикуляризмъ отдѣльныхъ частей обѣихъ странъ. Вотъ почему только войны съ Австріей могли привести и здѣсь, и тамъ къ объединенію, которое сопровождалось изгнаніемъ Австріи какъ изъ Италіи, такъ и изъ Германіи. Что касается до мѣстныхъ династій, то въ Италіи всѣ онѣ лишились своихъ владѣній, въ Германіи же это случилось только съ нѣкоторыми, но и тамъ, и здѣсь это было пораженіемъ принципа легитимизма въ столкновеніи съ національною идеею, т.-е. побѣдой того, въ чемъ непримиримые сторонники старины не могли не видѣть революціи. Правда, оба главные дѣятели эпохи, Кавуръ въ Италіи и Бисмаркъ въ Германіи, дѣйствовали не столько въ качествѣ національныхъ патріотовъ, сколько въ особыхъ интересахъ отдѣльныхъ частей Италіи и Германіи, именно въ интересахъ Сардиніи и Пруссіи, какъ слуги двухъ мѣстныхъ династій, но оба они опирались на широкое національное движеніе и, будучи врагами демократіи и революціи, все-таки вынуждены были искать сочувствія своимъ планамъ въ народныхъ массахъ, общимъ же направленіемъ своей

политики даже способствовали революціи въ чужихъ владѣніяхъ. Оба, люди необычайно властные, они пользовались, не смотря на это, народнымъ представительствомъ для осуществленія своихъ задачъ—подчинить всю Италію Савойскому дому, а Германію—Гогенцоллернамъ; Бисмаркъ, который до 1866 г. велъ упорную борьбу съ народнымъ представительствомъ въ Пруссіи, даже не задумался ввести въ Германіи всеобщую подачу голосовъ. Выступивъ на политическое поприще въ рядахъ консерваторовъ, и Кавуръ, и Бисмаркъ, конечно, не могли хотѣть и на самомъ дѣлѣ не хотѣли дѣйствовать демократическими средствами: по ихъ мнѣнію, все должно было дѣлаться государями и ихъ арміями, но для достиженія своихъ цѣлей они должны были идти на уступки тому, что называется духомъ времени. Итальянскій и нѣмецкій націонализмъ шестидесятыхъ годовъ былъ либеральнымъ, и кто хотѣлъ овладѣть силою народнаго движенія, бывшею столь значительною въ эти годы, обязанъ былъ, если и не быть либераломъ, то, по крайней мѣрѣ, дѣлать уступки либерализму. Послѣднія, впрочемъ, шли только до извѣстныхъ предѣловъ и въ Италіи, и въ Германіи.

4. Въ исторіи національнаго движенія въ Италіи, приведшаго къ ея объединенію, наблюдается два боровшіяся между собою теченія. Одно было создано еще мадзиніевской „Молодой Италіей“,—теченіе демократическое и республиканское, воспитавшееся въ традиціяхъ революціи, тогда какъ другое, наиболѣе виднымъ представителемъ котораго и былъ сардинскій министръ Кавуръ, расчитывало исключительно на дипломатію и военныя силы государства, принципіально враждебное революціи и стремившееся къ консолидаціи монархической конституціи для обезпеченія главнымъ образомъ интересовъ имущественныхъ классовъ. Дѣятели перваго направленія стояли

на той точкѣ зрѣнія, что Италія справится сама съ своей задачей (Italia farà da se), а ихъ противники искали помощи извнѣ, именно со стороны Франціи, надѣясь, что эта помощь не только выбьетъ Австрію изъ занятой ею въ Италіи позиціи, но и послужитъ къ обезсиленію итальянской демократіи. Ходъ итальянскаго объединенія въ общемъ былъ тотъ, что народное движеніе было создано республиканцами, воспользовалась же этимъ движеніемъ конституціонная монархія. Этотъ антагонизмъ ведетъ свое начало еще изъ эпохи революціи 1848 г., когда Сардинія, вступившая въ прямую борьбу съ Австріей, въ то же время была очень не прочь содѣйствовать замѣнѣ республиканскаго режима монархическими конституціями и въ Римѣ, и въ Тосканѣ. Итальянскіе республиканцы потерпѣли тогда пораженіе,—хотя и дѣлали еще потомъ, въ пятидесятыхъ годахъ, кое-какія слабыя попытки,—но тѣмъ болѣе выигрывала отъ этого сардинская политика, которая своимъ относительнымъ либерализмомъ и явнымъ антиклерикализмомъ привлекла на свою сторону даже часть разочаровавшихся республиканцевъ. Война 1859 г. противъ Австріи сдѣлала политику Сардиніи еще болѣе популярною, и въ вызванномъ ею повсемѣстно въ Италіи народномъ движеніи принялъ горячее участіе одинъ изъ вождей демократическаго направленія, Гарибальди. Въ Тосканѣ, Моденѣ, Пармѣ и Романьѣ (с.-в. части Папской области) произошли народныя революціи противъ мѣстныхъ правительствъ, но признаніе жителями этихъ областей власти Савойскаго дома совершилось лишь путемъ всенароднаго голосованія, т.-е. путемъ примѣненія демократическаго принципа. Національный герой, Гарибальди, низвергъ вслѣдъ за тѣмъ Бурбоновъ въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій и хотѣлъ уже распространить революцію и на Римскую область, но послѣднему Сарди-

нія сама воспротивилась, да и въ бывшемъ королевствѣ Обѣихъ Сицилій, вопреки желанію республиканцевъ не соединяться съ Сардиніей, всенародное голосованіе высказалось тоже за присоединеніе. Въ мартѣ 1861 г. первый общеитальянскій парламентъ могъ уже провозгласить сардинскаго короля — „милостію Божіею и по волѣ народа королемъ Италіи", причемъ новое королевство приняло сардинскую конституцію съ высокимъ избирательнымъ цензомъ (на 20 милліоновъ жителей 600 тысячъ избирателей). Присоединенія Венеціи и Рима были одинаково утверждены всенароднымъ голосованіемъ, но въ общемъ, не смотря на это внѣшнее торжество прямо демократическаго начала, новое королевство приняло форму чисто буржуазнаго государства, правительство и правящіе классы котораго стали затѣмъ вести борьбу на два фронта—протитъ демократіи, которая не удовлетворилась такимъ исходомъ объединенія, и противъ клерикализма, который не могъ примириться съ отнятіемъ у папы свѣтской власти,—этимъ тоже громадной важности фактомъ, бывшимъ однимъ изъ слѣдствій итальянскаго объединенія.

5. Въ Германіи политическое объединеніе сопровождалось введеніемъ всеобщей подачи голосовъ при выборахъ народныхъ представителей, но присоединеніе къ Пруссіи новыхъ территорій обошлось безъ плебисцита, потому что признано было совершившимся по праву завоеванія. Правда, послѣ войны, отнявшей у Даніи Шлезвигъ-Гольштейнъ, предполагалось прибѣгнуть къ такому опросу воли жителей, но въ концѣ концовъ онъ не состоялся. Такимъ образомъ и въ Италіи, и въ Германіи демократическій принципъ народной воли былъ примѣненъ лишь на половину и притомъ различнымъ образомъ въ обѣихъ странахъ. Другое различіе состояло въ томъ, что въ Германіи не было совсѣмъ республиканскаго направленія въ

рѣшеніи вопроса объ объединеніи. Въ 1848 г. еще существовалъ антагонизмъ двухъ политическихъ міросозерцаній среди дѣятелей тогдашняго движенія, но подавленіе республиканскихъ попытокъ 1848—49 гг. были настолько полнымъ, что въ эпоху объединенія среди нѣмцевъ уже не было дѣятельныхъ республиканцевъ. Самъ организаторъ нѣмецкой рабочей партіи, Лассаль, стоялъ на точкѣ зрѣнія демократической монархіи: Бисмаркъ, знавшій его честолюбіе, даже шутилъ на счетъ сомнѣнія Лассаля, состоится ли объединеніе Германіи подъ династіей Гогенцоллерновъ или династіей Лассалей. Съ другой стороны, Италія шестидесятыхъ годовъ не знала еще соціальнаго движенія, уже проявившагося въ Германіи.

Вмѣстѣ съ этимъ объединеніе Германіи не было полнымъ. Главнымъ вопросомъ, раздѣлявшимъ нѣмцевъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, былъ вопросъ о томъ, кто станетъ во главѣ объединенной Германіи — Австрія или Пруссія. Соперничество между династіями Габсбурговъ и Гогенцоллерновъ началось еще за цѣлый вѣкъ до объединенія подъ гегемоніей Пруссіи. Въ 1848—49 гг. даже образовались партіи великой и малой Германіи, изъ которыхъ одна не могла представить себѣ нѣмецкую націю безъ Австріи, другая же стремилась исключить Австрію съ ея пестрымъ этнографическимъ составомъ изъ національнаго нѣмецкаго государства. Объединеніе Германіи послѣ австро-прусской войны совершилось по программѣ мало-нѣмецкой партіи, но зато оно и не было полнымъ, такъ какъ австрійскіе нѣмцы были исключены изъ состава Германіи—къ ущербу, конечно, для самого національнаго принципа. Это было результатомъ не одной этнографической пестроты Австріи, дѣлавшей труднымъ сохраненіе ея въ составѣ Германіи, но и вмѣшательства въ дѣло объединенія со стороны династическихъ правъ. Въ

Италіи вопросъ рѣшенъ былъ просто: царствовавшія здѣсь династіи (Бурбоны и Габсбурги) были лишены своихъ владѣній; но въ Германіи лишь государи Ганновера, Нассау и Кургессена лишились своихъ престоловъ, такъ что объединенная имперія все-таки осталась союзнымъ государствомъ. Благодаря этому, если Сардинія, такъ сказать, растворилась въ Италіи, то въ Германіи, наоборотъ, произошло поглощеніе значительной ея части Пруссіей. Какъ-никакъ, далѣе, въ Италіи большую роль съиграли народныя движенія, которыми только искусно воспользовалась Сардинія, привлекавшая къ себѣ итальянцевъ либерализмомъ своей политики, Пруссія же, наоборотъ, начала дѣло въ эпоху борьбы съ народнымъ представительствомъ, что заставляло многихъ призадуматься, не идти ли за Австріей, которая какъ-разъ тогда приступала къ либеральнымъ реформамъ. Самъ главный дѣятель прусской политики этой эпохи рѣзко заявлялъ, что дѣло будетъ сдѣлано не парламентскими постановленіями и народными голосованіями, но „кровью и желѣзомъ".

6. Паденіемъ второй имперіи во Франціи, завершеніемъ объединенія Италіи со столицею въ Римѣ и основаніемъ Германской имперіи, этими тремя главными результатами франко-прусской войны 1870—71 гг., оканчивается цѣлый періодъ западно-европейской исторіи XIX в., начинающійся подавленіемъ революціи 1848 г. Эти три событія до извѣстной степени осуществляли то, что было цѣлью политическихъ стремленій и во Франціи, и въ Италіи, и въ Германіи, но исполненіе оказалось много ниже прежнихъ ожиданій. Пятидесятые и шестидесятые годы были временемъ цѣлаго ряда войнъ, который,— открывшись, собственно говоря, въ 1853 г. такъ называемой крымской кампаніей, — оставилъ Европѣ въ наслѣдіе по себѣ то, что принято теперь обозначать словомъ

„милитаризмъ“. Конечно, явленіе не было совсѣмъ новымъ, да и экономическія и культурныя слѣдствія этого явленія уже раньше давали себя знать народамъ Европы, но теперь оно приняло особенно грандіозные размѣры среди матеріальныхъ и духовныхъ успѣховъ, которые, наоборотъ, все болѣе и болѣе утверждаютъ въ человѣчествѣ идею мирнаго сожительства народовъ. Другимъ наслѣдіемъ эпохи національныхъ войнъ является идущій рука объ руку съ милитаризмомъ націонализмъ, съ своей стороны, тоже разъѣдающій идею общечеловѣческой солидарности. Но Европа живетъ не одними этими двумя наслѣдствами, и прогрессивное движеніе жизни, несмотря на всѣ отклоненія, усиливаетъ, углубляетъ и упрочиваетъ все больше и больше начала истины и справедливости.

XVI. Взглядъ на умственное развитіе въ Западной Европѣ въ первыя двѣ трети XIX вѣка [1]).

1. Двоякое значеніе научныхъ успѣховъ XIX в.—2. Громадное развитіе техники.—3. Побѣда научнаго мышленія надъ „метафизикой“.—4. Главныя пріобрѣтенія научной философіи природы.—5. Примѣненіе научной точки зрѣнія и научнаго метода къ пониманію общественныхъ явленій.

---

1. Особенную славу XIX вѣку доставляетъ совершившееся въ немъ научное развитіе, безпримѣрное во всѣхъ предыдущихъ столѣтіяхъ исторіи. Это развитіе отразилось одновременно и на общественномъ міросозерцаніи,

---

[1]) Исторія Западной Европы въ новое время, томъ V, гл. 32 (Умственный переворотъ середины XIX в.).

и на жизненной практикѣ общества, т.-е. и на нашихъ взглядахъ, и на нашей техникѣ. Оба эти развитія, какъ теоретическое, такъ и техническое, идутъ рядомъ, одно другимъ питаясь, одно другое поддерживая, одновременно совершенствуя какъ наши знанія, касающіяся явленій, которыя происходятъ вокругъ насъ—и въ обществѣ, и въ природѣ,—такъ точно и наши способы воздѣйствія на эти явленія, способы пользованія физическими и соціальными силами для достиженія нашихъ жизненныхъ цѣлей. Самая постановка этихъ цѣлей испытываетъ на себѣ вліяніе умственнаго прогресса, который не можетъ ограничиваться лишь знаніемъ того, что есть, какъ оно есть, не соприкасаясь съ областью нашихъ идеалахъ, т.-е. того, что должно быть. Прогрессивное движеніе XIX в. вообще и въ частности,—говоря здѣсь только о первыхъ двухъ третяхъ вѣка,—идейное броженіе особенно тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ является дальнѣйшимъ развитіемъ великихъ культурныхъ движеній новаго времени, которыя мы называемъ гуманизмомъ, реформаціей, „просвѣщеніемъ“ XVIII в. Въ нихъ именно зародились и получили первое свое развитіе идеи человѣческаго достоинства, свободы личности, гражданскаго равенства, общественной самодѣятельности и т. п.,—идеи, съ которыми, наоборотъ, всегда боролись всѣ реакціи, вызывавшіяся желаніемъ отстоять старые, отжившіе свое время воззрѣнія и порядки.

Объ этомъ двоякомъ значеніи научныхъ успѣховъ для идейнаго и техническаго развитія мы теперь и скажемъ нѣсколько словъ, начавъ съ прогресса техники въ первыя двѣ трети XIX в.

2. Уже не разъ высказывалась (по существу весьма справедливая) мысль, что все прошлое историческаго человѣчества до XIX в. представляетъ изъ себя одинъ

періодъ въ развитіи техники, и что именно XIX столѣтіемъ начинается другой, совершенно новый періодъ. Собственно говоря, для хронологической точности настоящее начало этого періода нужно отнести къ исходу XVIII столѣтія, когда были изобрѣтены, а главное—стали примѣняться къ промышленности первыя машины, что, какъ извѣстно, само имѣло значеніе крупнаго экономическаго переворота [1]). Все-таки, однако, и при этой оговоркѣ, приходится признать, что широкое примѣненіе машиннаго производства и главные техническіе успѣхи характеризуютъ именно только XIX вѣкъ. Двумя совсѣмъ новыми, бывшими въ XVIII столѣтіи еще неизвѣстными примѣненіями силы пара явились въ XIX в. пароходы и паровозы, первые съ 1815 г., вторые съ тридцатыхъ годовъ. Кромѣ пара, стало еще играть въ XIX в. большую роль—и въ области сношеній, и въ области производства—электричество (телеграфъ, электрическая тяга, электрическіе двигатели). Наконецъ, во многихъ отношеніяхъ цѣлый переворотъ произвело также изобрѣтеніе новыхъ взрывчатыхъ веществъ. Примѣненіе силъ пара, электричества и взрывчатыхъ веществъ дало возможность страшно умножить количество необходимыхъ для жизни издѣлій, значительно удешевить ихъ производство, во много разъ увеличить силу и скорость перевозки людей и товаровъ, облегчить до-нельзя сношенія между отдѣльными странами, проложить хорошіе пути черезъ горы (между прочимъ прорытіемъ туннелей), соорудить также большіе каналы и пр. и пр. Всѣ эти и многіе другіе успѣхи техники сдѣлались возможными, лишь благодаря развитію соотвѣтственныхъ теоретическихъ наукъ, т.-е. механики, физики и химіи, которыя въ XIX в. сильно двинулись впередъ, въ свою

---

[1]) Ср. выше, стр. 26—30.

очередь въ зависимости и отъ успѣховъ техники въ выдѣлкѣ разнаго рода приборовъ, необходимыхъ для научныхъ изслѣдованій. Нельзя, однако, не отмѣтить, что прикладныя механическія, физическія и химическія знанія пошли въ XIX в. на службу не только промышленности, созидающей новыя богатства, но и на службу милитаризму, нуждающемуся прежде всего въ средствахъ разрушенія и истребленія, и это, помимо всего прочаго, сдѣлало его особенно обременительнымъ для народовъ, изнывающихъ подъ тяжестью военныхъ бюджетовъ. Въ общемъ, какъ въ дѣлѣ созиданія, такъ и въ дѣлѣ разрушенія, развитіе прикладныхъ знаній въ XIX в. сообщило человѣку такую силу надъ природою, какая прежде никому и не снилась. Облегченіе и ускореніе сношеній между людьми, благодаря паровому транспорту, электрическому телеграфу, скоропечатной машины, не могло, конечно, не отразиться, наконецъ, и на всемъ обиходѣ общественной жизни.

3. Другимъ результатомъ развитія положительныхъ знаній, такъ блистательно оправдывавшихъ свою вѣрность въ области техническихъ изобрѣтеній и успѣховъ, была постепенная побѣда научнаго духа надъ пережитками старой мистики и схоластики. Еще въ серединѣ XVIII в., въ эпоху энциклопедистовъ, была уже высказана мысль о положительной наукѣ, какъ о преимущественномъ орудіи умственнаго, нравственнаго и матеріальнаго улучшенія общества, но тогдашняя наука была еще слишкомъ несовершенна для того, чтобы сдѣлаться въ дѣйствительности такимъ орудіемъ. Опытъ и наблюденіе, въ широкомъ смыслѣ этихъ словъ, были слишкомъ слабы, чтобы съ успѣхомъ бороться противъ умственныхъ привычекъ идеологическаго раціонализма. Хотя, съ другой стороны, въ концѣ XVIII в. критическая философія

Канта и провозгласила, что нашему знанію доступенъ лишь міръ явленій, дальнѣйшее развитіе философіи пошло какъ-разъ по пути, который для нея Кантомъ закрывался. Мы знаемъ именно, что реакція начала XIX в. была крайне неблагопріятна для научнаго духа и философскаго критицизма: наоборотъ, въ міросозерцаніи этой эпохи верхъ брали элементы мистики и романтики, спиритуализма и метафизики, вполнѣ подходившія къ тогдашнимъ консервативнымъ и ретроградным стремленіямъ общественнаго характера. Впрочемъ, сообразно съ общимъ духомъ времени и прогрессивные дѣятели первыхъ десятилѣтій XIX в. отличались большою склонностью къ мистикѣ и къ романтикѣ, что, наприм., можно сказать и объ утопическомъ соціализмѣ въ такой же мѣрѣ, въ какой это относится и къ романтическому націонализму (наприм., къ панславизму, мессіанизму и т. п.). Это общее настроеніе переходитъ и въ тридцатые, даже въ сороковые годы, хотя именно въ эти два десятилѣтія въ позитивизмѣ Огюста Конта уже ясно формулируется необходимость какъ философіи, основанной на положительной наукѣ, такъ и научной теоріи общества, а въ так называемомъ лѣвомъ гегельянствѣ зарождаются идеи, бывшія полнымъ разрывомъ съ прежними традиціями. Оба эти направленія одинаково объявляли войну „метафизикѣ" во имя строго научнаго отношенія къ дѣйствительности.

Реакція пятидесятыхъ годовъ не въ состояніи была нанести непоправимый ударъ тому, что только было прогрессивнаго въ умственномъ движеніи тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ: научное и философское мышленіе продолжало свою работу, и въ исторіи развитія реалистическаго міросозерцанія вторая половина XIX в. стояла уже неизмѣримо выше первой половины. Можно даже сказать, что именно въ серединѣ XIX столѣтія произо-

шелъ умственный переворотъ, который оказался крайне неблагопріятнымъ для спиритуализма и идеализма. Однимъ изъ симптомовъ этого переворота было быстрое развитіе и широкое развитіе, именно въ пятидесятыхъ-шестидесятыхъ годахъ, матеріализма, бывшаго въ сущности тоже метафизикой, но больше удовлетворявшей реалистическія стремленія, которыя поддерживались успѣхами естествознанія и банкротствомъ идеалистическихъ системъ. Конечно, матеріализмъ вызвалъ противъ себя полемику, въ которой уже въ шестидесятыхъ годахъ намѣтилась точка зрѣнія „возвращенія къ Канту", т.-е. признанія метафизичности одинаково и за матеріализмомъ, и за спиритуализмомъ съ провозглашеніемъ научнаго отношенія къ дѣйствительности и критическаго отношенія къ нашему знанію. Къ началу семидесятыхъ годовъ матеріализмъ сталъ сходить со сцены, умственное вліяніе стало переходить къ позитивизму Конта и критицизму Канта, и это въ достаточной мѣрѣ опредѣлило собою побѣду научнаго духа второй половины XIX в. надъ метафизикой, еще царившей надъ умами въ первой его половинѣ.

4. Міросозерцаніе, приходившее на смѣну спиритуализму и идеализму философскихъ направленій первой половины XIX в., нашло себѣ сильную поддержку въ великихъ теоретическихъ открытіяхъ естествознанія. Сороковымъ годамъ принадлежитъ возникновеніе и разработка идей единства физическихъ силъ и сохраненія энергіи, т.-е. мысли о переходѣ силъ природы одной въ другую безъ измѣненія ихъ величинъ, а спектральный анализъ, открытый въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, привелъ и къ ученію объ однородности міровой матеріи въ самыхъ отдаленныхъ отъ насъ краяхъ вселенной. Новые физическіе и химическіе принципы были примѣ-

нены къ изслѣдованію существа жизненныхъ явленій, и особое значеніе получили здѣсь открытія, которыя въ пятидесятыхъ годахъ стали дѣлаться въ области физіологіи нервныхъ процессовъ и органовъ чувствъ, что, въ свою очередь, отразилось на психологіи, которая вообще съ шестидесятыхъ годовъ начинала прямо становиться на точку зрѣнія положительной науки, основанной на наблюденіи и опытѣ. Къ самому же концу пятидесятыхъ годовъ относится и обнародованіе „Происхожденія видовъ" Дарвина, біологической теоріи, которая, какъ извѣстно, оказала громадное вліяніе на всѣ сферы научной мысли во второй половинѣ XIX в.

5. Паденіе идеалистической метафизики и успѣхи естествознанія не могли не отразиться не только на общемъ міросозерцаніи, но въ частности и на общественныхъ наукахъ. Общія теоріи права и государства были всегда одною изъ излюбленныхъ областей метафизическаго мышленія, исходившаго изъ апріорныхъ предположеній и не находившаго нужнымъ основываться на научно разработанныхъ данныхъ прошлой или настоящей дѣйствительности. Мысль о томъ, что общественныя явленія могутъ и должны изучаться совершенно такъ же, какъ и явленія природы, въ тѣхъ же самыхъ цѣляхъ открытія естественныхъ законовъ, ими управляющихъ, и въ интересахъ пользованія знаніемъ этихъ законовъ для успѣшнаго воздѣйствія на общественную жизнь, однимъ словомъ, мысль объ особой положительной общественной наукѣ съ наибольшею ясностью и силою была формулирована еще въ первой половинѣ XIX в. Ог. Контомъ, который тѣмъ самымъ ставилъ будущему великую задачу чисто научнаго отношенія къ общественнымъ явленіямъ и объявлялъ научное знаніе законовъ, управляющихъ жизнью общества, единствен-

ною вѣрною основою соціальной техники, т.-е. сознательнаго и планомѣрнаго воздѣйствія на общественную жизнь. Эта идея получила, однако, широкую популярность только къ самому концу шестидесятыхъ годовъ. Къ разсматриваемой эпохѣ середины XIX в. относятся еще и „Система логики“ Милля, въ которой особый отдѣлъ былъ посвященъ методологіи общественныхъ наукъ (1842), и „Исторія цивилизаціи въ Англіи“ (1858) Бокля, тоже стремившагося изгнать метафизику изъ изученія общественныхъ явленій и примѣнять къ нимъ исключительно научные методы, и первыя работы Спенсера, за которыми вскорѣ послѣдовало начало главнаго труда его жизни, „Системы синтетической философіи“, отличающейся духомъ научнаго реализма въ трактованіи и общественныхъ явленій. Кто хочетъ сразу и въ самыхъ общихъ чертахъ схватить разницу между философствованіемъ первой и второй половинъ XIX в., тому лучше всего сопоставить одну съ другою двѣ великія всеобъемлющія системы—Гегеля и Спенсера: одна—вся метафизическій идеализмъ, другая вся—научный реализмъ.

Особенность въ исторіи развитія общественныхъ наукъ въ XIX в. составляетъ внесеніе въ нихъ историческаго матеріала, историческаго метода и исторической точки зрѣнія. Идеологическій раціонализмъ XVIII в. былъ, какъ извѣстно, направленіемъ антиисторическимъ, и только въ началѣ XIX в. въ общественныя знанія сталъ проникать историзмъ, хотя бы на первыхъ порахъ это и дѣлалось въ духѣ царившихъ тогда реакціонныхъ стремленій. Таково было происхожденіе исторической школы права около 1810 г., а лѣтъ тридцать спустя возникла и историческая школа въ политической экономіи. Научный духъ и историческое пониманіе въ серединѣ XIX в. стали проникать и въ новыя соціальныя

теоріи: недаромъ Марксъ, наиболѣе сдѣлавшій въ этомъ отношеніи, свой соціализмъ, какъ „научный“ прямо противоположилъ прежнимъ теоріямъ, какъ „утопическимъ“. Въ этомъ ученіи только-что возникшая внѣ соціальныхъ стремленій историческая школа политической экономіи дополнялась экономическимъ направленіемъ въ исторіи, что еще больше расширило примѣненіе историзма къ обществовѣдѣнію. Все это были первые камни того научнаго зданія въ смежныхъ областяхъ соціологіи и исторіи, которое реалистическая мысль начала строить въ эту эпоху на развалинахъ старыхъ мистическихъ и метафизическихъ теорій. Умственный переворотъ, съ достаточною ясностью обрисовавшійся такимъ образомъ уже къ концу шестидесятыхъ годовъ, и опредѣлилъ собою наиболѣе жизненныя и вліятельныя теченія научной и философской мысли послѣдней трети XIX в. Какое бы направленіе ни стали принимать въ будущемъ общественныя движенія, побѣда можетъ принадлежать тѣмъ, на сторонѣ которыхъ не только право и сила, но и научная истина.

---

[1]) Ср. выше, стр. 64—65.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

I.

Въ этой своей книжкѣ авторъ вовсе не имѣлъ намѣренія дать сумму исторій отдѣльныхъ странъ, такъ какъ его намѣреніемъ было представить характеристики только *общихъ* явленій западно-европейской исторіи за первыя двѣ трети XIX в. Для тѣхъ читателей, которые желали бы прослѣдить исторію какой-либо отдѣльной страны по моему учебнику или по большой „Исторіи“ [1]), даются здѣсь необходимыя для этого указанія въ нижеслѣдующемъ перечнѣ.

Австрія. Уч. кн., §§ 258, 261, 269, 305, 309, 313, 326 и 333.
Ист. Зап. Евр., т. IV, гл. 2 и 16.—Т. V, гл. 8, 17, 18, 21—23 и 28.

Англія. Уч. кн., §§ 287—290, 315 и 336.
Ист. Зап. Евр., т. IV, гл. 20 и 21.—Т. V, гл. 4, 5, 10, 11 и 29.

Бельгія. Уч. кн., §§ 260, 261 и 291.
Ист. Зап. Евр., т. V, гл. 3.

Германія. Уч. кн., §§ 257, 258, 261, 266, 269, 275—280, 304, 311, 312, 325, 328—331 и 333.
Ист. Зап. Евр., т. IV, гл. 9, 11 и 16. — Т. V, гл. 3, 8, 15, 16, 21, 22 и 28.

Голландія. Уч. кн., §§ 260, 261 и 291.
Ист. Зап. Евр., т. V, гл. 3.

---

[1]) Впрочемъ, по „Ист. Зап. Евр.“ вполнѣ можно прослѣдить лишь исторію Англіи, Германіи (съ Австріей и Пруссіей), Италіи и Франціи.

Испанія. Уч. кн., §§ 264, 272 и 335.
Ист. Зап. Евр, т. IV, гл. 9 и 15.

Италія. Уч. кн., §§ 257, 269, 272, 291, 314, 324.
Ист. Зап. Евр., т. IV, гл. 15.—Т. V, гл. 3, 18, 23 и 27.

Португалія. Уч. кн., §§ 259 и 272.
Ист. Зап. Евр., т. IV, гл. 3.

Пруссія. Уч. кн., §§ 262, 263, 293, 294, 306, 310, 326—331 и 333.
Ист. Зап. Евр., т. IV, гл. 10 и 16.—Т. V, гл. 8, 18, 21, 22 и 28.

Франція, Уч. кн., §§ 252—255, 281—286, 294—303, 334 и 335.
Ист. Зап. Евр., т. IV, гл. 3, 5, 6, 7, 11, 17, 18, 19. — Т. V, гл. 2, 5, 6, 12, 13, 14, 19, 20, 24 и 26. (Сокращеніе этихъ главъ представляетъ собою моя „Политическая Исторія Франціи въ XIX в.“).

II.

Подобныя же указанія считаемъ не лишнимъ сдѣлать и для a) исторіи международныхъ отношеній въ первыя двѣ трети XIX в., b) общихъ характеристикъ состоянія Западной Европы въ разныя эпохи, c) экономическаго развитія и соціальныхъ отношеній XIX в., равно какъ для d) исторіографическихъ обзоровъ, данныхъ по нѣкоторымъ вопросамъ въ „Исторіи Западной Европы“.

Международныя отношенія отъ 1800 до 1871 г. Уч. кн. §§ 256—260, 264—274, 291 и 316—323.
Ист. Зап. Евр., т. IV, гл. 8, 11, 12 и 15.—Т. V, 3, 6, 7, 18 и 26—28.

Кромѣ того, въ „Учебной книгѣ новой исторіи“ см. карты X (Имперія Наполеона I), XI (Средняя Европа послѣ вѣнскаго конгресса), XII (Средняя Европа въ 1864 — 1871 гг.) и XIII (Италія въ 1815—1870 гг.), равно какъ и объяснительный текстъ къ этимъ картамъ.

Общія характеристики состоянія Западной Европы въ разные періоды XIX в. Ист. Зап. Евр., т. IV, гл. 2, 9, 13 и 14.—Т. V, гл. 1, 5, 9, 18, 25, 32.

Экономическое развитіе и соціальныя отношенія XIX в. Ист. Зап. Евр., т. IV, гл. 23—27.—Т. V, гл. 5, 10, 13, 16, 30, 31.

Исторіографическіе обзоры. Ист. Зап. Евр., т. IV, гл. 1, 4 и 12. Указанія на литературу даны, кромѣ того, почти въ каждой главѣ.

III.

Оглавленіе IV и V томовъ „Исторіи Западной Европы въ новое время“.

Томъ IV. Исторія первой трети XIX вѣка (1800—1830). 1. Исторія XIX вѣка и ея изученіе.—2. Вліяніе французской революціи на Европу.—3. Исходъ революціи по отношенію къ внутренней жизни Франціи.—4. Наполеоновская эпоха и ея исторіографія.—5. Наполеонъ до 1799 г.—6. 18 брюмера и наполеоновскія конституціи.—7. Внутренняя политика консульства и имперіи.—8. Господство Франціи въ Европѣ при Наполеонѣ I.—9. Внутреннія перемѣны въ западно-европейскихъ государствахъ въ наполеоновскую эпоху.—10. Разложеніе стараго порядка и попытка реформъ въ Пруссіи.—11. Внѣшняя и внутренняя оппозиція противъ имперіи Наполеона I.—12. Паденіе имперіи, „сто дней“ и вѣнскій конгрессъ.—13. Происхожденіе и характеръ реакціонныхъ стремленій эпохи.—14. Общая характеристика либерализма въ эпоху реставраціи.—15. Священный союзъ, южно-романскія революціи и конгрессы.—16. Побѣда партикуляризма и реакціи въ Германіи.—17. Реставрація и установленіе конституціонной монархіи во Франціи.—18. Реакціонная политика во Франціи въ эпоху реставраціи.—19. Борьба французскаго либерализма противъ реакціи.—20. Происхожденіе англійской реакціи конца XVIII и начала XIX в.—21. Реакція и борьба за свободу въ Англіи до 1830 года.—22. Существенное содержаніе соціальной исторіи XIX вѣка и ея изученіе.—23. Крестьянскій вопросъ въ первой трети XIX в.—24. Перемѣны въ промышленномъ быту Западной Европы въ концѣ XVIII и началѣ XIX в.—25. Капитализмъ, пролетаріатъ, пауперизмъ и начало рабочаго вопроса.—26. Экономическія теоріи эпохи въ связи съ моральными и политическими ученіями.—27. Соціальныя ученія первой трети XIX вѣка.

Томъ V. Исторія среднихъ десятилѣтій XIX вѣка (1830—1870). 1. Общій взглядъ на состояніе Западной Европы передъ іюльской революціей.—2. Іюльская революція.—3. Вліяніе іюльской революціи на Европу.—4. Парламентская реформа въ Англіи.—5. Торжество буржуазіи послѣ 1830 г. — 6. Борьба съ революціей во Франціи въ тридцатыхъ годахъ. — 7. Внѣшняя политика іюльской монархіи.—8. Реакція тридцатыхъ годовъ въ Германіи.—9. Общій очеркъ политическихъ, соціальныхъ и національныхъ движеній въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ.—10. Англійское законодательство тридцатыхъ и

сороковыхъ годовъ.—11. Чартистское движеніе въ Англіи.—12. Французскій либерализмъ временъ іюльской монархіи. — 13. Французскій соціализмъ и коммунизмъ временъ іюльской монархіи.—14. Идеи и настроеніе французской демократіи временъ іюльской монархіи.—15. Нѣмецкій литературный и философскій радикализмъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. — 16. Нѣмецкія экономическія и соціальныя ученія тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ.—17. Славянское возрожденіе, панславизмъ и мессіанизмъ. — 18. Состояніе Западной Европы наканунѣ 1848 г. — 19. Министерство Гизо и февральская революція.—20. Начало второй республики и іюньскіе дни.—21. Нѣмецкая революція 1848 г. и франкфуртскій парламентъ. — 22. Паденіе нѣмецкой революціи и конецъ франкфуртскаго парламента. — 23. Славянская, венгерская и итальянская революціи.—24. Французская конституція 1848 г. и декабрьскій переворотъ.—25. Общая реакція пятидесятыхъ годовъ. — 26. Господство Наполеона III въ Европѣ и во Франціи. — 27. Объединеніе Италіи.—28. Объединеніе Германіи.—29. Англія до второй парламентской реформы.—30. Крестьянскія реформы середины XIX в.—31. Соціальное движеніе въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ.—32. Умственный переворотъ средины XIX вѣка.

H 779.05.45
Obshchii vzgliad na istori
Widener Library 005543264
3 2044 087 974 556